

ПИОНЕР 12

1985

Наверное, ты давно ждешь не дожدهшься веселого новогоднего карнавала. А знаешь ли ты, что карнавал — событие не только веселое, но и очень серьезное. Историки, философы, этнографы изучают историю карнавалов, выясняют, над чем смеялись на карнавалах в разные времена, маски разыскивают, собирают, хранят в исторических и этнографических музеях.

Знаешь ли ты, что слово КАРНАВАЛ древнее и переводится с латинского как ПОТЕШНАЯ КОЛЕСНИЦА... Хочешь больше узнать о карнавалах — слушай наш рассказ. Догоняй потешную колесницу!

Мчится, мчится потешная колесница

Танцует с доброй Феей веселый Арлекин, пляшет Заяц в обнимку с Волком, топчется под музыку неповоротливый Мишка, кружатся вокруг новогодней елки легкие Снежинки, Петрушки, смелые Рыцари. Всех подхватил радостный вихрь карнавала.

Кружиться бы вечно в этой пестрой толпе Клоунов, Петрушек, красавиц Принцесс! Увидеть все маски на свете, узнать, кто придумал это веселье!

Вдруг словно легкая колесница подхватила меня и понесла во тьму, в неизвестность. Как же могла я забыть, что все желания исполняются в новогоднюю ночь! Страшно мне стало, да не повернуть назад, не остановить стремительной силы новогодних желаний...

Пестрым вихрем проносятся мимо маски, разные, невидан-

ные, сделанные из глины, из березовой коры, из бумаги... Одни надеты на руки, другие держат в руках, под некоторыми скрываются по десять, сто человек. Я и не знала, что бывают такие. Думала, маски только на лицо надевают.

Вот, склонившись над маской, люди плачут горько и безутешно. Что за неожиданное зрелище? В глубокую древность занесло меня волшебство новогодней ночи. Не в радостном ожидании карнавала мастерила тогда человек маску, наоборот, когда горе, тяжелая утрата постигали его. Делая маску из глины, он старался точно изобразить лицо умершего соплеменника, чтобы оставить на земле его образ, надеясь так продлить его жизнь.

Летим дальше — новая не-

ожиданность. Множество зверей собралось на лесной поляне. Медведи, серны, кабаны окружают стройного красавца оленя. Все уже, уже круг. Вдруг колья и камни полетели в него. Упал олень. Люди сбросили на землю рога и шкуры — конец охоте.

Не для праздного развлечения надевали маски и шкуры, преображались в зверей первобытные охотники. Маски помогали им обмануть зверя. Были связаны с риском, опасностью охоты, редко с удачей. И здесь не до веселья.

Мчись же скорее, чудесная колесница, из темного леса к тем сияющим вдали огням! Вскоре я вижу торжественные римские храмы, праздничные толпы людей на улицах, множество факелов. Это Древний Рим справляет самый радо-

стный праздник года, веселые сатурналии.

В те давние времена люди еще не могли объяснить многие явления природы, жизни, верили в могучую власть богов, управляющих миром. Считали, что урожай зависит от воли бога Сатурна, имя которого и произошло от латинского корня *sat* — сеять.

В середине декабря в дни зимнего солнцеворота устраивали праздники в честь Сатурна. Благодарили его за урожай и просили о будущем. На сатурналиях танцевали, пели, все жители Древнего Рима выходили веселиться на улицы и площади.

Праздник для римлян был жизнью особой, необычной, когда все преобразуется, становится иным. Слуги и господа переодеваются, меняются ролями. Шут надевает корону короля, король колпак шута. Ни-

щий расхаживает в богатом платье. Богач с сумой нищего отплясывает на площади. На маскараде нет зрителей и актеров. Законы праздника временно становятся законами жизни. И главный — смех каждого человека в общем веселье.

Даже если горе постигло твой дом и не до смеха тебе, в дни сатурналий ты должен надеть маску и веселиться со всеми. Иначе тебе не улыбнется солнце, не будет урожая на твоём поле, счастья в доме.

В честь Сатурна и солнца на праздниках разводили костры. Огонь, словно солнце, светит, греет, обжигает. Он казался людям посланником солнца на земле. В нем видели защиту от злых, темных сил, когда солнца не было на небе.

Ряженный царь сатурналий бросал в огонь чучело, изображающее злого, страшного старика. Люди представляли, что это летит в огонь старое, злое, лишнее, верили, огонь-солнце избавит их от несчастий, сделает жизнь ясной и светлой. Римляне смеялись, обменивались факелами, желали друг другу яркого солнца. На сатурналиях возникла и традиция дарить подарки — ветки оливы, финики, мед. Надеялись, что они принесут богатство в дом.

Целую неделю идет веселье, смеются люди, пылают костры и факелы. Задержаться бы подольше на этих первых в истории веселых маскарадах. Да уже несется дальше карнавальная колесница через страны и времена, из Древнего Рима в средневековую Русь.

Здесь же ранняя весна, почернел, начал таять снег. По дворам ходят ряженные, поздравляют с Новым годом, с весной, песни поют.

С крыши капли,
Грачи прилетели,
Ой, ладушки-ладу,
Грачи прилетели.

В начале марта по всей Руси шумит радостный праздник. Пробуждается природа после долгой зимы, скоро начнутся работы на полях, зазеленеют луга и поля, а там и урожай жди. Устали все от холодной зимы, весело ее провожают. С приближением лета будто новая жизнь, новый год начинается.

В руках люди держат распустившиеся веточки яблони и вишни, которые заранее ставили в воду. Какой же праздник без дерева? Деревья почитались за долголетие и силу, которую получали они от земли. Люди думали: если принести ветку на праздник в дом, она поделится с ними этими свойствами дерева. Не было еще на этом новогоднем празднике привычной нам елки.

Но маскарад-то самый настоящий, новогодний. Множество масок мелькает на деревенских улицах. Сделанные из березовой коры, из целого полена, сшитые из разноцветных лоскутков. Видны и лица, просто перемазанные сажей, — это тоже маски, изображения чертей и разной нечисти. Часто наряжались животными. Считалось, что животные имеют особую связь с землей, власть над ней. Вывернут люди наизнанку тулуп, прикрепят к голове рога и ходят по деревне, распевают песни.

Где коза хвостом,
Там жито кустом,
Где коза рогом,
Там жито — стогом.

На самой высокой горе разжигают костер, чтобы светил он сверху, подобно солнцу. В огонь бросают чучело зимы. Потом начинается любимая игра деревенской молодежи — прыжки через костер. Крестьяне верили в волшебную силу посланника солнца, надеялись, что в огне сторят все

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ДЕКАБРЬ 12

Москва 1985 г.

Издательство «Правда»

беды, которые пришли к ним суровой зимой.

Улыбается всем весеннее солнце, люди ведут с ним радостный разговор:

— Весна-красна!

На чем пришла?

— На овсяном

колосочке,

На пшеничном

пирожочке!

Все тише, тише звучат звонкие песни, не видно уже праздничных костров. Остался позади и этот весенний карнавал. Один скиталец-скоморох бредет по дороге.

Сколько уж столетий ходят они по Руси. Нет у них ни кола ни двора, лишь дудка, вольнка, да гусли звонкие. Разутые-раздетые, наденут маску с улыбкой до ушей, пляшут-поют, народ потешают. Людям и невдомек, что часто за смешной маской скрыто грустное лицо, а на веселый плясовой мотив звучат совсем невеселые песни:

Я брожу по чисту полю,
Что корова заблудшая,
Что ворона залетная,
Где же мне, скомороху,
Спать-ночевать!

Да кто же поверит жалобам скомороха, кто слушать их будет? Он и рад, что не заметили его грусти-печали. Снова выкрикивает веселую неразбериху, валяет дурака.

Ваня, Ваня-простота,
Купил лошадь

без хвоста...

Смеются над скоморохом, потешаются. Не догадываются, что скоморох притворяется, иг-

рает-лицедействует, развлекает зрителей, как в театре. Он и есть актер, а маски скоморохов—первые русские театральные маски.

...Огни зимнего города замелькали впереди. Над царским дворцом взметнулся красочный фейерверк, в ярко освещенных окнах мелькают маски. Указом Петра I в России был введен календарь, по которому Новый год праздновали в ночь на 1 января. Постановил Петр I и карнавалы устраивать, сам и программу праздника составил. Были в ней разноцветные фейерверки, танцы, праздничные шествия.

Праздновали Новый год лишь городские жители, царский двор и вельможи. Узок стал мир новогоднего карнавала, не развернулся он былой безудержной стихией по всей земле. Народный, сельский календарь был пока что ближе и понятней людям. Они долго отмечали праздничными карнавалами переломные моменты в жизни природы, а значит, и своей жизни. Радовались весне, солнцу, урожаю...

Проносится мимо Германия 18-го века. Первые елки на улицах и городских площадях появились. В этой стране впервые украсили на Новый год елку. Люди боялись, что не распустится к празднику веточка вишни, тогда обойдет удача их дом, и начали украшать вечнозеленое дерево. Елка стала центром праздника. А карнавал уже похож на современный.

Вижу знакомые уже улицы и площади Рима. Отсюда нача-

лось мое карнавальное кружение.

В современной Италии, совсем как в старые времена, бродят по улицам, играют дудари и вольнщики. Освобождаясь от старого, ненужного, с грохотом выбрасывают люди из окон и дверей ветхую мебель, разбитую посуду. Не забыли итальянцы древние традиции маскарадов, но совсем другое значение имеют теперь старые обряды.

Со временем менялся человек, изменилось и его отношение к жизни, природе. Нашел он объяснение многим явлениям, которые казались раньше такими таинственными, загадочными.

Факелы и костры пришли на карнавалы фейерверками и елочными огнями. Но никто уже не считает их посланниками солнца на земле. Ветки вишни и яблони превратились в блестящую елку, да кто же поверит теперь в ее магическую силу? Остался старый закон маскарада—нет праздника без смеха, радости, веселья.

Во дворах и на улицах, в школах и в самых больших дворцах нашей страны веселятся теперь дети. Летят маски разноцветной вереницей.

Совсем закружил меня карнавальный вихрь. Танцуют рядом со мной Арлекин и Фея, Петрушка и Скоморох, порхают легкие Снежинки. Сияют огнями елка, ждут нас новогодние подарки. Кружится, кружится карнавальный хорост масок. Мчится в неведомую даль потешная колесница...

Н. ДАВИДОВА

Рисунки С. СОКОЛОВА.

КНИГИ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 10, 11.

Рисунки А. ИВАШЕНЦЕВОЙ.

Пруд был усыпан листьями. Ветер собирал их в один угол, туда, где низко над коричнево-зеленой водой наклонила ветви береза, а потом сыпал еще и еще, легко срывая золотистые, багряные, лимонные, коричневые листья с почти голых лип, берез, дубов, осин. Лишь клен, стоящий вдалеке от берега среди других деревьев, сохранил почти всю листву и светился теплым рыжим костерком среди темных стволов.

Но ветер напрягся и оторвал-таки два листа клена. Один, быстро закружившись, упал где-то рядом, а второй, большой, с коричневыми, загнутыми вверх краями, был брошен на середину пруда и, покачавшись на мелкой ряби, неспешно поплыл, поджидая свою Дюймовочку, своего стойкого солдатики.

Было холодно и тихо. Доносилась музыка — на большой эстраде репетировал к ноябрьским праздникам духовой оркестр; почему-то приятно было ловить эти далекие звуки.

Внизу у воды стоял с удочкой в руках высокий худой дядечка в брезентовом плаще и зеленой фетровой шляпе.

Поплавок чуть покачивался, на него наплывали мелкие аккуратные листики березы, рыболов подергивал удилице и опять терпеливо замирал, уставившись на воду.

— Бедный, и что он поймает, замерзнет только, — поежилась Люба.

— Мало ли какие у мужчин бывают увлечения, — тихо сказал Резник.

— Тоже мне — мужчина! — толкнула его в бок Ленка. — У Гриши усы растут, а у тебя?

— Алик, — подошла ко мне Люба. — Подними воротник, видишь, какой ветер.

— Ну, чего тебе надо! Отстань! — рассердился я.

Ветер действительно усилился, но теперь я уже не мог поднять воротник. Сунув замерзшие руки в карманы пальто, папку под мышку, я молча злился на Любу. И чего она увязалась с нами? Ленка еще туда-сюда, но эта чего лезет?

— Все! — объявила Ленка. — Мы с Любой замерзли. Идемте отсюда.

Людей в аллеях было мало, в основном старушки, да матери с колясками.

Ленка собирала опавшие кленовые листья, Гриша с Резником, заговорившись, ушли вперед. Мы шли с Любой, загребая ногами листья и с хрустом ломая упавшие ветки.

— Алик...

— Что?

— Какая хорошая осень стоит, правда?

— Да.

— Тебе нравится мой воротничок?

Она расстегнула пуговицу и размотала зеленый шарф. Воротничок, правда, был красивый, легкий, как недавняя узорчатая изморозь на темном стекле. А глаза у Любы были коричневые, нет, орехово-

коричневые, в зрачках я видел свое маленькое отражение. И мое отражение недоуменно смотрело на меня.

Но ведь если нравится один человек, как можно — с другим? Просто невозможно!

— Да, ничего. — И я поспешил за Гришей с Резником.

Дошли до эстрады. Оркестр молчал. Музыканты зябко потирали руки, укладывали трубы в чехлы и футляры, переговаривались, и только один расхаживал по краю эстрады с флейтой в руках, и ее нежный звук еще висел в воздухе.

— Давайте в салочки играть! — предложила Ленка.

Водить досталось Грише, он быстро догнал Любу, она осалила Резника, а уж Володю мы заводили так, что он запыхался.

Потом Гриша сбегал за эскимо, и мы медленно ели его, сидя перед пустой эстрадой. Оркестр уехал, но, странно, если затаить дыхание, был слышен нежный звук флейты.

И так светло и легко было на душе, так тепло оттого, что рядом свои ребята, **свои**, так замечательно и чисто и ясно, что хотелось одного — пусть это не кончается!

— Мальчики, а что будет с нами через пять лет? — заговорила Люба. — Не через десять — двадцать, это очень далеко, а через пять? Восемнадцать лет, значит, окончим школу и — кто куда. Вы все учиться будете, а я портнихой стану, как мама... Но как было бы хорошо увидеться тогда!

— А что? Давайте поклянемся, — воскликнул Гриша, — ровно через пять лет встретиться на этом месте!

— На чем клясться, на палочках? — улыбнулась Ленка.

— Подождите, подождите... — забормотал Резник. — Пускай в руках у нас не шпаги, а палочки от эскимо, клянемся: верными быть в счастье...

— А коли нет — пойдем в кино, — срифмовал я.

— Какие вы хорошие, мальчики, — вздохнула Люба.

— А нам других и не надо, — заключила Ленка.

— Где тебя носит, Алик?

Мама была сегодня чем-то раздражена или встревожена.

— Гуляли... Здравствуйте, баба Глаша!

— Садись, внучек. Опять с книгой? Ишь, умник зачитанный... Морковь-то мать покупает? Как глаза?

— Нормально.

— Тетя Глаша, мне ваш совет нужен.

— Что такое? Давай рассказывай. Только ты знаешь мое правило, Лида: уж если совета просишь, ты совету моему и следуй. А иначе я и советовать не буду.

— Я письмо получила из Тамбова от Аглаи Евстафьевны, ну, от тетки Аглаи.

— Слышала про нее, скалдырная баба. Никак не могла поверить, что отец твой, Павел, ей родной брат. Уж такая она... ух! Ты ведь у ней в войну с моими девками была?

— Да, два месяца у нее жила.

— Григорий недавно рассказывал, Ефим ему написал, что Аглая от людей прячется, дверь открывает чуть не с ружьем в руках, а собаку свою выучила кусать, если кто погладить ее хочет, собаку то есть. Руку протянешь, она тебя — цап!

Неопределенная и безликая тетка Аглая, которой среди прочих к праздникам мама посы-

лала открытки «Поздравляем... Желаем... Горячо любящие вас...», начала принимать некоторые очертания.

Прихлебывая гречневую кашу с молоком, я представил деревянный темный дом с закрытыми ставнями, открывается скрипучая дверь, и на пороге стоит злая Аглая на деревянной ноге, с черной повязкой на глазу и с двумя пистолетами. За ней — худющая собака, готовая броситься. Потеха!

— Мама, а сколько ей лет?

— Отстань!.. И вот она пищет, тетка Аглая, чтобы я приехала повидаться.

— А ты что?

— Да вот думаю...

— Что ж тут думать? Через два дня ноябрьские — и поезжай.

— Я так устала, тетя Глаша. На праздники отдохнуть хотела. И постирать надо. Отгулы взяла на работе...

— Непрактичный ты человек, Лидия! Не умеешь жить! Другая бы давно уж у тетки сидела, а ты — «отдыхать»! Отдыхать на том свете будем. У тетки, кроме тебя, есть кто?

— Венья умер... Ефим, он приемный сын брата ее покойного мужа. Ефим... и все.

— Лида, я тебя как родную дочь люблю и желаю только добра. Иди завтра утром на Павелецкий вокзал и покупай билет. Аглая-то ведь из бывших, понимаешь? Не графиня, а... Алик, как там у них звания всякие?

— Княгиня?

— Да нет!

— Баронесса?

— Вот! Баронесса она бывшая. Она такая тихая-тихая, один раз ее видела — век не забуду. Своего не упустит... А ты! Живете — дырка в дырку смотрится. Она тебе хоть шубу-две даст, все хорошо. У нее и золотишко есть. Глядишь, телевизор купите. Поняла?

Я напряженно смотрел на маму. Вот это да! И она до сих пор молчала!

Дом тетки вырос в заброшенную барскую усадьбу с щербинами на белых колоннах, с расколотыми мраморными ступеньками парадного входа, с зарослями дикого винограда, скрывающими балкон. И вот баронесса Аглая...

— Пока ты думаешь, этот Ефим уж у тетки сидит и говорит, что ты ее забыла. Это наверняка!.. И потом, сегодня она жива, завтра нет. И останешься ты...

— А как же Алик?

— Пусть у меня поживет. У меня Роза Лильку оставляет, на праздники вместе погуляют.

Я быстро взглянул на маму и замотал головой. Прожить у тети Глаши несколько дней... Нет, лучше у дикой тетки из Тамбова.

Мама бросила на меня взгляд:

— Нет, тетя Глаша. Я его с собой возьму.

— И то верно. Увидит она какого-никакого внука, может, разжалобится. Лет сколько ей?

— Моложе отца на год, значит, шестьдесят пять.

— Моложе меня, а старуха, небось... Так едешь?

— Да, тетя Глаша, поеду.

— Вот все сейчас пожилые люди берегутся, травы пьют, «Здоровье» читают, что вредно, что полезно, в поликлинику, как на работу, ходят, и что?

— Да, — кивнула мама. — Вам налить еще?

— Плесни полчашечки да пойду. Хватит, хватит... Я одно точно знаю: никакие травы не помогут, если организм слабый. У меня вот организм силь-

Пруд был усыпан листьями. Было холодно и тихо.

ный — и живу, а и колбасу ем, и сало, и чай крепкий люблю, грешница...

Она долго еще рассуждала о здоровье, о чужих болезнях, о пользе простой жизни, без умничанья.

Ушла тетка, а мы допоздна сидели за столом. И так хорошо было сидеть под старым оранжевым абажуром с длинной бахромой.

— Мама, а она правда баронесса?

— Нет. Тетка была экономкой у какого-то барона, вот ее так и прозвали.

— А почему ты не поправила тетю Глашу? Почему ты ей всегда поддакиваешь?

— Ты еще многого не понимаешь, Алик. Вырос большой, а все дурачок.

Как странно, я ни от кого не стерпел бы этого слова, но от мамы готов. И дело, видимо, не в том, что она говорит, она просто любит меня. И как это хорошо, замечательно, что мы с ней вдвоем, вместе и никогда не разлучимся!

— Мама, а у нее книги есть?

— У тети? Как будто есть. Я уже плохо помню, но мы там что-то читали. Да, у нее должно быть много книг, вся баронская библиотека ей досталась.

— Ух ты! Там, наверно, все собрания сочинений есть!

— В войну она книги продавала, кто знает, что

осталось. Ладно, спать давай. Приедем — все увидишь.

Ночью я летал, парил меж высоченных стеллажей, тесно уставленных большими книгами в крепких переплетах с золотым тиснением. Я не успевал даже прочитать имя автора, как взмывал вверх или падал вниз, а там видел другие книги и гладил руками их холодные, слегка шершавые переплеты.

Поезд пришел в Тамбов поздно вечером.

Вышли на перрон, не успели оглянуться и поспешили за другими к автобусам. Я волок чемодан, мама прижимала к боку сумочку и несла авоську с продуктами, оберегая ее от толчков и сотрясений, — в авоське находилась тщательно завернутая в несколько газет банка ананасного компота, который мама купила к праздникам, но не позволила открыть, предназначив его в подарок тетке Аглае.

— До центра на каком? Скажите, пожалуйста, до центра на каком автобусе? — просительно обращалась мама то к одному, то к другому.

Нам обстоятельно, в несколько голосов объяснили, что до центра мы доедем на любом автобусе, а вот оттуда до Вишневой улицы придется идти пешком, но это не так далеко.

За окнами автобуса было темно, редкие огоньки — где же Тамбов?

*Тамбов на карте генеральной
Кружком отмечен не всегда.
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда!*

Мне нравилась и темнота за окнами, и теснота в автобусе, и непривычный, мягкий говор наших попутчиков, — мне нравилась дорога, моя первая большая дорога.

Сборы дома, раздраженное волнение мамы, волнующие слова «отправление», «плацкартный вагон», «верхняя полка»; церемония чаепития, дребезжание ложек в стаканах, настойчивое угощение друг друга пирожками, сыром, колбасой, яйцами, яблоками; мерное гремяние колес, к которому то привыкаешь и не слышишь, то вдруг заново замечаешь и пытаешься угадать, что они выстукивают... Бегущие за окном леса, поля, полустанки, опять леса, леса; остановки, пробег пассажира в пижаме за горячей картошкой; гудки и свистки встречных поездов, товарных и пассажирских; редкие уже черные паровозы с красной звездой впереди, выпускающие клубы черного дыма, медленно тающего над крышами вагонов...

А студенческие песни под гитару по соседству, знакомые по лагерю: «Я не знаю, где встретиться нам придется с тобой, глобус крутится, вертится, словно шар голубой» или «Вечер бродит по лесным дорожкам. Ты ведь тоже любишь вечера. Подожди, постой еще немножко, посидим с товарищами у костра» — и песни совсем незнакомые. Мне дороги были песни моего детства, громкие, звонкие, зовущие куда-то, но нравились и эти.

«...Ребята уважали очень Ленку Королева и присвоили ему звание короля», — пел негромко студент, уже взрослый, лет двадцати, наверно. Песня, которую он пел, была непривычна. Такого я еще не слышал: «А король, как король, он кепчонку, как корону, набекрень и ушел на войну...» Прильнув к деревянной переборке, я жадно слушал и чуть не заплакал от таких простых слов: «...только некому оплакать его жизнь, потому что наш Король был один, уж извините, королевой не успел обзавестись».

Мама позвала меня есть, снова пили чай.

Вокруг тихо велись разговоры, нескончаемые рассказы о себе, о родных.

Я жадно слушал. Рассказывали неторопливо, с удивлением, жалостью, негодованием, сочувствием, подчас с насмешливой улыбкой, но непременно с чувством обыкновенности всего этого и немногословным заключением: «Да-а... Бывает и так, конечно... От сумы да от тюрьмы... Не плачь битый, плачь небитый. Ох, люди...» Я слушал и старался понять эту волнующую взрослую жизнь мужчин и женщин.

Хотелось ехать и ехать с пьянящим чувством легкости и освобожденности от всего, под гремяние вагонных колес и их перестук на стыках пить чай, слушать разговоры, подпевать негромким песням студентов, в которых я видел свое будущее — дальние дороги, интересную работу, потрясающее открытие — чего?..

От остановки автобуса мы вышли на квадратную площадь. Сквер, памятник Ленину, кинотеатр. Автобусов не было, брэнча, катили грузовики. Стало совсем темно, редкие фонари высвечивали большие круги на асфальте, оставляя площадь в темноте. Ну, город.

— Ты не замерз, Алик? — спросила мама, поставив чемодан и потирая руки.

— Нет. Давай я понесу.

— Ну, давай. Еще две улицы, а там должен быть поворот на Вишневу, это я помню.

Прошли две улицы, потом еще две, потом шли Вишневой, выглядывая номера домов. Долго стучали в дверь, гремели запоры, открыли, еще ходили по дому, что-то говорили, разбирали вещи, укладывались, и я мгновенно заснул, но в ушах еще осталось мерное гремяние колес, гремяние, перестук на стыках.

Проснувшись, я понежился в теплой постели, потом вспомнил, где я, и быстро вскочил.

Постель была постлана на ковре в комнате, большей, чем наша, но с низким потолком. Утренний свет сквозь ромбики на закрытых снаружи ставнях освещал высокую кровать, большой диван, застланный одеялом и пальто, буфет, шкаф, горку, уставленную фарфоровыми статуэтками китайцев и китаянок. За стенкой громко тикали часы.

Открылась дверь. На пороге стояла среднего роста худая старая женщина в темном платье со связкой ключей в руках.

— Здравствуйте, тетя, — улыбнулся я ей и тут же застеснялся, что стою в одних трусах.

— Доброе утро, — сухо ответила она. — Вот ты какой, Алик. Хороший мальчик. Меня зовут Аглая Евстафьевна. Изволь называть меня так, потому что тетя я не тебе, а твоей матери. Она на базар пошла, придет — будем завтракать.

Из двери тянуло холодком, и я покрылся мурашками, переминался с ноги на ногу, а тетка вглядывалась в меня немигающими темными глазами.

— Ну, одевайся. — Она чуть улыбнулась.

За завтраком, который состоял всего-навсего из тарелки творога да чашки чая с молоком, тетка расспрашивала маму о родственниках, и мама, конечно, начала захлеб рассказывать о бабе Глаше, какая та добрая и внимательная, о ее дочерях Зое и Розе, как устроились, как мужья, как Роза на юг съездила и привезла раковину, как ее Лиля выросла, потом про Клаву, дядю Гришу...

Тетка молчала, аккуратно перемешивала тяжелой десертной ложкой желтеющий песок в голубовато-белом твороге, аккуратно жевала, по временам запивая чаем, и смотрела на маму, а иногда на меня. Сейчас я окончательно разглядел, что тетка скучна, неинтересна, да и просто глупа — все молчит и молчит.

— ...А жизнь, тетя, сами понимаете, трудная. Но вот — помощник растет.

— Да, хороший мальчик, тихий. Я не люблю шумных. Еще чаю хочешь?

— Нет, спасибо, — вежливо ответил я. Что — чай? В животе оставалась такая неопределенность, что можно было съесть еще две тарелки творога и несколько кусков хлеба с маслом.

— И учится хорошо, — вдруг горячо встала мама, и мне стало неловко и стыдно за нее, что она так явно нахваливает меня тетке.

— А природу ты любишь? — спросила тетка.

— Любит, любит! — радостно отозвалась мама. — Он и животных любит, и всякие там растения, деревья.

— Хороший мальчик, — покивала головой тетка. — Возьми, на крыльце стоит лопата, и порыхли землю у яблонь. Тот рядок, что ближе к дому.

Я растерянно посмотрел на маму, она молча погрозила мне пальцем и сказала:

— Конечно, он все сделает. Конечно, тетя! Пальто надень, Алик.

Ничего себе! Что я, батрак ей? И мама тоже: «Конечно, тетя...» Только я хотел спросить про книги!

И я копал, копал... Потом раскопался, у меня выходило совсем неплохо; когда перешел к четвертой яблоне, на крыльцо вышли мама и тетка.

— Молодец, Алик. Только зачем так глубоко? Надо было чуть копнуть, а так корни могут замерзнуть. Ну, ладно,— заключила тетка.— Идите погуляйте. Все-таки праздник.

Да, сегодня 7 ноября, но настроение у меня совсем непраздничное. Не было ни маминго подарка, ни утреннего кофе с оладьями, ни стука в стену, означавшего, что по телевизору начался парад, то есть всей привычной, домашней атмосферы праздника, без которой любой праздник не праздник.

Но ведь я в другом городе. Вряд ли кто из наших бывал в Тамбове, стало быть, я первый, я — путешественник, волею судьбы заброшенный в тихий городок...

— Как тебе тетя?— прервала мои мысли мама.

— Так, ничего. Неприятная она.

— Ничего, Алик, потерпи.

— Я потерплю. Только давай раньше уедем, завтра или послезавтра, а?

— Неудобно, я сказала, что приехали на неделю. И продукты привезли.

— Ну и ладно, а?

— Посмотрим.

Мы дошли до главной площади, свернули, потом пошли на звуки музыки и послушали духовой военный оркестр. Действительно, праздник. Флаги повсюду, люди идут свободные, беззаботные, с бумажными цветами и портретами, видно, с демонстрации; дети бегают с флажками; перекрикивают друг друга репродукторы, а в серое небо с голубыми просветами быстро улетали два связанных шарика, красный и синий.

По дороге съели по три пирожка с мясом и, как оказалось, не зря — обеда еще не было.

Мама села чистить картошку, а я гулял по комнатам. Всего их было четыре: комната, где жили мы; большая столовая, где над овальным столом висела массивная бронзовая люстра, по углам стояли три горки с фигурками из фарфора, видно, старинные, все пастушки и пастушки, дамы и кавалеры, в углу высокая печь, обложенная белыми изразцами с зелеными, нет, изумрудными, рисунками каких-то трав, у двери — огромный буфет, непонятно, как его втащили, стулья мягкие, с высокими резными спинками, но пружины здорово выпирали. На подставке стояли большие часы с бронзовыми фигурами трех обнаженных женщин и юноши с яблоком на протянутой ладони. Это Парис! На стене против буфета еще часы. Вот как жили буржуи! Простенок между окнами в столовой был увешан маленькими картинками.

И в нашей комнате, и в кабинете то же: массивные кресла, стулья, шкафы, картины, портьеры у дверей, плотные шторы на окнах. Как будто я был в музее. Пустынно, сумрачно, пахнет пылью — и ни звука. Что у нее, даже репродуктора нет?

На кухне мама стояла у керосинки. Тетка вошла с охапкой дров, и мне стало стыдно, болтаюсь, лентяй, а они работают.

— Тетя... Аглая Евстафьевна, что сделать надо? Давайте, я дров принесу.

— Не надо, Алик, это я сама. Хочу сказать, что, если ты в доме трогаешь какой-либо предмет, скульптуру или миниатюру, изволь все тщательно ставить на место. В доме должен быть порядок.

— Я понимаю. Я всегда все ставлю на место.

Даже обидно. Праздник, не обедали, а все нотации.

Я очень ждал обеда, и не из-за голода вовсе, пирожки были отличные, мясистые, с луком, сытные ужасно. Я рассчитывал, что за сегодняшним обедом будет открыта наконец банка ананасного компота. Толстые, золотистые ломтики ананаса не давали мне покоя, хотя, конечно, это чепуха, не серьезно, но меня как завел кто, так хотелось этого изумительного компота. Вчера вечером я заметил, что тетка поставила банку с компотом в светлый буфет в столовой. Проходя по столовой, я так, между прочим, дернул дверцу, за которой была спрятана банка, но дверца оказалась заперта. Этого я решительно не понял. От кого запирают? Будто мы одни съедим этот компот!

Обедали поздно, пришлось есть студень, который я не любил, тетка называла его «стюдень» и, я как предчувствовал, компот она не дала. Взяла было, я видел, и поставила назад. На третье она дала по яблоку из своего сада; крупная, сладкая антоновка желтого цвета, вкусная, конечно.

Чем дальше, тем меньше мне нравилась тетка. У нее и книг-то уже не осталось, наверное.

После обеда они все говорили с мамой, я задремывал, потом действительно поспал, а этот длинный день все тянулся. Пили чай с нашим печеньем и мармеладом и — спать. Тетка заглянула, пожелала покойной ночи, хлопнули снаружи ставни, пронзительно проскрипели двери, и все затихло.

— Мама!

— Что?

— А почему она петли у дверей не смажет, чтобы не скрипели?

— От жуликов. Если кто чужой залезет, сразу слышно. Спи.

— А почему у нее радио нет?

— Раздражает ее. Даже в войну от соседей все новости узнавала. Чего ты не спишь? Спи!

Я повернулся, устраиваясь поудобнее, сна не было. Повернулся на правый бок, потом на левый и вдруг замер. За стеной я услышал тихие шаги... Вот кто-то подошел к нашей двери... Я затаил дыхание... Шаги удалялись.

— Мама! Мама! — подскочил я к дивану.

— А? Что еще?

— Тише! Кто-то ходит по дому!

— Что ты выдумываешь?

— Точно. Двери тихо-тихо, но скрипят.

— Неужели чужие? — испугалась мама. — Не выходи, Алик!

— Надо тетю предупредить. Она через две комнаты, я знаю.

— Алик, не ходи!

— Я тихо.

Наконец-то у меня появилась возможность проверить, смелый ли я. Сердце сильно колотилось, но голова работала ясно и четко. Было странно весело.

Я немножко боялся воров, но на моей стороне были преимущества: я меньше их и увертливей, они не знают расположения комнат — я знаю, а кроме того, мои глаза привыкли к темноте. Скрипучие двери меня научил открывать Сашка Кузовлев, все очень просто — надо открывать их рывком.

Я рванул дверь нашей комнаты — темно, тихо. На цыпочках прошел столовую, схватился за ручку следующей двери, рванул — не поддается. Еще рванул — дверь была заперта.

— Мама! Тетка нас закрыла! — сообщил я.

— Ой, Алик, как ты меня напугал. Это она, верно, и ходила. Ложись спать.

— А ты действительно испугалась?

— Еще бы. Спи.

Сна не было ни в одном глазу, и я понял причину: вечером я ничего не ел, только печенье.

— Мама, я есть хочу.

— Господи, опять сон перебил... Что я тебе дам? Все закрыто.

— Нет. Она ключ в дверце буфета оставила. Давай компот съедем!

— Алик, как тебе не стыдно!

— Подумаешь, мы сами его привезли, а она зажилила. И я есть хочу.

Мы еще недолго препирались, но я взял верх, уже не таясь, пошел по темной столовой к буфету, уверенно протянул руку и... она уткнулась во что-то мягкое. В лицо мне ударил свет фонарика.

— Алик? Ты куда направляешься?

— Я... это...

— Налево дверь открыта, иди во двор.

И я пошел во двор, а что оставалось?

— Алик, нам надо поговорить,— сказала утром мама.

Лицо мое еще горело от ледяной воды в умывальнике и холодного воздуха; вода попала за шиворот, заставляя ежиться, но и это придавало бодрости. А когда вышел, увидел на рукомойнике синицу, черненькую с желтой грудкой, она повертела головкой

и вспорхнула при моем приближении. Воспоминания о ночных приключениях распирали меня, и я невольно хихикал, вспоминая охоту за грабителями и поход за компотом. Настроение, в общем, было отличное. Ну, тетка, ну, тетечка!

— Чего?— обратился я к маме.

— Положи полотенце и сядь.

— Ну, сел.

— Алик,— мама вздохнула, и я только тут заметил, какой сосредоточенный у нее вид, как напряженно она говорит и при этом смотрит не на меня, а на разные завитушки буфета.— Алик, мы с тетей вчера говорили о тебе...

— И что?

— Тетя предлагает оставить тебя пожить, погостить у нее пока... Школа здесь рядом, я съезжу в Москву и привезу учебники, книги твои, в общем, все, что надо. А здесь хорошо, тихо, и воздух лучше, чем у нас в центре. Эта комната будет твоя, и весь дом в твоём распоряжении, сможешь гулять, читать... Я приезжать буду. Ну, Алик?

— Что?— Я никак не мог понять, неужели все это всерьез.

— Как что!— раздраженно воскликнула мама и посмотрела на меня, а в глазах у нее было не раздражение, а...— Ты уже большой, скоро четырнадцать лет. Я с тобой советуюсь, надо решать, что ответить тете.

Прошли две улицы, потом шли Вишневой, выглядывая номера домов.

— Я не хочу!—воскликнул я.—Почему мне ребята бросать, школу?

— Здесь тоже школа, тоже ребята, подружишься, а?

— А наш класс! А библиотеки! Букинистические! И тетка эта, злая она.

— Тетя Аглая добрая, ты просто не понимаешь еще этого. Ты ей очень понравился, она тебя хвалит и... Кормить тебя она будет хорошо, а если не хватит, я оставлю денег, поешь в столовой... Ты посмотри, какой дом, какой сад, и всему ты будешь хозяином. Знаешь, как интересно работать в саду! Потом рассказы об этом напишешь... И книги тетя Аглая обещала тебе отдать. У нее очень много старых книг, и все будут твои... У соседей хочет купить щенка, будет собака.

— Что мне собака... А ты хочешь, чтобы я остался?

— Алик,—мама опять глубоко вздохнула и заговорила тише,—ты не маленький, понимаешь, как нам трудно. Если ты здесь поживешь, я смогу работать на две ставки... Потом, может быть, тетя перепишет дом на твое имя. Но даже если она просто отдаст нам что-нибудь из вещей, бронзу эту или фарфор, ради этого стоит пожить здесь.

Я смотрел на ковер, где зеленые линии повторяли красные, потом пересекались с ними, и появлялась синяя линия...

— Если не хочешь — уедем, я тебя не неволю. Но подумай, подумай, Алик, и вечером скажешь мне. Хорошо?

— Ладно,—пробурчал я, и вдруг стало так грустно, так грустно.

На завтрак тетка приготовила яичницу на большой сковороде, положила мне самый большой кусок, густо намазала маслом два ломтя хлеба и пододвинула мне:

— Ешь, Алик. Растущий юноша должен много есть.

Подлизывается, усмехнулся я, ожидая, что она будет хвалить дом, город, уговаривать. Но тетка молчала и как будто не смотрела на меня.

— Лида, ты на вокзал в кассу идешь?

— Да, мы с Аликом погуляем сейчас.

— Хорошо.

— Тетя, а Евдокия еще ходит к вам помогать?

— Да. Я без нее не обойдусь. Да и она куда денется.

Они что-то говорили, я вертел в руке массивную узорчатую вилку и никак не мог на чем-либо сосредоточиться. Школа... Екатерина Александровна... Ленка, Гриша, Резник... Кузовлев!.. Сретенский бульвар... Кирилл... Соседи, Борис Васильевич, Бугай, Бетси Моисеевна... Вот если бы этот дом был в Москве!

— Что же ты не ешь, Алик?

— Доедай, сынок, да пойдем.

Я решил показать, что тверд и сдержан, что так же, как они, способен говорить о постороннем в напряженную минуту:

— Аглая Евстафьевна, а это старинные вилки?

— Это, Алик, фамильное серебро барона. Посмотри, на черенке — маленькая корона и вензель. Барон — низший дворянский титул, но Петр Михайлович через жену был в родстве со Строгановыми. Знаешь о них?

— Конечно.

— Он у меня столько читал,—с простодушной улыбкой сказала мама и совсем не к месту.

— Строгановы были не только богатейшими людьми России, но и покровителями искусств. В Москве было ими основано Строгановское училище живописи, ваяния и зодчества.

— Я знаю, это рядом с нами.

— Какой ты развитой юноша. Допивай чай, и я покажу тебе баронскую библиотеку. Там есть книги и о Строгановых.

Наконец-то! Я старался не выдать охватившей меня бурной радости. Библиотека! Целая библиотека! Да еще баронская! Вот позавидуют ребята!

Мигом прожевав хлеб и допив чай, я вскочил из-за стола.

— А где книги? Я нигде не видел книжных шкафов.

— Раньше, Алик, в библиотеке Петра Михайловича книги стояли на стеллажах. Я их вывезти не могла, они по габаритам не подходили в этот дом. Пойдем.

Мы перешли в нашу с мамой комнату. Тетка побренчала связкой ключей и открыла высокий гардероб — он весь был уставлен стопами книг!

У меня перехватило дыхание... Пушкин, Шиллер, Шекспир, Карамзин, Достоевский, Помяловский — все собрания сочинений, огромные тома... Таких я ни в одном букинистическом не видел.

— Здесь у меня классики и вся русская литература, — откуда-то издали донесся голос тетки. — На чердаке в сундуках — западные писатели и все журналы. Там годовые комплекты «Нивы», «Вестника Европы», «Огонька», «Ля тур дю монд», это на французском. Ты, наверно, и не слышал о таких.

Боже мой! Юбилейное издание Пушкина! Стихи, поэмы, сказки, на плотной желтоватой бумаге, дореволюционный шрифт с ятями, тут же воспоминания о Пушкине, рисунки, портреты, переложённые папиросной бумагой, Наталья Гончарова, Марина Мнишек, комментарии... Какое счастье!

— Это издание Маркса. Нравится, Алик?

— Да!

— Алик, мы же собирались гулять, — настойчиво сказала мама.

Какое там «гулять»!

— Не хочу. Иди одна. Я книги посмотрю.

Шиллер, «Смерть Валленштейна».

...Здесь тайна. Все расспросы бесполезны.

Зачем так быстро подступают шведы!

На милость императора охотно

Я герцога бы отдал — пусть живет.

Я крови не хочу его. Но честью

Поклялся я — и смерть ему! А если

Его упустим, ждет меня позор.

Перетащив тяжелые тома в столовую, я завернул на столе малиновую бархатную скатерть, разложил книги и забыл обо всем. Громко тикали часы на стене, каждую четверть часа звенели часы с Парисом.

Есть странное, пьянящее упоение в рассматривании, даже не чтении, настоящих книг, только в предвкушении их неспешного прочтения, в перелистывании плотных страниц, которых касались руки множества людей, живших давным-давно, а они, ныне забытые, тоже читали эти стихи, тоже радовались и восхищались, тоже вдыхали ни с чем не сравнимый запах старых книг... Но для них книги были новые!

— Читаешь, Алик? — спросила тетка и села ря-

дом.— Умница. В тебе есть ум, сосредоточенность и настойчивость — качества настоящего хозяина.

— Скажите, Аглая Евстафьевна, а кто читал эти книги? Барон?

— Пушкина — нет. Петр Михайлович купил Шекспира и Шиллера, а Пушкина я потом приобрела, после всех катаклизмов. Книги тогда совсем дешевые были.

— Значит, эту книгу могли читать самые разные люди, понимаете?

— Понимаю. Среди них, верно, и землекопы были. Не забудь потом вымыть руки.

— Да.— Я улыбнулся. Все-таки, надо отдать тетке должное, чувство юмора у нее есть.

— Мне нравится, что ты думаешь о жизни. Это похвально. Недалекие люди тянут свою лямку и все. Я не осуждаю их. Они еще не пробудились, живут одним днем, ради суеты. А мы, думающие, не можем так, мы должны жить ради определенной цели, для выполнения своего долга. Верно? Ты понимаешь меня?

— Да.

Я как будто заново увидел тетку, хотя слова ее были не совсем понятны. Она вовсе не глупа.

— Ты спрашивал, почему у меня так много ненужных вещей. Но это не «ненужные» вещи. Это мои вещи. Это вся жизнь, если хочешь. За каждой миниатюрой, часами, статуэткой стоит моя судьба. Сколько пережито, Алик, если бы ты знал!

Она как будто всерьез расчувствовалась, но помолчала, пожевала губами и продолжала:

— А ведь это не только история, не только материальная ценность, и ценность немалая, Алик, но и искусство! Ты любишь искусство?

— Да.

— Вот видишь, я сразу это поняла. Я сразу увидела, что ты внимательно, с интересом смотрел картины и миниатюры. Как они мне дороги! Ты понимаешь меня?

— Да, тетя.

— И каково мне думать, представь, дружок, что все это может пропасть, разлететься по чужим рукам.

— Да, и книги...

— И книги! Ты любишь книги, умница. Ты знаешь им цену, а иной просто выбросил бы их как хлам. Как хлам...

Она погладила сухой и холодной ладонью мою руку.

— Совершенно непонятно, Алик, почему я раньше не знала о тебе. У нас с мужем детей не было, так уж получилось. Но я всегда любила детей, потому и в школе работала. Но дети в школе — это совсем другое, я для них была «училка» и все. А ты... Ты так хорошо воспитан, начитан, благороден, в тебе качества настоящего хозяина.

Интересно, что от постороннего человека похвала звучит совсем иначе, чем от знакомого, тут очевидно, что это незаинтересованный взгляд со стороны. Да, тетка не так глупа, не так проста, как мне показалось вначале. И как верно она поняла меня. При чем тут только «хозяин»? И действительно, ей тяжело жить одной — уже старая. Я ей буду помогать.

Я постарался вернуть на лицо выражение тихой грусти, но внутри забушевала буйная радость.

— Думаю, что и тебе, и твоей маме будет лучше, если ты поживешь у меня. А ты как думаешь, дружок?

— Я... Но мама сказала, вечером...

— Мама мамой, но мне важно, что ты сам думаешь. Ты уже почти юноша, самостоятельный человек.

— Я... Да, поживу пока... А журналы вы мне позволите посмотреть?

— Конечно! Я тебе дам все ключи от сундуков, где журналы, и читай себе на здоровье! Я так много еще должна тебе рассказать.

Она погладила меня по голове, как маленького, и ушла. Читать не хотелось. Мамы еще не было. Я пошел бродить по дому.

Наша комната, нет — моя. У окна надо поставить письменный стол, и кресло попрошу из кабинета.

Как странно, я совсем другими глазами увидел сейчас эти темноватые, заставленные тяжелой мебелью комнаты. Борение противоречивых чувств овладело мною: неодолимое любопытство проследить те кровные ниточки, которые связывают меня с глубиной столетий через тетку; странная, неведомая раньше гордость собственника: ведь в какой-то степени я владелец, хозяин всего этого старого, милого барахла, прелестных миниатюр... Можно будет узнать у тетки их историю, может быть, они еще лермонтовских времен; врожденная неприязнь ко всему буржуйски чужому, мягкому, блестящему, изысканному и настороженный интерес к тетке; радость от ожидания неизвестных мне романов, поэм, трагедий, стихов и просто от обладания — наконец! — десятками томов.

«Но неужели я так все брошу и останусь здесь?» — мелькнула смущающая мысль. «Вовсе нет, — ответил я сам себе. — Я еще не решил».

Что же ты, сам охаивал тетку, а теперь оправдываешь? Нет. Во-первых, я ее еще плохо знаю. Может быть, ее жизнь так ожесточила. Во-вторых, здесь буду жить я, а я не такой, как она. И все будет хорошо.

В книгах, в портретах, в самом доме был некий дух не старины, а... благородства, интеллигентности, и мне это страшно нравилось.

Пролистав от первого до последнего листа шесть пушкинских томов, я остановился — заболели глаза. Баба Глаша советовала в таком случае промывать их холодной водой. Сняв очки, я отправился на двор, опираясь по пути о притолоки и двери.

В густо-голубом, высоком и холодном небе светило солнце, но от него не было тепла. Поплескавшись у рукомойника, я отправился назад. Споткнувшись у крыльца, вошел в дом, и неопределенная серая мгла вдруг охватила меня. Какая-то дверь... закрыто. Не то, где столовая? Закрыто... Я брел из комнаты в комнату. На мгновение стало жутко: может, я в чужой дом попал? Позвать кого-нибудь казалось смешно и страшно... Вдруг на меня кто-то надвинулся, кто это?

— Алик! — Это мама. — Где твои очки?

— Там, там, за книгами, — ответил я, стыдясь приступа нелепого страха.

Мы сидели на лавочке перед домом и ели эскимо, опять эскимо, мама купила его на вокзале.

За спиной был дом, крепкий, деревянный, на каменном фундаменте. Дом был покрашен синей краской, ставни темно-синего цвета. Ворота и забор были некрашенные, темно-серые, высокие, как у рыцарского замка. Перед домом был пустырь, выбитый, вытоптанный, там и сям зеленели островки ярко-зеленой травы. По краю пустыря бродила коза и щипала траву.

Я копал, копал... И настроение было совсем не праздничное.

Прямо над головой небо оставалось густоголубым, а к горизонту, там, где пустырь перегораживал длинный коричневый забор, небо стало светлее, голубизна пропадала.

— Ты билет купила?

— Нет, не стала. Алик,— повернулась она ко мне и тихо, со сдерживаемым волнением спросила:— так ты хочешь остаться?

— Я нет,— забормотал я, лихорадочно пытаюсь совместить несовместимое,— но ведь тебе легче будет... Поживу месяца два, а на Новый год приеду. Попрошу у нее Пушкина и Шиллера, перевяжу веревками и привезу. Ладно?

— Ну что ж, Алик, тебе здесь, конечно, лучше. Ты пойми, так надо.

Мама смотрела вдаль и молчала.

Я глянул на нее и вдруг понял, что мы расстаемся надолго, очень надолго, вокруг будет чужая жизнь и чужие люди... «Нет, не хочу этого!» — едва не крикнул я, но вспомнил нежные краски миниатюр, тяжелые, холодные тома с чуть шершавыми переплетами — лишиться этого?

Ну почему в жизни надо выбирать? И выбирать между тем, что тебе в одинаковой степени близко и дорого? И навсегда или надолго лишиться чего-то одного, избрав другое?

— Так, Алик,— вздохнула мама.— Завтра поезд в двенадцать тридцать. Позавтракаем, да поеду. Значит, трусы надо привезти, майки... Рубашки тут две есть, хватит. Пальто старое, но походишь еще. А может, тетя новое купит...

Мы сидели на лавочке, ели эскиммо, очень вкусное эскиммо, вкуснее того, что в парке Горького, ели эскиммо и сосредоточенно вспоминали, что мне для жизни надо.

— Тетради привези общие. Они на этажерке сверху лежат, на обложке две стрелы и звезда нарисована, ладно?

— Ладно,— вздохнула мама.

Мы молчали и ели вкусное тамбовское эскиммо.

Утром я вбежал в столовую с криком:

— Тетя! Там мальчишки через забор полезли, я их прогнал.

— Молодец. Садись завтракать, Алик. Надо будет взять в сарае доски, я тебе покажу потом, и нарастить забор. Эта банда у меня и собаку отравила... Намазать еще хлеба, дружок?

— Нет, спасибо.

— Ну вот, маму проводишь, пообедаем и будем листья жечь. Я все откладывала, и такие завалы накопились.

— А журналы можно будет посмотреть?

— Конечно, дружок, я же обещала тебе. И ружье Петра Михайловича покажу, бельгийское. Оно тоже на чердаке. Я из него птиц пугаю. Ну какая из меня охотница, пугаюсь пуще скворцов. Теперь ты будешь его хозяином... Лида, что такая невеселая? Не навеки с сыном расстаешься.

Мама молчала, была очень печальна, глаза красные, наверно, плакала ночью, но я не слышал.

Мне тоже было грустно. Но грусть заглушалась нетерпеливым ожиданием начала новой жизни, ожиданием вожделенных сундуков с журналами, ружья, возможности делать какое-то настоящее, взрослое дело.

Соседи рассказывали, что в старом доме, давно крашенном синею краской, так что частью она уже облетела и обнажились серые доски, где обыкновенно были закрыты ставни и никого не было видно, с недавних пор поселился загадочный молодой человек. Поздно вечером он проходил по улице. Прильнувшие к окнам соседи жадно смотрели, но потрепанный синий сюртук, широкополая шляпа и непроницаемое лицо, покрытое загаром тропиков, говорили им немного. Молва утверждала, что это не кто иной, как граф Монте-Кристо, поселившийся у своей тетки баронессы Клопшток для розыска отца,

и что ходит он с полными карманами золота и двумя пистолетами за поясом. Узнав это, бандит Хосе Гусляй расхохотался и сказал, что непременно подкараулит графа и выудит у него десяток золотых. «Браво!» — воскликнула графиня Евгения де-Лео и протянула Гусляю руку для поцелуя. Луна едва вышла из-за тучи... Ах, как здорово!

Было непривычно чувствовать себя обладателем. Это чувство покалывало холодными иголочками, и хотелось куда-то идти, что-то делать в доме, вокруг дома.

— Тетя, а красить дом вы не будете?

— Не знаю, дружок, может быть, весной.

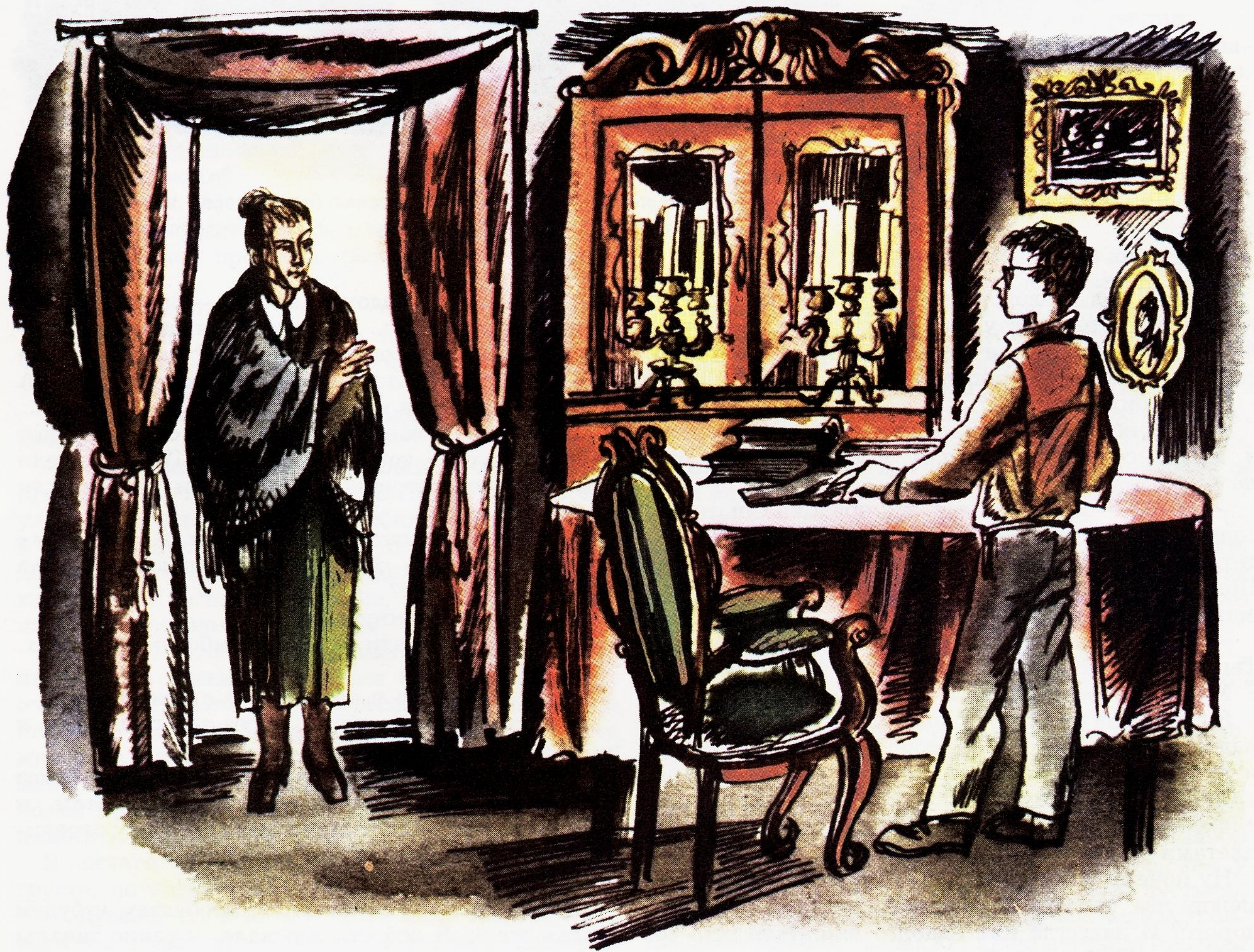
Мама пошла за билетом.

Я вытащил из сарая старые доски, принес два ведра воды от колонки, достал из подпола ведро квашеной капусты, и тетка меня отпустила. Вновь я разложил в столовой книги, полистал словарь Даля, тома энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, но не читалось.

Правильно ли я решил? А что я решил, это мама и тетя решили. А я сам?

Как легко было говорить «Мне ничего не нужно», когда мне никто ничего не предлагал. А вот предлагают, и немало. И надо выбирать, конечно же, не из корысти, а исходя из моей цели, моего долга. В

Интересно, что от постороннего человека похвала звучит совсем иначе, чем от знакомого. Как верно тетка поняла меня.

тяжелом томе Даля меж тесных строчек больших букв и буквочек нашел нужное слово: «ДОЛГ — все должное... обязанность. **Общий долг человека** вмещает долг его к Богу, долг гражданина и долг семьянина». Это не для меня. Я никому ничего не должен, я сам по себе. Но... если благородство требует жертв, можно пожертвовать Москвой. Так я выполню свой долг перед мамой. Как здорово я все продумал.

И в конце концов ну что — Аглая Евстафьевна! Пусть неприятная, скупая, сухая, но и деловая, с чувством юмора. Наконец, она сама по себе, я сам по себе. Вон Горький, как тяжело жил в людях, и ничего.

Но за то, что теряю, — и книги, и своя комната, даже дом, и сад, и самостоятельность, наконец.

А главное — он остается со мною, мой первый, горячо любимый мир — мир книг! Он всегда со мною, где бы я ни жил. А в Тамбове, напротив, я сказочно увеличу свои богатства!

Жаль с мамой расставаться, даже очень. Жалко школу, ребят.

Напишем письмо, это даже интереснее, получится переписка, как в романе. Эх, здесь нет и не будет таких замечательных соседей, и я вспоминал их всех поочередно и прощался с ними...

Но не навсегда же я остаюсь в Тамбове! Ну, год, два, даже три — и вернусь домой, в Москву. И вернусь уже с настоящей библиотекой, не хуже, чем у Кувшининых. Это все не из жадности, мне все это просто необходимо!

А если тетка действительно даст денег, купим телевизор, шубу маме и Большую Советскую Энциклопедию!

И все-таки жалко...

— Что вздыхаешь, Алик? — спросила тетка. — Надо радоваться, у тебя начинается новая жизнь.

Новая жизнь. Я поднял глаза и увидел рядом, близко чужое лицо, теткино лицо.

— Глупый, любишь маму и люби, кто тебе запрещает... Н-да. Пол-одиннадцатого, сейчас Лида придет.

И точно, послышались шаги на крыльце, мама... не вошла, а вбежала в дом и бросилась ко мне:

— Алик! Милый! Поедем, я не могу!

— Лида! — воскликнула тетка. — Что это вдруг, ведь мы решили!

— Простите, тетя, но... я не проживу без него. Как-нибудь, как-нибудь, — говорила она возбужденно, и гладила рукой мою голову, и целовала в макушку, а я замер над разложенными книгами. — Проживем и так. День будет — пицца будет. Прости меня, Алик!

Баба Глаша ела ананасный компот и сокрушенно вздыхала:

— Непрактичный ты человек, Лидия. Как это можно, все бросить и бежать! Небось, он, — мотнула она головой в мою сторону.

— Нет, тетя Глаша, я сама решила.

— Компот-то она подарила?

— Нет, я купила, а там не съели.

— Баловство все это, вкусно, а баловство. Лучше бы моркови... И во всем это у тебя, Лидия. Житейски нужного нет, а компот есть.

— Да ведь, тетя Глаша, было бы жизненно важное, а это для меня он.

— Ох, непрактичная...

Он, то есть я, тоже сидел за столом, смотрел в чашку, где аппетитно были навалены ломтики ананаса в манящем тонким ароматом сиропе, и все думал.

Оглушенный событиями последнего дня — поспешными сборами, бегом до вокзала, суматохой в вагоне, все тем же мерным громоуханием колес и их перестуком на стыках, разговорами, разговорами без конца — я пытался уловить ускользающие мысли, которые возникли при уходе из теткиного дома.

В какой жар бросила меня просьба мамы о прощении. Она! Милая моя мама терзалась, что оставляет сына в чужом городе, а я о ней не подумал. Ни разу! Боже мой, какой я тупой эгоист! Видел, с первого дня видел, что тетка скупа, недоверчива, суха, и, однако же, готов был остаться с ней, забыв маму, школу, мушкетеров, кружок, нашу квартиру, все-все... И как будто мы с ней поняли друг друга, клянусь, я перестал видеть ее чужим человеком. Что это? И даже сейчас я ощущал огромное облегчение, но и сожаление об утраченном безвозвратно. И никому, никому я не смогу объяснить, что потерял!

— Ешь компот, Алик.

Странно, я так мечтал об ананасном компоте, так жаждал его, и вот он, ешь, а не хочется. То есть хочется, конечно, но не так, как раньше.

— Подарила она что?

— Вот, тарелку старинную да две книжки. Какие книжки, Алик?

— «Семь мудрых школяров» и «Арабские сказки».

— Ишь ты, расщедрилась... Тарелка ничего. Снеси в комиссионный, пальто ему купишь. Книги, небось, тоже можно продать?

— Книги пусть останутся Алику на память.

Нет, я и так не забуду все это.

Но как же так? Столько хороших, замечательных книг прочитал и, оказывается, не могу сам решить, что правильно, что нет. Я превратился в книжного червя. Кто это сказал?.. Я червь? Нет! Однако же, вот она, настоящая жизнь: был выбор, и я, добрый и хороший, выбрал не то. Но почему? Как много стало вопросов!

Прав ли я с Кириллом? Кому важнее делать добро, своим или чужим? Что главное: книги или все-таки все остальное?

— Алик! — раздался стук в дверь. — Тебя к телефону!

— Алик, здравствуй! Это Люба, — услышал я знакомый голос.

— Люба! Любочка! — Как плотина вдруг рухнула в моей груди, так легко и тепло стало. И рад был сбежать от этих неотвязных вопросов в простую и ясную школьную жизнь. Хорошо жить на свете! Хорошо бы прожить подольше. И я непременно стану лучше, сильнее. — Люба...

— Чего это ты? — настороженно спросила она.

— Ничего. Просто рад, что ты позвонила.

— А... Завтра после второго урока мы идем во Дворец пионеров. Весь класс. И надо надеть белые рубашки и галстуки выгладить.

— Ладно. А что будет?

— Там узнаешь. До свидания, Алик.

— До свидания. До завтра.

КОНЕЦ

ОТРЯД ГОВОРИТ

Много раз в этом году мы говорили о дружбе в отряде. Обсуждали, стоит ли ссориться из-за пустяков. Но письма от ребят все продолжают приходить. И мы решили в канун нового, 1986 года еще раз сказать всем, что ДРУЖБА — ЭТО ВЕЛИКОЕ СЧАСТЬЕ. Ее надо беречь, охранять от суеты, от мелочей и мелочности, охранять от непомерного самолюбия, случайного настроения, желания любой ценой одержать верх. Так и скажем себе: ДРУЖБА ВСЕГО ДОРОЖЕ. И станем воспитывать в себе способность, умение дружить.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ДРУЖБА? Мы отобрали из редакционной почты несколько писем с ответом на этот вопрос. Посмотрите, нет ли в них для вас полезного совета.

Сергей БЕЛЯКОВ, город Андижан, Узбекская ССР. Дружба, я думаю, начинается с дела, выполненного вместе. Но не с такого, конечно, как битие стекла, а с хорошего, полезного дела, когда все вместе испытывают одно чувство — УДОВЛЕТВОРЕНИЕ от того, что сделали.

В борьбе людей за мир рождается дружба народов мира.

Бадма АРЬЯЕВ, село Ацагат Заиграевского района Бурятской АССР. Конечно, дружба начинается с общественной работы отряда. Но еще дружба начинается с общей песни и общей игры. В игре каждый может себя проявить и заслужить уважение товарищей не меньше, чем в общественной работе или в учебе. Наши ребята тоже ссорятся. Но тут же ищут случая помириться. У нас есть ответственное дело: мы помогаем совхозу убирать картофель, заготавливать сено, стричь овец. Ребята, надо жить дружно!

Игорь ТИХОНОВ, село Заветное, Советский район, Крым. Наш директор школы Николай Иванович Олейников — ветеран Великой Отечественной войны. Он водит нас походами по местам боев. Мы ходили партизанскими тропами в Белогорских лесах. Стали создавать музей Ичкинского партизанского отряда. Это дело нас подружило.

Света БАБЕШКО, село Луговое, Джамбулская область, Казахская ССР. Нас сдружила

свекла. Не удивляйтесь, каждую осень мы ездим помогать колхозу. Общее дело объединило нас, мы поближе узнали друг друга и стали лучше друг к другу относиться. Когда мы хорошо сделаем работу, то радуемся, и эта общая радость остается между нами, скрепляет нас.

Света МАЗУРКЕВИЧ, р/п Озинки, Саратовская область. В нашем отряде выяснилось: все любят заниматься тимуровским делом. Мы помогаем старым жителям нашего поселка сажать на огороде овощи, носить воду, моем полы, ходим в магазины за покупками. Когда работа сделана, бабушки и дедушки рассказывают нам о своей трудовой жизни, о войне, о тяжелом детстве. А мы им — про отрядные дела, про новости и успехи в нашей стране, делаем обзоры международной жизни. Эти разговоры и общее дело не только подружили нас всех, и нас, и пожилых, но и сделали нас даже близкими, вроде бы родственниками.

ЯСНО, ДРУЖБА ПРИХОДИТ В ОБЩЕМ ДЕЛЕ. Против такой формулы вряд ли можно возразить. Мысль верная! НО... ее следует развить и дополнить.

Интересное замечание делает **Таня АЗРАПКИНА из города Саранска Мордовской АССР.** Она пишет: «Наш класс первый по успеваемости среди шестых классов. И все думают: раз хорошо учатся, значит, и активные. А

у нас многие ребята отказываются от пионерских поручений. Для того, чтобы класс стал дружным, нужно, чтобы никто не считал: «МОЯ ХАТА С КРАЮ». Если ХОЧЕШЬ ИМЕТЬ ДРУЗЕЙ, НЕ ГОВОРИ: «МОЯ ХАТА С КРАЮ». Молодец, Таня!

Еще одно существенное дополнение делают **Зина СКИЯРОВА из села Манькова Ростовской области и Валя НАГАЙНИК из села Литвинец Черкасской области:**

Зина: «Жизнь в отряде у нас стала ИНТЕРЕСНОЙ ДЛЯ ВСЕХ, а значит, и ДРУЖНОЙ, когда при составлении плана и распределении поручений мы стали учитывать интересы, увлечения и способности каждого пионера».

Валя: «У нас в отряде КАЖДЫЙ ЗАНЯТ СВОИМ ДЕЛОМ И КАЖДЫЙ ХОРОШО ВЫПОЛНЯЕТ ПОРУЧЕНИЕ. Почему? Потому что У ВСЕХ ПОРУЧЕНИЕ ПО СИЛЕ И ПО ДУШЕ».

Видите, как интересно, общими усилиями складывается правило: ДРУЖБА РОЖДАЕТСЯ В ОБЩЕМ ДЕЛЕ. ТОЛЬКО НИКТО НЕ ДОЛЖЕН ИЗБРАТЬ ДЛЯ СЕБЯ ТАКУЮ ПОЗИЦИЮ: «МОЯ ХАТА С КРАЮ». Этого и не случится, если у каждого будет ПОРУЧЕНИЕ ПО СИЛЕ И ПО ДУШЕ. Очень разумное правило. Только пока еще не полное.

Чего же в нем еще не хватает? А вот нам подскажет это письмо **Гали СИРКО из города Актюбинска:** «ДРУЖБА РОЖ-

СОТРЯДОМ

ДАЕТСЯ С ХОРОШЕГО ПОСТУПКА». Ай да молодец Галя! Вот и **Аня ГЕРАСИМОВА** из с/х имени **В. И. Ленина** **Московской области** поддерживает ее мысль: «Когда у нас одна девочка заболела, мы приносили ей уроки, рассказывали о школьных новостях. Потом стали помогать всем отстающим — с охотой, а не как одолжение, не свысока. И теперь мы всегда вместе, и в кино, и гуляем, и играем. И стенгазеты самые лучшие у нас, и класс блесит. НАДО НЕ СКУПИТЬСЯ СДЕЛАТЬ ЧТО-ТО ДЛЯ ТОВАРИЩА, тогда и возникают хорошие отношения».

А вот еще одна интересная мысль. Она принадлежит **Наташе КУРАПОВОЙ** из города **Курментау Башкирской АССР**: «Однажды наш мальчик сильно ударил девочку. Ух, как мы на него рассердились. Мы все ему сказали, что о нем думаем. Но после не вспоминали ему об этом. Он и так понял все, и ему было очень стыдно. И, знаете, он больше никого не обижал, а даже стал заступаться за тех, кого обижали. ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК НЕ ПРАВ, НАДО, ЧТОБЫ ТОВАРИЩИ В ГЛАЗА ЕМУ ОБ ЭТОМ СКАЗАЛИ, НО БОЛЬШЕ НЕ ПИЛИЛИ ЕГО. А то человек ожесточится и станет еще хуже».

Наташа ЛУНКИНА из города **Феодосии** развивает эту мысль: «В нашем классе обижали одну девочку, не любили ее многие. А у меня сердце сжималось, когда я это видела. И хотя не просто пойти против большинства, я все же стала ее защищать. Эта девочка потянулась ко мне, мы стали друзьями. Я думаю, НАДО ИМЕТЬ МУЖЕСТВО ОТСТОЯТЬ СВОЮ ПОЗИЦИЮ, даже если приходится идти против большинства».

Наше правило пополнилось: **ДРУЖБА РОЖДАЕТСЯ С ХОРОШЕГО ПОСТУПКА. НАДО НЕ СКУПИТЬСЯ СДЕЛАТЬ ЧТО-ТО ДЛЯ ТОВАРИЩА. НАДО ИМЕТЬ МУЖЕСТВО СКАЗАТЬ ТОВАРИЩУ ПРАВДУ, НО И ЗАЩИТИТЬ ЕГО.**

И еще одно высказывание хочется привести. Оно принадлежит **Наташе ОЛЕШКО** из города

Харькова: «У меня много друзей и товарищей. С ними можно поделиться горем и радостью, а иногда лучше помолчать. Мне кажется, **ДРУЖБА НАЧИНАЕТСЯ ТАМ, ГДЕ ЛЮДИ УМЕЮТ ПОНИМАТЬ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА, ПОСТАВИТЬ СЕБЯ НА МЕСТО ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА.** Если у кого-то плохое настроение, незачем к нему в этот момент приставать. Не надо говорить другому то, что ему неприятно. И выяснять отношения по пустякам, которые завтра уже потеряют свой смысл. И обижаться надо поменьше. Дружба — вещь хрупкая, как стекло. Может разбиться».

Ну и молодец **Наташа Олешко**! Так прекрасно дополнила наши размышления!

А теперь — **САМОЕ ГЛАВНОЕ.** Сколько бы правил мы ни изоб-

ретали, какими прекрасными рецептами ни обменивались, жизнь всегда оказывается сложнее всех правил и рецептов. Надо стараться научиться видеть себя со стороны, быть выше мелких обид и не только требовать от других, но и товарищам отдавать тепло своей души, свои знания, свои способности. **ДРУЖБА В КЛАССЕ, В ОТРЯДЕ ЗАВИСИТ ОТ ВСЕХ ВМЕСТЕ И ОТ КАЖДОГО В ОТДЕЛЬНОСТИ.**

Перестанем задавать вопрос: «Как нам подружиться?» Засучим рукава и начнем действовать. Для того, чтобы подружиться, надо потрудиться.

РЕБЯТА! ЖЕЛАЕМ ВАМ ВСЕМ В НОВОМ ГОДУ ХОРОШИХ И ДОБРЫХ ДРУЗЕЙ, РАДОСТИ И СЧАСТЬЯ. ДРУЖБЫ! С НОВЫМ ГОДОМ!

ЗАГОРЕЛАСЬ ИСКОРКА

Новогодняя елка сверкнула огнями, и бал начался. Под салют хлопушек в тронный зал вступили четыре мушкетера. Ими оказались девчонки — **Юля, Лида, Лена и Майя.** Молодцы, хорошие придумали костюмы! А королевой бала была наша учительница русского языка и литературы **Нелля Алексеевна Кузнецова.** Вокруг нее и **Карлсон, и Маг-волшебник, и сказочная принцесса, и даже Гай Юлий Цезарь.** Чудесные приглашения на бал разослала всем **Лена Иволина.**

Странно, а когда-то наш класс был недружным. Как-то пришел ко мне мой друг **Юра Орлов** и говорит: «Надоело жить скучно!» Посовещались мы и решили провести вечер поэзии. Стихи Пушкина, Волошина, Вознесенского больше других любят наши ребята, и они должны были прозвучать. А потом мы хотели слушать пластинки и пить чай с тортами. Классная руководительница поддержала нас.

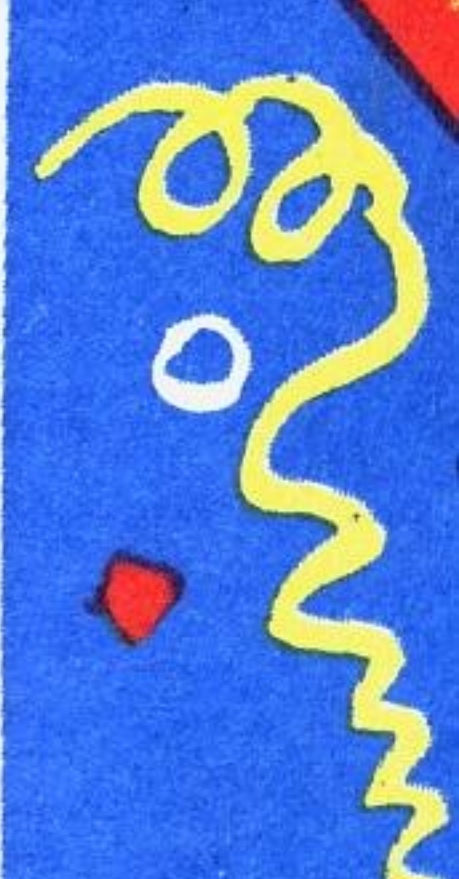
Но... вечер был отменен. Наш не очень-то организованный класс не явился убирать территорию школьного двора. Долго мы потом говорили. И хорошо убрали двор. После вечера поэзии, который мы все же провели, последовал КВН, а потом и новогодний бал. В разгаре праздника «почтальон» разносил всем пожелания, которые мы посылали друг другу. Мне хотелось пожелать всем ребятам, чтобы искорка нашей дружбы не погасла...

Женя СТАРОДУБСКИЙ,
средняя школа № 9, г. Симферополь.

Надоело жить скучно!

Радости и счастья дружбе!

101459 ГСП, Москва
Бумажный проезд,
д. 14, 11 этаж.
Отряд говорит
ДОМ

С Новым
Годом!

Разбирая почту

В номерах 10, 11, 12 за прошлый год в нашем журнале была напечатана статья «Сделай себя умным», где рассказывалось, как можно определить, к каким школьным наукам у тебя есть способности и какие секреты тебе помогут хорошо учиться.

Редакция получила множество откликов. Большинству читателей статья понравилась, показалась интересной, понятной. Кое-кто радостно сообщил, что все наши тесты разгадал за считанные секунды. Но некоторым ребятам не удалось определить свои природные способности, достигнуть успехов в самовоспитании.

Мы благодарим всех, кто написал нам, и постараемся сейчас ответить на самые интересные или на чаще всего встречающиеся вопросы через журнал.

Восьмиклассница Люба Смалкина из города Ка-

дужбы... И люди тянутся к нему, их привлекают не веселье и бодрость, свойственные сангвинику, а готовность меланхолика выслушать своего собеседника, понять его.

И отвечать на уроках, писать сочинения меланхолик может интересно, непохоже на других, если не будет подражать сангвинику, а построит свой ответ на тех неброских, неярких, но внутренне интересных фактах, которые только он может заметить.

«Во-первых, я не могла определить, какой предмет мне нравится. В течение двух недель я учила все уроки одинаково. Оценки были разные. Но предметы, по которым я получила лучшие оценки, мне не нравятся. Время на приготовление каждого предмета тоже одинаково. Что мне делать, не знаю. Может быть, есть еще какой-нибудь способ проявления склонностей?» — пишет Таня Волынчикова из села Ново-Зыково Алтайского края.

Знаешь, чего тебе не хватает, Таня? Желания

Л. ПОДКОРЫТОВА,
М. МАТВЕЕВА

В способностях и сильной воле

симова Рязанской области спрашивает: «По моему предположению, у меня смешанность меланхолика и флегматика. Скажите, имеет ли смысл перевоспитывать свой темперамент? Можно ли из задумчивого меланхолика сделать веселого сангвиника?»

Странно человек устроен: жаждет он именно того, чего у него нет. Брюнеты хотят быть блондинами, девочки — мальчиками, а тихие, задумчивые восьмиклассницы — заводилами и хохотушками. Впрочем, достоинств у сангвиника и вправду много. Его веселость и общительность привлекают людей, делают сангвиника центром любой компании. Сангвиники легко схватывают объяснения учителя на уроке, быстро и остроумно откликаются, когда их вызывают к доске... Родиться сангвиником было бы неплохо. Но... судьба распорядилась иначе. Поэтому не будем завидовать, а лучше подумаем о том, что у каждого темперамента есть и хорошие, и плохие стороны. Изменить свой темперамент невозможно, да и не нужно: люди интересны тем, что они разные, непохожие друг на друга. А вот воспитать достоинства своего темперамента и бороться с его недостатками, пожалуй, стоит.

Задумчивый меланхолик прекрасно чувствует красоту. Красоту всего: природы, музыки, поэзии,

многое узнать, всеядности. Мы тебе советуем как можно чаще пробовать себя в разных делах сейчас.

Есть у вас в школе математический кружок, например? Посиди на нескольких занятиях кружка, посмотри, какие задачки там ребята решают. Может, и тебе захочется сразиться с синусами и котангенсами? Полистай в библиотеке все книги, какие есть, о великих путешественниках, открывателях новых земель. Может, тебя география заинтересует? Попроси подружку научить тебя вязать. Может, замечательной рукодельницей окажешься. Наверняка у вас при школе есть сад, есть огород, где вы с учителем ботаники проводите опыты по селекции. Предложи учителю свою помощь, почаще заглядывай в сад, проведи хоть небольшие опыты на огороде, и, может статься, биология станет делом твоей жизни.

Как только ты почувствуешь, что какое-то из начатых дел тебе нравится, попробуй заняться им серьезно.

К тому делу есть у тебя склонности, которым тебе **нравится** заниматься, которым тебе **не скучно** заниматься и которым ты **не устаешь** заниматься.

Еще подумай, что увлекает тебя в работе, только ли конечный результат, например: вырастить самый длинный в мире огурец или связать такую кофту, чтобы все девочки в школе ахнули? Или и сам процесс работы — вывязывание узоров, подбор ниток разных цветов, хлопоты с прополкой, поливкой, окучиванием... — тебе нравится? Если увлекает **процесс работы**, значит, это дело — твое.

На уроке по любимому предмету человек всегда более внимательный и наблюдательный. По любимому предмету хочется читать даже те книги, которые не в программе, хочется забежать вперед и посмотреть в учебнике то, что учитель еще не объяснял.

Теперь ты сможешь определить, Таня, какой твой любимый предмет?

Это выдержки из трех разных писем:

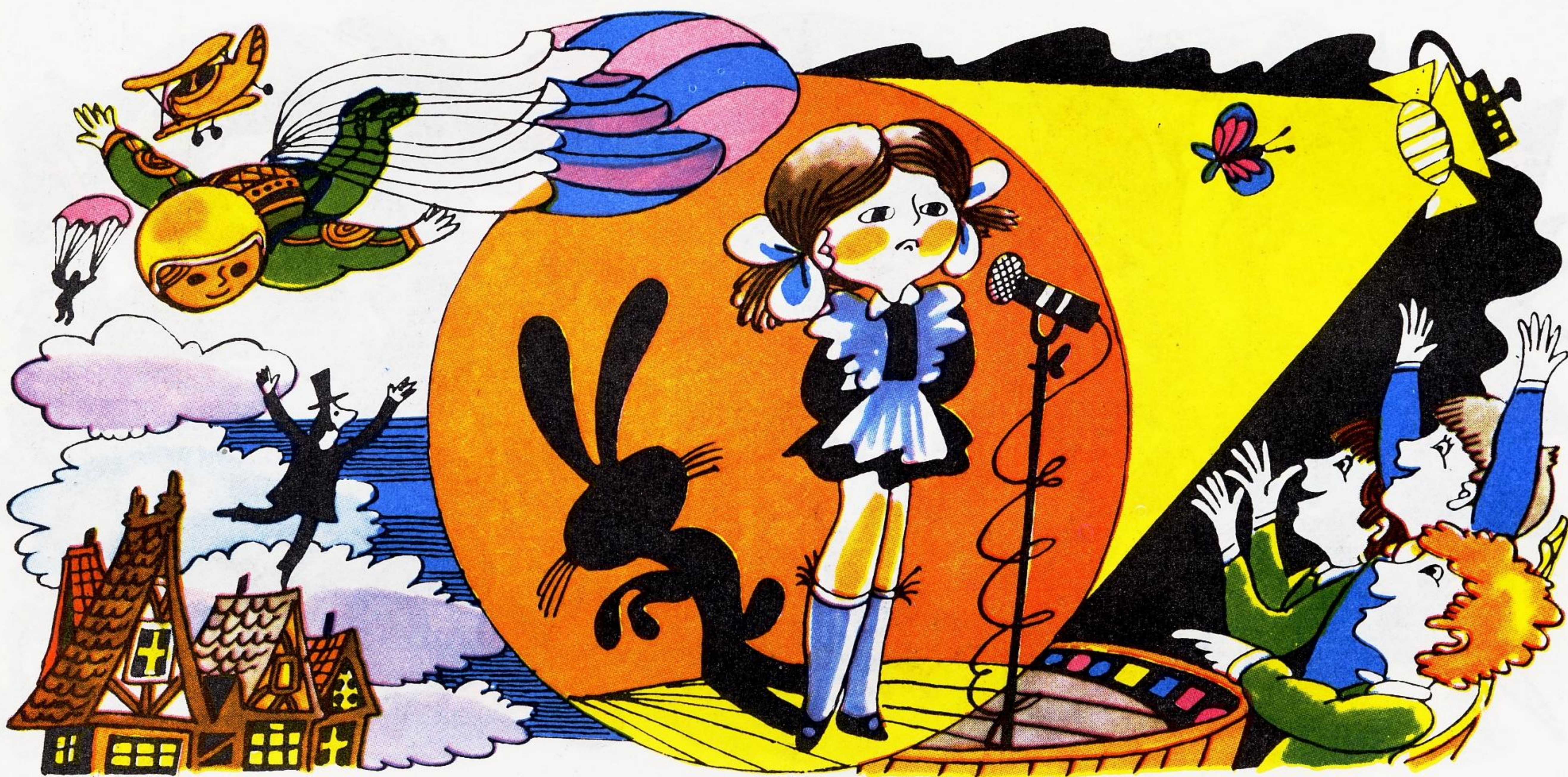
«Я всегда прихожу из школы и делаю уроки, но, когда меня учительница вызывает к доске, я боюсь отвечать. Я боюсь отвечать, потому что у нас в

Говорят, великий немецкий поэт Гёте очень боялся высоты. И чтобы пересилить эту боязнь, он часто стоял на краю балконов, поднимался высоко в горы и даже вылезал на крыши домов...

Мы тебе предлагаем другой способ.

Страшно поднять руку и выйти к доске? Думаешь, вдруг, как только открою рот, все забуду; вдруг засмеются мальчишки и собьют с мысли? А ты об этом не думай. Лучше скажи себе: «Спокойно, Таня, не бойся. Ты же знаешь урок». Можно даже мысленно на себя прикрикнуть: «Ну-ка смелее к доске. Сейчас, назло всем, прекрасно отвечу». А чтобы отвечать было легче, не надо смотреть на лица ребят, не надо смотреть вокруг, а надо стараться **видеть то, о чем ты говоришь**, полностью погрузиться в свой рассказ. И тогда ответишь урок прекрасно.

«Сажусь делать какой-нибудь урок. Учебник лежит передо мной, а «Три мушкетера» в стороне. Стараюсь себя пересилить. Читаю параграф, но в

классе мальчишки смеются, когда кто-нибудь у доски отвечает неправильно». Девочка не назвала себя, она учится в пятом классе в городе Петрозаводске.

«Потом я долго развивала речь. Дома я пересказывала книги, которые читала. Дома у меня выходило все спокойно, хорошо и интересно. Но вот в обществе я теряюсь. Начинаю волноваться, и у меня все идет кубарем». Из письма Тани Волынчиковой.

«Знаю много стихов, люблю их, особенно Лермонтова и Пушкина, сама себе их читаю. Но в классе их читаю плохо. Волнуюсь, тороплюсь». Лена Петрова, 7-й класс, город Красноярск.

И все три письма об одном: дома человек занимается, все задания учителя выполняет, а в классе отвечать не может. Что такому человеку делать? Учиться сосредоточиваться у доски. Путем волевого усилия, самоубеждения, самоприказа, наконец. И чем страшнее говорить, когда на тебя смотрят десятки глаз, иногда и недоброжелательных, тем чаще надо искать возможность выступить. Поднимать руку на уроке, вызываться читать стихи на утренниках, общешкольных праздниках, брать слово на отрядных сборах...

одно ухо влетает, а из другого вылетает. Тогда говорю себе: «А, завтра прочитаю перед уроком...» — продолжает делиться своими бедами Лена Петрова.

Лена, надо воспитывать волю! Так домашние занятия у тебя растягиваются на целый вечер, а могла бы делать их за час. Когда садишься за уроки, ставь перед собой часы и говори себе: «Делаю упражнение по русскому 15 минут. За эти четверть часа ни разу не отвлекаюсь. А книжку возьму, как только закончу уроки». И обязательно записывай, сколько минут ты готовила тот или иной предмет.

Увидишь, как много времени у тебя появится, как много полезных дел ты успеешь переделать за вечер, если будешь, готовя уроки, следить за часами.

«Я учусь отлично, в четвертях бывают четверки, но в году — 5, и экзамены сдаю на пять. Из этих статей я сделал вывод, что в связи с реформой отлично учиться в общем-то незачем. Можно хорошо учить только те предметы, которым ты собираешься себя посвятить». Юра Чернышов, 8-й класс, город Днепропетровск.

Нет, Юра, ты неправильно нас понял. Обижен-

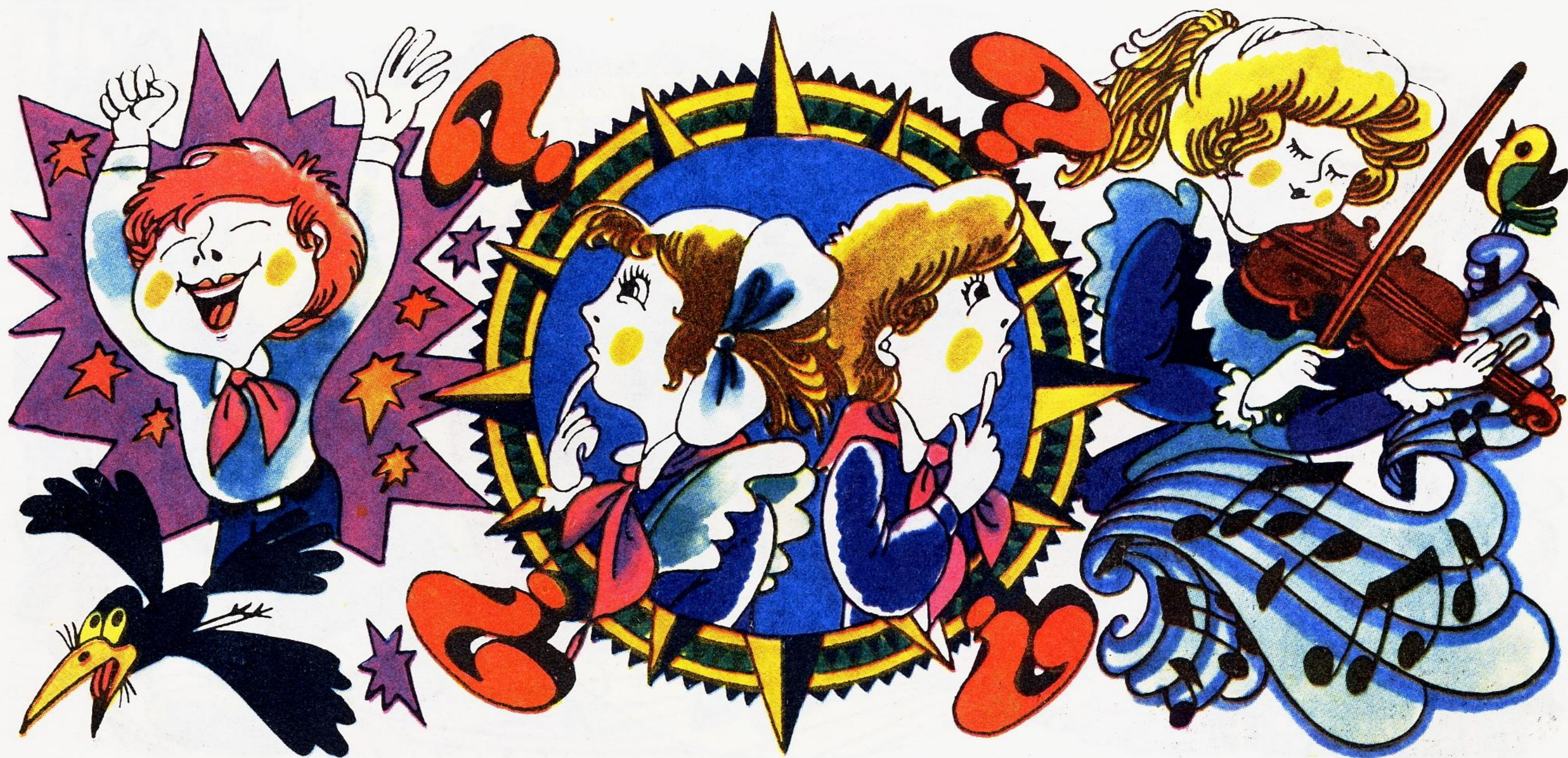
ным отличникам хотим пояснить: мы совершенно не против того, чтобы вы учились на одни пятерки. Учитесь, если вам это по силам. Мы просто заступаемся за тех ребят, которым учиться на «отлично» по всем предметам трудно. А их укоряют учителя и родители: «Что же ты, Вася, столько четверок получил, и даже одна тройка есть! Посмотри, как Петя учится, а ты что же, разве ты хуже?» А Вася вовсе не хуже, он просто другой. Из-за того, что его заставляют быть, как Петя, а у Васи это не получается, он страдает, чувствует себя виноватым, не оправдавшим надежды учителей и родителей. А ведь может статься, вырастет Вася и станет прекрасным биологом, или плотником, или музыкантом... Хотя на одни пятерки в школе он не учился.

Но станет он хорошим специалистом при том условии, если уже в школе появится у него любимое дело, любимый предмет, которому он будет отдавать все силы.

Для начала послушайте такую историю. Может, в одном из героев кто-то узнает себя?

Владимир Клавдиевич Арсеньев (ученый, путешественник, писатель, наверное, вы знаете его книги «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу»...) вернулся осенью 1913 года из археологической экспедиции домой, в Хабаровск. А его сыну Воле в это время задали написать сочинение на тему «Великий Амур». У Воли было три дня, чтобы выполнить задание. Первый день он ленился и за работу даже не думал приниматься. Во второй день он попробовал уговорить отца написать сочинение.

А в последний вечер, когда времени для работы совсем не осталось, Воля нацарапал в тетради несколько фраз, за что на следующий день получил двойку. Отец страшно рассердился, он считал, что вина сына была велика. Во-первых, Воля из-за лени увиливал от работы. Во-вторых, хотел пойти на обман: выдать работу отца за свою. В-третьих,

Как себя воспитать

«Я решила заняться самовоспитанием. Было все, и неудачи, но скажу, что принятое решение я старалась выполнить. Например, мне не удастся физика, но я просидела до 11 вечера и все-таки ее выучила. Какие программы по самовоспитанию нужно составить? Я составила план на 9.12.84 такой:

1. Выучить монолог Чацкого.
2. Физику и историю выучить.

Но не знаю, правильно у меня или нет. Дайте хотя бы примерный план программы». Люба Смалкина.

Надо сказать, многие ребята не поняли, что такое программа по самовоспитанию и как ее составлять. А книги, которые мы рекомендовали, достать не смогли. Поэтому, как и Люба, путают программу, которая составляется надолго, иногда на всю жизнь, с планом дел на день.

В прошлый раз мы не остановились подробно на воспитании воли, иначе наша и так немаленькая статья стала бы невероятно длинной. Давайте поговорим о самовоспитании сегодня.

написал сочинение, не обдумав тему, и получил двойку по родному языку, на котором говорит с детства.

И тогда Арсеньев написал для Воли заповеди, которым следовал сам и по которым советовал жить своему сыну. Вот некоторые из этих заповедей:

Одно сегодня лучше ста завтра.

Промедление смерти подобно.

Не жди благоприятной минуты, а создавай ее сам.

Ничто не имеет такой цены, как настойчивость и терпение.

Двадцать дел, наполовину сделанных, не стоят одного, доведенного до конца.

Ни одного великого дела не совершено нерешительными людьми.

Привыкай к тщательности и точности.

Эти заповеди и есть программа для Воли. Чтобы заниматься самовоспитанием, надо обязательно отмечать, выполняешь ты программу или нет. Мы не знаем, вел ли Воля дневник, отмечал ли, как следует заповедям отца. А вот дневник К. Д. Ушинского — знаменитого ученого, педагога (или журнал, как он его называл) — сохранился, и мы можем

прочитать, какие заповеди составил себе Ушинский и как он воспитывал свою волю.

Константину Дмитриевичу было двадцать лет, когда он писал в дневнике: «Я по-прежнему мелочен, тщеславен, брюзглив, зол, нерешителен, труслив, ленив...

Опять должно начать свое исправление. Каждый день я опять начну беседовать с тобой, мой сговорчивый приятель!»

Далее он пишет для себя заповеди:

Спокойствие совершенное, по крайней мере внешнее.

Прямота в словах и поступках.

Обдуманность действий.

Решительность.

Не говорить о себе без нужды ни одного слова.

Не проводить время бессознательно, делать то, что хочешь, а не то, что случится.

Каждый вечер добросовестно давать отчет в своих поступках.

Читать для ума

2 -«-
3 -«-
4 -«-
5 -«-

Думать о чем-нибудь дельном

6 часов вечера

Читать что-нибудь нужное

7 часов вечера

Писать в журнал (то есть подводить итоги дня в дневнике.— Прим. авторов.)

8 часов вечера

Отдыхать

9 часов вечера

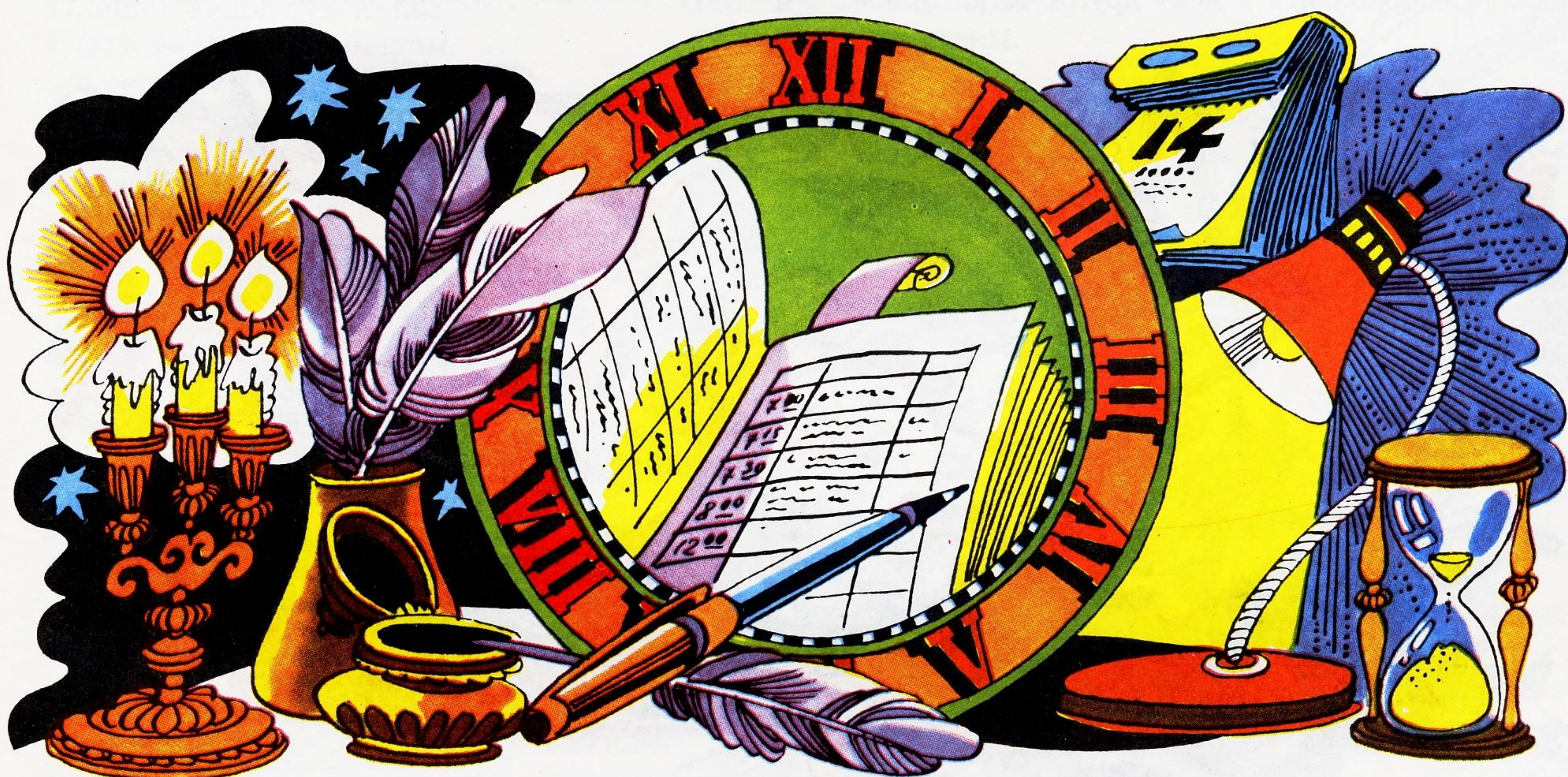
Спать

С 10 вечера до 4 утра

Воскресенье

Заниматься

6 часов
7 -«-
8 -«-
9 -«-

Ни разу не хвастать ни тем, что было, ни тем, что есть, ни тем, что будет.

И потом каждый вечер Константин Дмитриевич дает себе отчет, как прожит день. В журнале можно прочитать: «Погрешил против первого номера, разгорячился на уроке...», «Ошибка против пятого правила», «Соврал без нужды»...

Составлял он себе и планы дел на день. Надо сказать, режим у него был очень напряженный, все дни загружены занятиями, никакой праздности Ушинский не терпел.

Вот, для примера, планы двух дней:

Понедельник

Встать в
Работать для экзамена

4 часа утра

5 -«-
6 -«-
7 -«-
8 -«-

На уроке

9 -«-
10 -«-
11 -«-

Все нужные дела
Обед и отдых

12 часов дня
1 час дня

По домашним делам или в гости

10 -«-
11 -«-
12 -«-
1 -«-
2 -«-
3 -«-
4 -«-
5 -«-

Читать

6 -«-
7 -«-
8 -«-
9 -«-

Посмотрите, даже в воскресенье — 4 часа занятий и 4 часа чтения!

А это записи в дневнике девятнадцатилетнего Льва Николаевича Толстого: «Я никогда не имел дневника, потому что не видал никакой пользы от него. Теперь же, когда я занимаюсь развитием своих способностей, по дневнику я буду в состоянии судить о ходе этого развития. В дневнике должна находиться таблица правил, и в дневнике должны быть тоже определены мои будущие деяния...»

«Какая будет цель моей жизни в деревне в продолжении двух лет?—1. Изучить весь курс

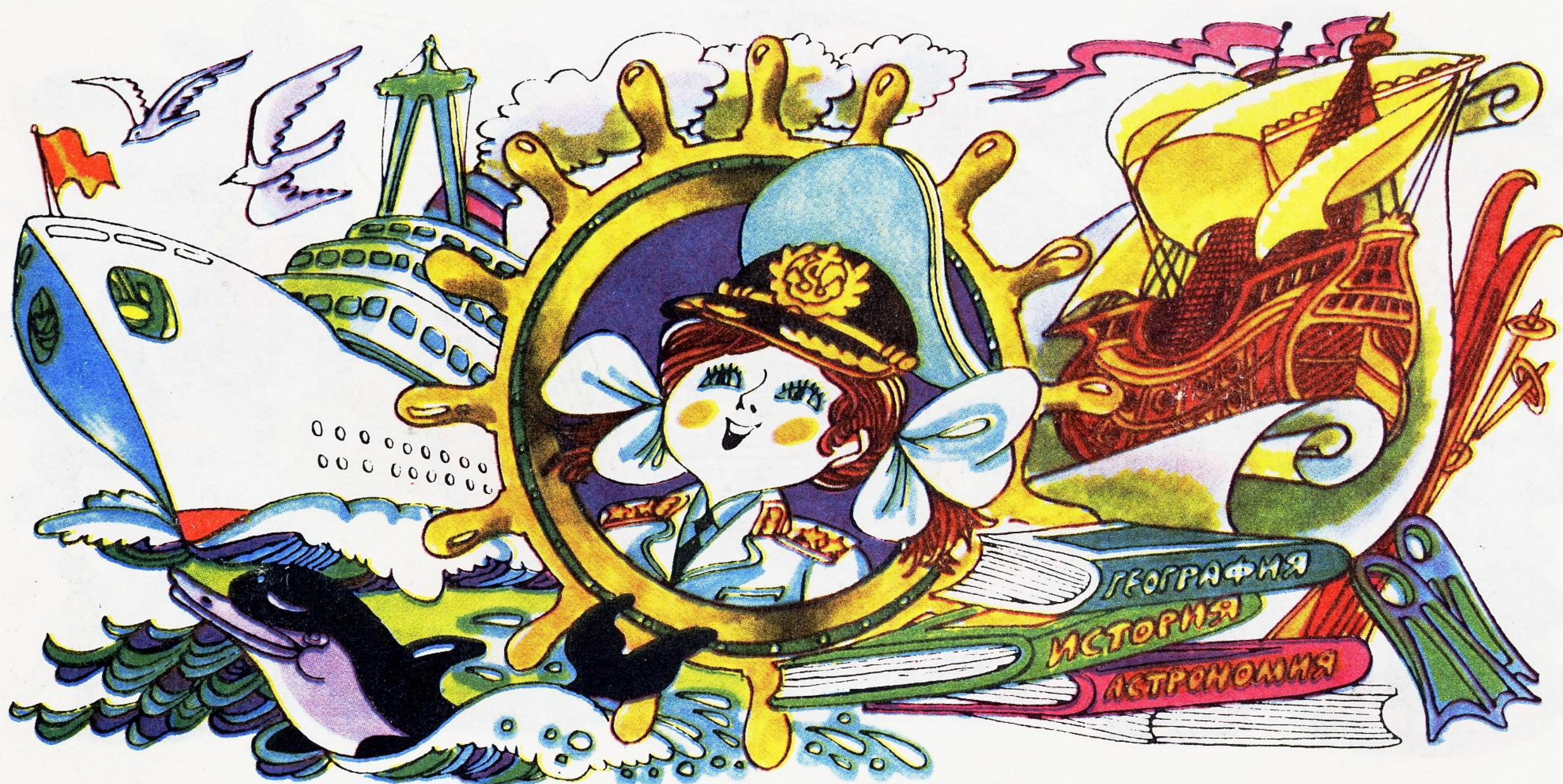
юридических наук, нужных для окончания экзамена в Университете. 2. Изучить практическую Медицину и часть теоретической. 3. Изучить языки: Французский, Русский, Немецкий, Английский, Итальянский и Латинский. 4. Изучить Сельское хозяйство, как теоретическое, так и практическое. 5. Изучить Историю, Географию и статистику. 6. Изучить Математику, Гимназический курс. 7. Написать диссертацию. 8. Достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи. 9. Написать правила. 10. Получить некоторые познания в Естественных науках. 11. Составить сочинения из всех предметов, которые буду изучать».

Много наметил себе на два года Лев Николаевич? Очень много. При том, что заниматься он должен был самостоятельно, без преподавателей,—слишком много. Скоро и сам он пришел к такому выводу. «Я написал вдруг много правил и хотел им всем следовать, но силы мои были слишком слабы для этого. Теперь же я хочу дать себе одно только правило и прибавить к нему другое тогда только,

основательно», «Много слишком ел за обедом»...

Мы намеренно так подробно цитируем дневники Ушинского и Толстого, чтобы вы обратили внимание: люди, щедро одаренные природой, очень много работали и были страшно строги к себе. Посмотрите, когда они пишут, что «нерешительны, трусливы, ленивы», можно подумать, это дневники бездельников и сибаритов. А авторы-то дневников работают по десять—двенадцать часов в день! И каждый новый день стремятся прожить лучше, плодотворнее, чем предыдущий. Как же нам, простым смертным, не задуматься о себе: а мы-то в школе все объяснения мимо ушей пропустили, дома уроки кое-как за полчаса накатали и весь вечер бесцельно просидели на лавочке во дворе? И вечером легли спать с ощущением, что все в порядке, днем мы довольны?! Сколько же нам, людям с обычными, средними способностями, работать над характером, волей, образованием, наконец?!

Поэтому не теряйте времени, составьте программу: чему вы должны научиться до оконча-

когда я уже привыкну следовать одному.—Первое правило, которое я назначаю, есть следующее № 1.—Исполняй все то, что ты определил быть исполнену».

Позднее Лев Николаевич выработал для себя нечто вроде заповедей—общие правила. Мы выписали некоторые из них:

«То, что предположил себе делать, не откладывая под предлогом рассеянности или развлечения, но тотчас, хотя наружно принимайся за дело».

«Всякую неприятную мысль обсудить:—во-первых, не может ли она иметь следствий, ежели может иметь, то как отвратить их...»

«Помнить при всяком деле, что первое и единственное условие, от которого зависит успех, есть терпение, и что более всего мешает всякому делу и что особенно мне много повредило—есть торопливость».

Почти каждый день Лев Николаевич оценивает в дневнике день уже прожитый, предыдущий. В журнале ежевечерних занятий отмечает, в какое время он что собирался читать или какой наукой заниматься и исполнил ли намеченное или нет. Осуждает себя за нерешительность, обман самого себя, непостоянство, пишет: «Гимнастику делал не-

ния школы, составьте правила, какими вы хотите себя видеть, и каждый день отмечайте, чего вы добились.

Может, кто-то, прочитав нашу статью, решит, что программы по самовоспитанию составляли только великие люди. Чтобы разубедить его, приведем напоследок программу обычной девочки, шестиклассницы Нины Зеховой. Нина мечтала стать капитаном дальнего плавания. Она знала, что капитану нужна физическая сила и выносливость, поэтому для себя решила: каждый день делать зарядку и обтираться водой или снегом. По математике, физике и астрономии учиться только на «отлично». Так же по истории и иностранному языку. И три правила себе постановила: 1. Не умею, значит, должна научиться. 2. Сегодня чуть-чуть лучше, чем вчера. 3. Всегда оставаться человеком.

С шестого класса Нина вела дневник и каждый вечер давала себе отчет о прожитом дне. И капитаном Нина стала, хотя для женщины это очень редкая профессия.

От редакции. Благодарим всех ребят, родителей и учителей, принявших участие в нашем разговоре.

Новоселье

Незнакомый новый дом.
А теперь мы в нем живем.
Первый раз открыли дверь.
Здравствуй, дом! Ты наш теперь.
Наш, и ваш, и твой, и мой!
Мы пришли к себе домой!
Вещи в дом не входят сами.
Вещи входят вместе с нами.
Станут раз и навсегда,
А из дома — никуда.
Новоселье! Новоселье!
У вещей свое веселье.
Пляшут вещи тут и там,
Стать желают по местам.
Стол — туда, сюда — кровать.
Ну, а шкаф куда девать?
Шкаф — туда, а кресло — тут.
Получается — уют.

Как я люблю рождение огня,
Моих костров скитальческих исток,
Когда дрожит в ладони у меня
Нетерпеливый жаркий лепесток.

Первый снег

В зимней шапке, с папкой школьной
Вышел встретить первый снег
В нашей роще белоствольной
Темнокожий человек.
А из окон общежитья
Это важное событие
Президент его страны
Созерцает со стены.

Прививка

С урока — в медицинский кабинет.
Мужайся, мальчуган, ведь ты — мужчина!
Еще одной погибели причина
Устранена. Спасибо, медицина!
А дальше б так: укол — и смерти нет!

* * *

Говорят: «Прносятся детства дни веселые...»
Дни еще веселые, но задания важные.
Ведро доверяют мне полные, тяжелые.
Деньги доверяют мне легкие, бумажные.

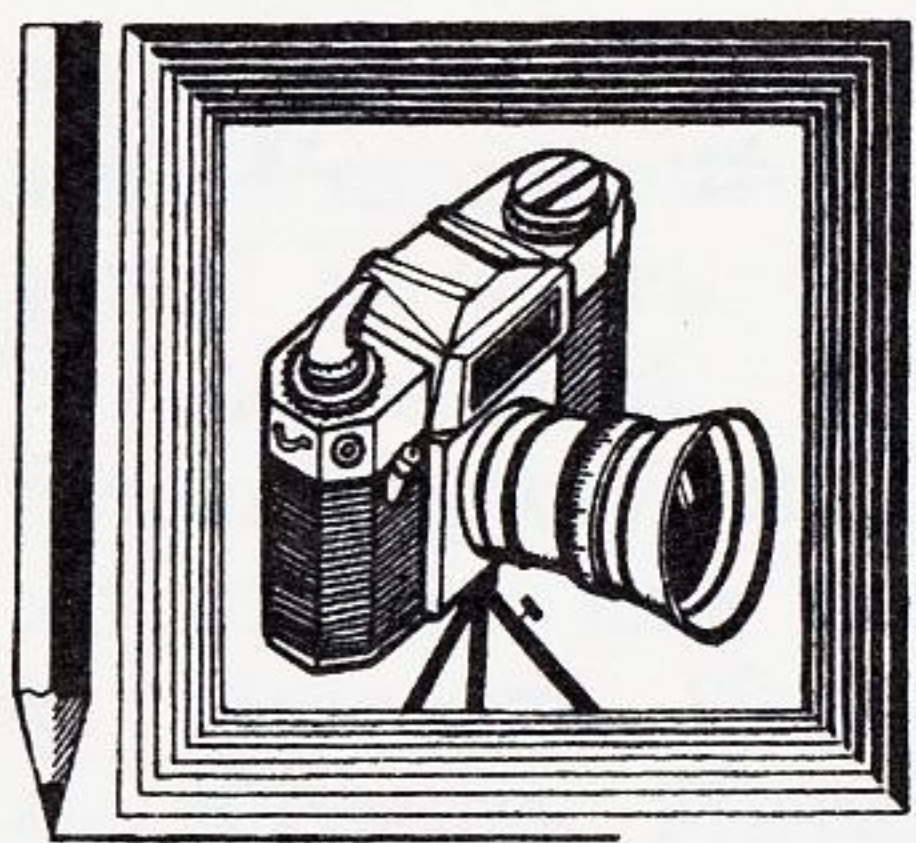
* * *

О взрослые! О бабушки и тети!
Когда ж, когда ж вы наконец поймете,
Что мне двенадцать, а не два, не пять!
Нельзя меня при встречах целовать!

«Одиссея» в детстве

Как, «Одиссею» читая, мечтал я об океане!
Как меня из дому гнал запах неведомых стран,
Где хитроумный герой мечтал о дряхлеющей няне.
Рвался к далекой семье и проклинал океан.

СМОЛЕНСК

Он стоит в верховьях Днепра уже более тысячи лет. Смоленск — город-воин. Его предназначением всегда было защищать западную границу Русского государства. Много сражений выдержал Смоленск за свою долгую жизнь. И самым тяжелым, самым важным было сражение 1941 года.

Смоленск на Западе, так же как чуть позже Тула на юге, героически принял на себя удар гитлеровских армий, нацеленный на Москву, задержал его и ослабил. Три месяца, с 10 июля по 10 сентября, длилось Смоленское сражение. Фашистские войска тогда превосходили войска Красной Армии по числу солдат, артиллерии, самолетам — в два раза, по танкам — в четыре раза. Гитлеровцы были уверены в скорой победе. Еще бы — всего за две недели они прошли от Бреста до Смоленска. Еще через две-три недели рассчитывали захватить Москву.

Но расчеты не оправдались. Советские войска не только не отступали — они переходили в наступление, наносили врагу тяжелые потери.

Советскими войсками у Смоленска командовали С. К. Тимошенко, Ф. И. Кузнецов, Г. К. Жуков. Их имена будут еще прославлены, будут еще вписаны в летопись Великой Победы. Но первой страницей в этой летописи стало для них Смоленское сражение. На этой же странице записаны и имена юных участников Смоленского сражения. Вот только одно из них — Федя Ананенков, тринадцатилетний разведчик, который не раз ходил в тыл врага, чтобы получить сведения о численности и составе войск, о планах гитлеровцев.

Гитлеровский план молниеносной войны сорвался. Но Красной Армии все же пришлось оставить Смоленск. До 25 сентября 1943 года оставался он оккупированным фашистами. Действовали подпольщики, партизанские отряды. Смоленщина не покорилась врагу.

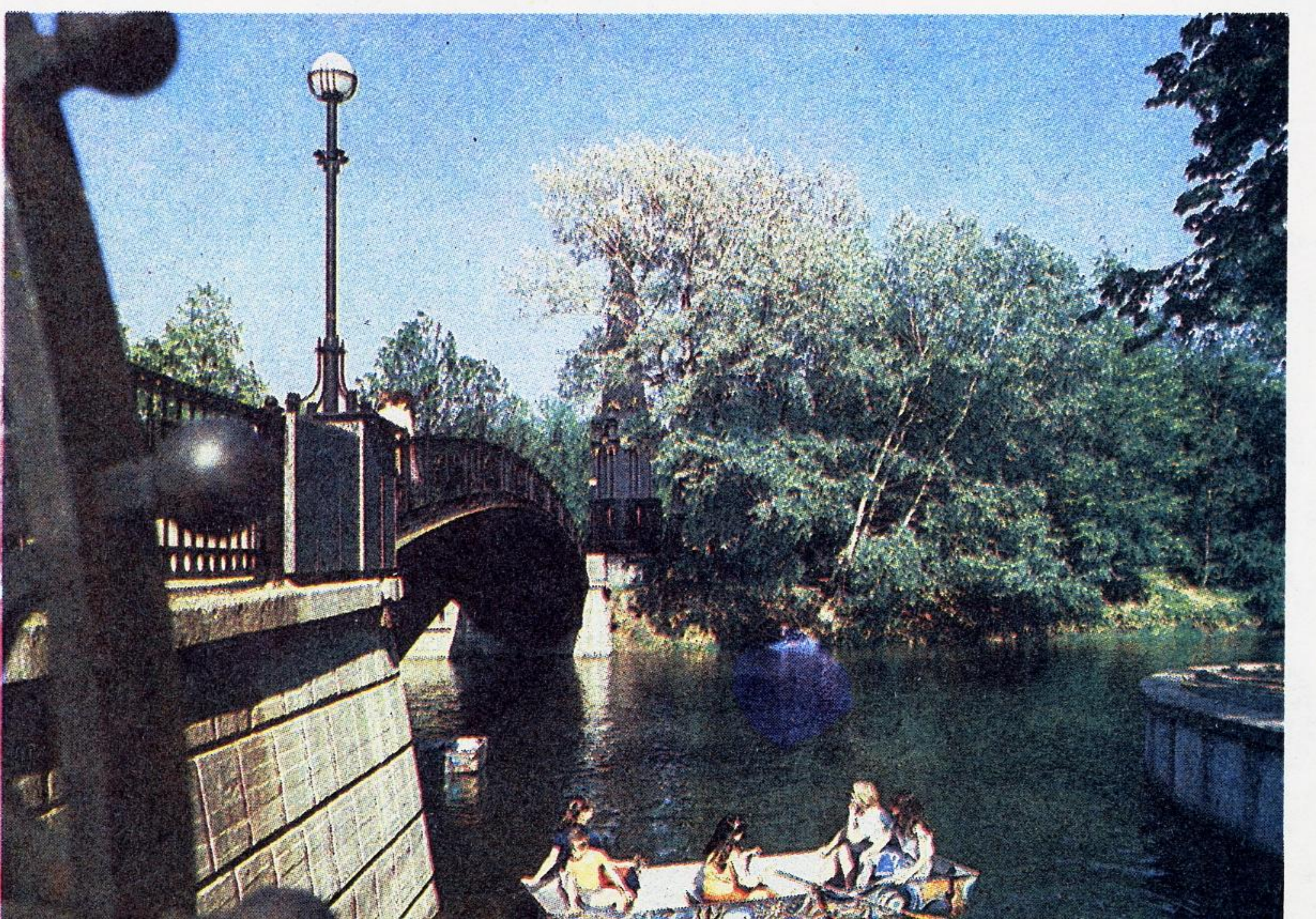
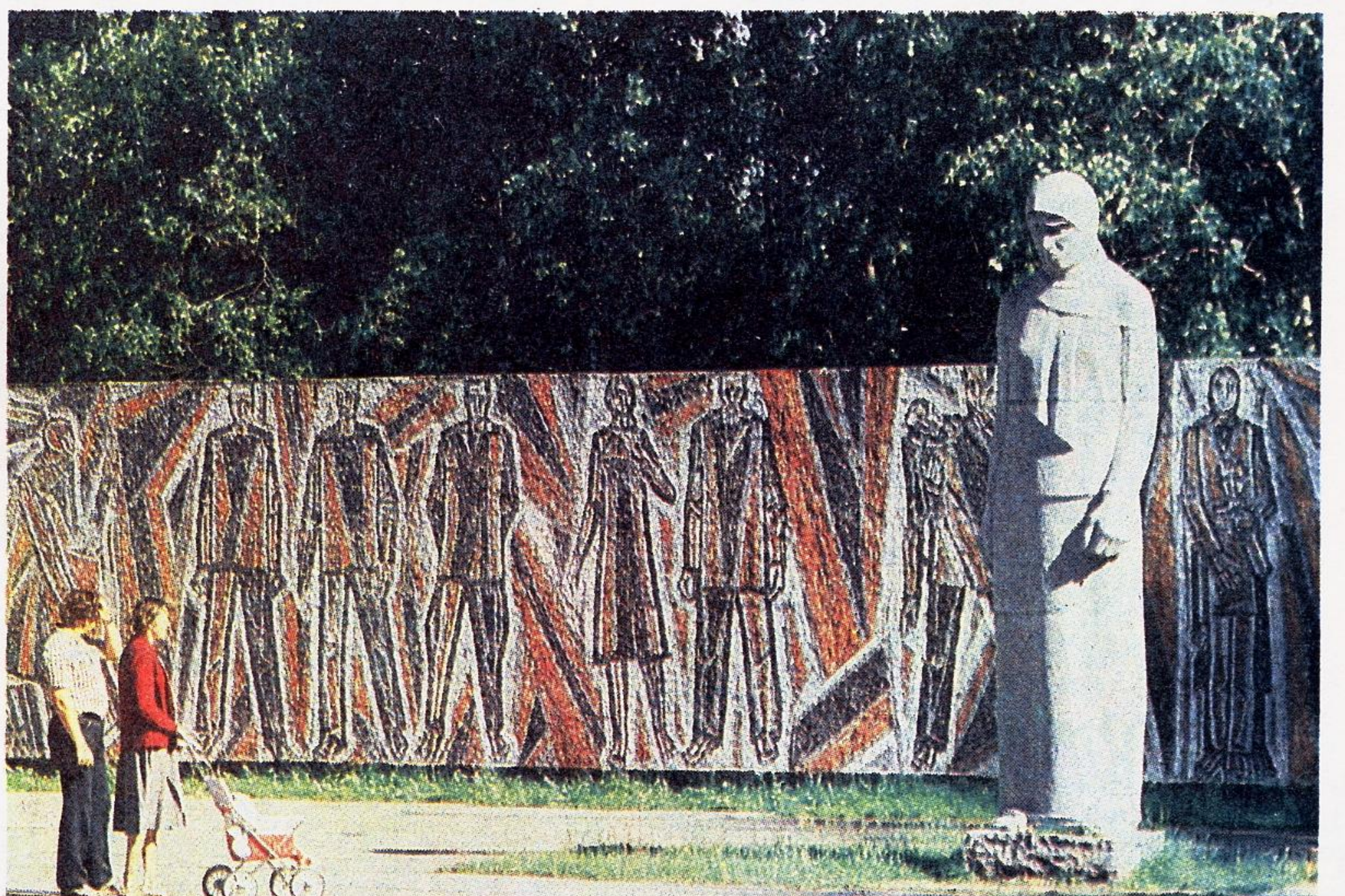
В 43-м пришло в Смоленск освобождение, в 45-м пришла на нашу землю Победа. Через сорок лет, в 85-м, встал Смоленск в гордый строй городов-героев.

Жарким было лето 41-го, жарким было Смоленское сражение. И хотя Красной Армии тем летом пришлось отступить от города, знали его жители — настанет час освобождения. И час этот настал.

Фотографии А. ЗОЛОТАРЕВА.

Хранит Смоленская земля
памятники русского искусства,
памятники славы
защитников Отечества.
И счастливо живут
на этой мирной земле
мальчишки и девчонки.

К 80-летию первой русской революции

„ЛИШЬ БЫ СВЕТИЛА ЯРКАЯ ЗАРЯ НАШЕГО ИДЕАЛА“

Много ли таких людей на свете, которые вовремя умеют узнать свое назначение и соответственно с этим направлять все свои силы?

Из письма Н. Э. Баумана отцу,
14 апреля 1897 г.

20 октября 1899 года полицейский исправник города Орлова уведомил вятского губернатора, что «состоящий под гласным надзором полиции ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман 15 сего октября из места жительства неизвестно куда скрылся». Циркуляры департамента полиции строго потребовали «схватить и препроводить» государственного преступника обратно к месту ссылки. Но «Николай Эрнестов Бауман», неузнаваемо изменив свою внешность, благополучно пересек границу Российской империи и вскоре добрался до Женевы.

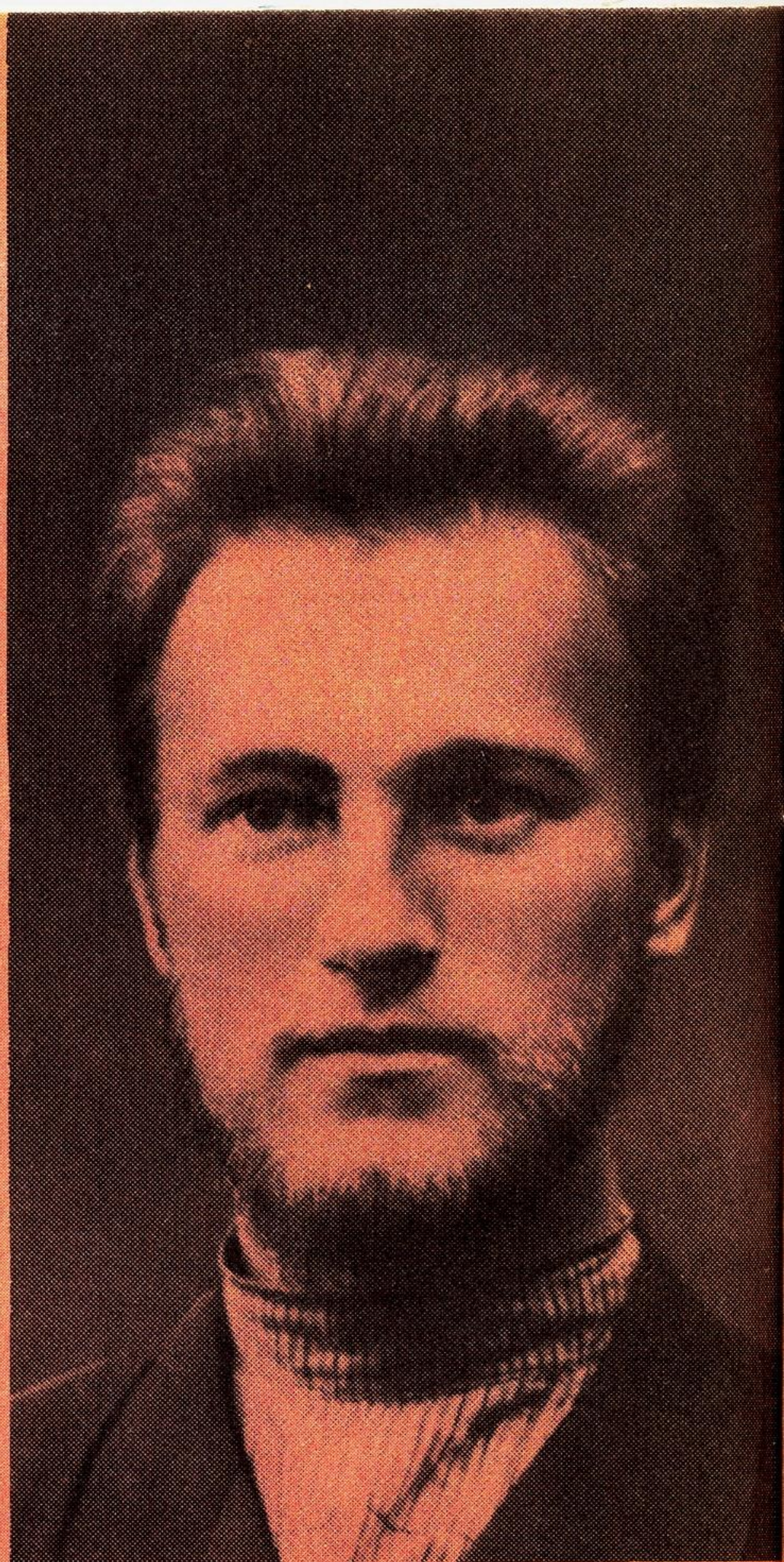
В Орлове (сейчас это город Халтурин) Бауман отбывал 4-летнюю ссылку по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». А до этого почти два года провел в казематах Петропавловской крепости. Невероятно, но Бауман единственный из членов «Союза» был посажен именно в Петропавловку. Как будто понимали жандармы — надо как можно скорее сломить этого молодого человека, запугать его, заставить сдаться, изменить своим убеж-

дениям. Но ни тогда, ни после сделать этого не удалось...

Марксизм стал убеждением Баумана, как только он вступил на путь борьбы за освобождение народа. Еще в Петербурге 24-летний Бауман выступал против людей, которые пытались исказить цели рабочего движения, обескрылить его. В тюрьме, в ссылке Бауману удавалось читать практически все написанное Ульяновым. И чтение этих работ еще больше утверждало Николая Эрнестовича в правильности выбранного им пути.

А Ульянов неустанно доказывал: дорогу к справедливой жизни могут проложить только рабочие под руководством пролетарской партии. Партия же, авангард, движущая сила класса, должна быть организована и сплочена под знаменем марксизма.

Российская социал-демократическая рабочая партия — РСДРП — заявила о своем су-

Николай Эрнестович Бауман.

ществовании в 1898 году, но истинного партийного единства в рядах социал-демократов не было. Создать единую боевую рабочую партию, писал Ульянов, можно было только с помощью общероссийской партийной газеты...

Броненосец «Потемкин» стал символом первой русской революции. Еще долго царское правительство будет использовать солдат для подавления недовольства народа. Но восставший «Потемкин» показал — наступит день, и человек с ружьем встанет в ряды революционного пролетариата.

ВАСУЩИЯ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ

[illegible]

чественный вопрос, персонажи представляют: товарищи и комитеты гораздо больше чужды в других странах и что лозунг отторжения русских революционных движений осужден на бесчестие. Отсюда сам собой вытекает та задача, которую призвано осуществить русская социальная партия: выдвигать социалистические идеи и политические соглашения из массы протестующих и организовывать революционную партию, неразрывно связанную с таковыми. Но почему бы не было выдвинуто? Много уже сказано: из-за отсталости русских социалдемократов, но еще больше остается сказать. С ростом движения широкая деятельность для социалдемократии становится все ближе: работа все разнообразнее, все большее число инициатив движений, все разнообразнее свои силы на осуществлении различных задач, а также в отношении отсталых элементов и в отношении их. Инициатива, что является совершенно законным и естественным, но оно заставляет обратиться к своим членам на то, чтобы чинить задачу деятельности и чинящие приемы борьбы не возмущались из-за этого. Следовательно, чтобы подготовительная работа не возмущалась на стесненности и единственной работы.

Самостоятельно политическую, организационную и политическую задачи. Всякого кто отодвигает эту задачу на второй план, кто не поднимает ей всех частных задач и не занимается при этом борьбе, тот становится на ложный путь и наносит вред делу движения.

Оценивая эту задачу в историческом, т. е. социально-экономическом, и в рамках политического просвещения агитационных организаций, мы считаем возможным и уместным указать на ряд особенностей «политической» только в историческом отношении жизни, только в формальных случаях, когда являлись конкретные задачи развития политической борьбы против самодержавия на требования отныне уступок от самодержавия в нежелании заниматься с нами, чтобы эти требования отныне уступок возвести в систематическую и безусловную борьбу революционной рабочей партии против самодержавия.

«Организуйте!» призывает рабочий на разных этапах
«Завод. Рабочий Механик» призывает всех сторонников, «мы
«Организуйте!» призывает М. на разных этапах при...

жест в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего-революционера, Петра Алексеевича, — объединится русская рука с русской рукой: «люди, и вечно достойные, вечно добрые, вечно справедливые, разлетятся из прачки!»

БИЛЬГЕЛЬМЪ ЛИБКНЕХТЪ

[illegible][illegible]

щение не просто делового единства, но — единства душевного, сердечного, дружеского. Единство это не поколебали ни время, ни расстояние, ни сложности политической жизни...

Бауман включился в главное тогда для российской социал-демократии дело — дело издания общепартийной газеты. Была найдена типография, владелец которой не побоялся печатать нелегальную газету, куплен русский шрифт. И вот 11 декабря 1900 года в Лейпциге вышел первый номер «Искры». На полосу сверху слева было напечатано: «Российская социал-демократическая рабочая партия», справа — «Из искры возгорится пламя!.. Ответ декабристов Пушкину». Этими словами издатели подчеркивали: РСДРП будет продолжать и развивать славные традиции русских революционеров.

Но как дойдет газета до читателей? Российские полицейские чины давно уже поняли, что для царского режима намного страшнее бомб и пистолетов террористов эти тихие книги, брошюры, газеты. Они страшны тем, что рассказывают народу правду, учат его, объединяют и готовят к открытой совместной борьбе с угнетателями. Когда-то русский перевод «Капитала» Маркса был напечатан с разрешения царской цензуры... С тех пор она стала «умнее». А департамент полиции главной своей заботой считал борьбу с распространением социал-демократических взглядов. Средства этой борьбы были: шпионаж, провокации, аресты. Филеры департамента действовали и за границей, да и полиция Европы с удовольствием «пособляла» своим российским «коллегам».

Как же доставлять «Искру» в Россию? И вот в чемоданах с двойным дном, в тайниках паро-

Вот он, первый номер «Искры».

...Счастливы тот, кто идет неустанно, без страха и сомнения туда и прямо, куда указывают ему его совесть и убеждения.

Из письма Н. Э. Баумана отцу,
27 августа 1904 г.

В Женеве Бауман познакомился наконец с Владимиром Ильичем Ульяновым. Они были почти ровесники—Ульянов старше на три года. Их соединя-

ли воспоминания о Казани: Ульянов учился там в университете, Бауман — в ветеринарном институте, и оба начинали в этом городе революционную деятельность. И воспоминания о Петербурге были общими: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», полковник Пирамидов, который, оказалось, допрашивал обоих (об этом вспоминали со смехом). Сразу возникло ощу-

Столица Российской империи Петербург была запружена демонстрациями. После Кровавого воскресенья город не знал ни одного спокойного дня. О митингах, демонстрациях, забастовках в столице, несмотря на ухищрения правительства, вскоре узнавала вся страна.

ходных трюмов отправился маленький этот листок к своим читателям. Агенты «Искры» — лучшие члены партии — должны были не только распространять газету среди рабочих и интеллигенции. Они должны были с помощью газеты создавать местные партийные организации, руководить их работой.

Одним из первых уехал в начале 1901 года в Россию Николай Бауман. Цель его была — Москва.

Начальником московского охранного отделения был тогда Зубатов. Это был умный и хитрый противник. В борьбе с революционерами да и вообще с людьми прогрессивных взглядов он действовал не силой арестов, а подкупом, шантажом, провокациями. Вольными или невольными предателями становились, казалось бы, кристально чистые люди. Недоверие и разобщенность поселились в московских кружках...

Почти все агенты «Искры» успевали поработать на свободе две-три недели. Бауман работал в Москве больше года. Ему с помощью товарищей удалось раскрыть зубатовскую систему, Московская организация РСДРП начала действовать.

Департамент полиции гонялся за неуловимым Грачом, филеры ходили «по пятам» за Бауманом.

Кто знает, удалось бы им поймать свою «добычу», если бы не предательство. На пути из Киева и Воронежа, куда Николай Эрнестович ездил по делам «Искры», он, почувствовав слежку, заехал к товарищу-врачу. Товарищ оказался предателем.

Баумана быстро опознали — до сих пор в розыске находился бежавший из ссылки «Николай Эрнестов Бауман», которого «по поимке» следовало отправить в Вятскую губернию — срок ссылки еще не закончился. Но если Бауман — это и есть знаменитый Грач, ссылки для него мало.

Баумана поместили в Лукьяновскую тюрьму Киева. Там уже сидели десять агентов «Искры». Власти решали: какому наказанию подвергнуть эти «опасные элементы»?

А «опасные элементы» во главе с Бауманом решили бежать.

И вот каждый день во дворе для прогулок под неусыпным взором тюремщиков одиннадцать заключенных начали заниматься гимнастикой: прыгать, подтягиваться, строить «пирамиды». И однажды «пирамида» была выстроена возле стены, на ее гребень взлетела лестница, тайно сплетенная из простынь, и один за другим одиннадцать искровцев исчезли среди киевской толпы...

А через несколько недель Бауман снова был за границей.

Мой путь давным-давно наметен, свернуть с него — значит убить свою совесть. Последнее же — самое ужасное преступление, для него нет искупления.

*Из письма Н. Э. Баумана отцу.
27 августа 1904 г.*

Рабочая Россия бастовала. Во время забастовок и демонстраций все чаще слышался боевой лозунг: «Долой царское самодержавие! Да здравствует политическая свобода!» Слышалось дыхание революции.

17 июля 1903 года в Брюсселе начался второй съезд РСДРП. На первом съезде партии было всего девять делегатов от пяти организаций. На втором их было 43, и представляли они 26 организаций. Бауман был делегатом от Москвы.

С первых заседаний съезда началась борьба двух течений — большевиков и меньшевиков. Делегат Сорокин — так называли Баумана в то время для конспирации — сразу и бесповоротно принял сторону большевиков-ленинцев.

Спорили с противниками, доказывали свою правоту, отстаивали точку зрения, но и шутили. Бауман как-то, смеясь, заметил: «Меньшевики, чтобы подкопаться под нас, большевиков, говорят всем: «Вы видите, кто примыкает к Ленину? К Лени-

Революционные волны захлестывали Россию. Не только Петербург и Москва, но и Киев, Одесса, Севастополь, Архангельск, многие другие города заполняли тысячные демонстрации. Граждане России требовали коренных изменений в жизни народа.

ну — большевикам примыкают все ветеринары, а у нас, меньшевиков, настоящие человеческие доктора...»

Закончился съезд победой большевиков. Они добились принятия Программы партии, которая нацеливала социал-демократию, пролетариат на социальную революцию, на установление диктатуры пролетариата.

В декабре 1903 года Бауман, «превратившись» в немецкого коммерсанта, поехал в Москву. Он не знал, что не только место назначения, но и вымышленное имя известно уже в департаменте полиции...

Я чувствую себя гораздо лучше, чем многие и многие общепризнанные удачники и счастливики.

Из письма Н. Э. Баумана отцу, 24 сентября 1904 г.

Он и сам был удачником. Умница, прекрасный организатор (именно это качество ценил в нем Ленин), веселый и ласковый человек. Красив, артистичен (чего стоят его превращения то в крестьянского парня, то в аристократа), изящен (он прекрасно танцевал, в гимназии его прозвали «балериной», в Лукьяновской тюрьме он развлекал товарищей танцами, а когда пришло время побега, был самым ловким). А самой главной его удачей было верно выбранное дело. Дело революции. Талантливый человек,

он мог бы в любой области добиться успеха, признания, чинов, богатства, может быть. Но убеждения и совесть подсказали ему единственно верный путь — путь освобождения рабочего класса, путь создания общества справедливости, путь коммуниста.

До июня 1904 года, когда Баумана арестовали в очередной, последний раз, он успел многое. Московский комитет партии, которым он руководил, все активнее вовлекал рабочих Москвы в революционную работу. Бауман организовал типографию, где печатались листовки, прокламации. После ареста Николая Эрнестовича типография продолжала работать.

Шли месяцы, а правительство оттягивало окончательное решение судьбы Баумана. Отправить этапом в Орлов — до конца срока старой ссылки? Или есть возможность доказать большую вину, а значит, наказать суровее? Полиция отлично знала, кто такой ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман. Недаром несколькими годами раньше заведующий особым отделом департамента в записке для памяти отметил: «Арест его — трудно вознаграждаемая потеря для революционной организации «Искры».

В Таганскую тюрьму, где сидел Бауман, приходили известия с воли. Известия о поражениях в русско-японской войне, о Кровавом воскресенье, о начавшихся забастовках, политических стач-

ках, крестьянских восстаниях.

12 апреля 1905 года в Лондоне открылся третий съезд РСДРП. Это был чисто большевистский съезд.

Ленин на нем говорил о вооруженном восстании. Восстание будет успешным, только если рабочие будут энергично участвовать в нем. Нужно не просто готовить оружие, нужно создавать группы, отряды, накапливать опыт вооруженной борьбы.

Революция была на подъеме. 1 мая, в День международной пролетарской солидарности, бастовали 220 тысяч рабочих. В Иваново-Вознесенске рабочие создали Совет уполномоченных, первый в стране (а потом возникли еще около пятидесяти). Летом произошло около 900 крестьянских выступлений. 14 июня броненосец «Потемкин» поднял красный флаг. Всюду рабочие, крестьяне, интеллигенция требовали свободы, ликвидации царизма.

Российское правительство срочно заключило мир с Японией. Революция была страшнее поражения в войне. 6 августа царь опубликовал манифест и положение о выборах в Государственную думу. Это была только видимость уступки, стремление остановить революцию.

Большевики призвали бойкотировать выборы в Думу и готовиться к вооруженному восстанию. Нарастала всеобщая стачка. В сентябре забастовали московские печатники, потом булочники, трамвайщики, металлисты, рабочие других отраслей. Москва как будто подавала сигнал к всеобщему выступлению.

Вся Москва провожала Николая Баумана в последний путь. И это были не просто похороны. Это была политическая демонстрация.

И как же не хватало партии Баумана, его организаторского таланта, его популярности среди московских рабочих!

Только 8 октября после долгих проволочек, под залог Бауман был освобожден.

Ему осталось жить десять дней.

Мы так любим человеческий гений, красоту, свободу, что с радостью и бодро смотрим в лицо самой страшной опасности, не боимся тернистой дороги, лишь бы перед нами светила яркая заря нашего идеала.

Из письма Н. Э. Баумана отцу, 27 августа 1904 г.

Николая Эрнестовича Баумана убил 18 октября черносотенец Михайлин, агент охраны.

За день до этого появился царский манифест, в котором «всемилоостивейше даровались» свобода слова, собраний и союзов, неприкосновенность личности. Но это были только слова.

18 октября Бауман, выступая во дворе Технического училища,

А в декабре Москва запылала пожаром вооруженного восстания. И московские баррикады 1905 года предвещали победу народа в 1917 году.

призвал к освобождению политических заключенных, которых, несмотря на манифест, продолжали держать в тюрьмах. Колонна двинулась к Таганской тюрьме. У фабрики Дюфурмантеля стояли рабочие. Бауман с красным знаменем, в пролетке направился к ним: так хотелось, чтобы они решились присоединиться к колонне.

Михайлин вскочил в пролетку сзади и нанес один, потом второй удар...

Рабочие не успели схватить его, он явился в полицейский участок, так как знал, что полиция защитит его. И его действительно защитили: вначале осудили всего на полтора года тюрьмы, а затем и вовсе освободили — как верноподданного и защитника законной власти...

300 тысяч человек участвовали в похоронах Баумана. Это была невиданная политическая демонстрация. Владимир Ильич Ленин в газете «Пролетарий» 25 октября 1905 года писал: «Вечная память борцу в рядах русского социал-демократического пролетариата! Вечная память революционеру, павшему в первые дни победоносной революции! Пусть послужат почести, оказанные восставшим народом его праху, залогом полной победы восстания и полного уничтожения проклятого царизма!»

Большевики готовили вооруженное восстание. Но не дремала и контрреволюция.

Местным властям правительство разрешило действовать «по своему усмотрению». По указу царя забастовщиков объявили уголовными преступниками. Были закрыты все демократические газеты. 3 декабря арестовали весь состав Петербургского Совета рабочих депутатов.

Центром восстания стала Москва.

7 декабря началась всеобщая политическая стачка. 9 декабря на Чистых прудах собрались дружинники. На них напали кавалеристы вместе с артиллерией. Многих порубили и искалечили, больше ста человек арестовали.

Наутро в Москве стали расти баррикады. 11 декабря шли самые горячие бои. Пресня, Миусы, Сокольники, Рогожская застава — всюду звучали ружейные, артиллерийские залпы. Но у восставших не хватало оружия, боевого опыта. Правительственные войска начали теснить их.

13 декабря руководящие центры большевиков и меньшевиков совместно обратились к рабочим России с призывом поддержать московское восстание. Призыв этот не был услышан.

18 декабря Московский комитет РСДРП и исполком Московского совета решили прекратить вечером вооруженную борьбу.

Пресненский штаб боевых дружин в своем воззвании писал: «Мы начали. Мы кончаем... Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим. Но это ничего. Будущее за рабочим классом».

Недолго оставалось ждать этого будущего. Совсем близко был 1917 год.

**А. НЕКРАСОВ,
Е. СЕЛЕЗНЕВА**

Возьмите в руки Карандаш!

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «КАБУЛЬСКИЕ РАССВЕТЫ»

I.

Семья Мирджана жила теперь в комнате, похожей на тысячу других, что снимали у хозяев бедные семьи, убежавшие в Кабул от душманов¹. Старый чапаркат², на полу протертые циновки, в углу тюфячки, на которых ночью спят дети. Однако днем им разрешалось посидеть на чапаркате и даже полежать на нем. Но они никогда не лежали. Зачем? Сидеть, вытянув ноги, куда лучше! Кухни у них нет. В стене, в небольшом углублении, стоит котел. В нем-то и готовят пищу.

Из окна видна высокая гора, а на ней маленькие, теснящиеся друг друга домики.

Сели завтракать. На завтрак — чай и черствая лепешка, такая черствая, что ей можно постучать, словно камнем.

Отец никак не мог устроиться на работу, и все понимали, что рассчитывать на более сытный завтрак нельзя. Они и в деревне не ели досыта. Али всегда удивляло, что отец, по пятницам³ он завтракал вместе с семьей, поднимался из-за стола довольным и вроде бы сытым. Сколько раз, глядя на него, Али думал: «Такой большой, а есть ему почему-то не хочется?» Но разве это так? Просто отец умел скрывать желания и подбадривал своим видом ребят.

После завтрака Али и Фарид вышли во двор. Поднявшийся вчера после обеда ветер оставил повсюду серую мелкую пыль. Густым слоем она прикрывала землю, заборы, крыши. Фарид тут же нагнулся и зачерпнул пыль рукою.

— Не надо, Фарид, — остановил брата Али.

— А почему не надо, лала⁴?

— Видишь, какие грязные у тебя стали руки? Пойди помой.

Фарид ушел. Али походил по двору. Деть себя было некуда. Вернулся Фарид, и они отправились за дувал⁵.

Горячий воздух так и плыл перед глазами.

Они прошли вдоль улицы, разглядывая высокие глухие стены с разноцветными дверями. Окна всех домов смотрели во дворы. Случайный прохожий не должен увидеть того, что происходит внутри каждого дома.

Остановившись, Али присел на корточки, подпер голову руками. Фарид тут же последовал его приме-

ру. Разве он мог в чем-то отстать от брата? Но сделал это поспешно и неловко и чуть не упал. Али улыбнулся. Если бы Фарид знал, что может так развеселить брата, он упал бы нарочно. Фарид чувствовал, что Али не нравится в Кабуле.

— А что ты видел, — спросил он, — когда с Хакимом ходил по городу?

— Площадь, большой дом с флагом — Дворец называется. Там самые главные руководители работают, — нехотя отозвался Али.

— А главных руководителей ты видел?

— Нет. Их я не видел. — Али хотел еще что-то добавить, однако Фарид его перебил:

— Там и король живет?

— Ты что? — Али знал, что короля в Афганистане теперь нет и власть народная. Об этом говорил ему отец и Хаким. С Хакимом Али познакомился сразу же, как только они перебрались в город и поселились на этой улице. На груди у Хакима развевался красный галстук, и Али его заметил прежде других ребят, вертевшихся возле их телеги из любопытства. Потом, когда они с Хакимом отправились смотреть Кабул, тот объяснил Али, что был в Советском Союзе, в пионерском лагере «Артек», и советские пионеры подарили ему этот галстук. Хаким рассказывал про Советский Союз и про советских пионеров и говорил, что в Афганистане тоже есть пионеры. Хаким объяснил Али, когда они стояли у Дворца, что короля прогнали, потому что он был против народа. Но некоторым людям и народная власть не нравится. Они борются против нее.

Объяснить Фариду, как, что и почему, Али не мог. Он и сам не понимал многого. Он слышал, отец сказал матери, что народная власть всех равными хочет сделать, землю поделить между всеми. Но представить себе этого не мог: «Как это равными? И как делить землю?» Но раз отец говорит, значит, так и есть.

Он обрадовался, что Фарид больше не задавал вопросов. Что отвечать, если он ответа не знает?

Али чувствовал, что Фарид любит его, как и все младшие братья старших. Фарид всегда старался подражать ему и во всем его слушался.

И он продолжил свой рассказ для младшего брата:

— А еще, когда я ходил с Хакимом по Кабулу, видел башню с часами. Ох, и большая башня!

И вдруг братья услышали за своей спиной проклятья:

— О аллах! Вырви этим злодеям зубы!

Оба мгновенно обернулись и увидели женщину, вслед за которой едва поспевал мальчик. Мальчик был худой и жилки на лице, шее, руках просвечивали сквозь кожу.

¹ Душман — враг; душманский — вражеский (примечания автора).

² Чапаркат — плетеная кровать на низких ножках.

³ Пятница — в мусульманских странах выходной день.

⁴ Лала — старший брат.

⁵ Дувалы — глинобитные стены, за которыми находятся жилища.

Завидев Али и Фарида, она приостановилась и, потрясая афганями¹, зажатými в руке, стала объяснять братьям, что же все-таки случилось, будто они могли защитить ее от беды:

— Пошли, аллах, на них кару! — причитала женщина. — Обманули мальчика! Он им петуха принес, как велели, а они ему полцены заплатили!

Женщина все больше и больше распалялась. Мальчики узнали, что ее семья разводит и продает птицу. И вот пришли злые люди, попросили принести им домой петуха. С петухом к ним женщина послала своего сына, а они его обманули. И она сама идет выяснять отношения с обманщиками...

Женщина так шумела, что из ближайшего дома вышел на улицу Махмуд, сын местного муллы. Того самого, что подсказал отцу, где можно снять комнату.

Он постоял, прислушиваясь к тому, что говорит женщина, посмотрел на Али и Фарида и снова вернулся в дом.

Братьям показалось, что Махмуд ждет кого-то. Подумали: отца. Но когда в доме муллы скрипнула калитка, то они заметили, что вошла женщина. Они и раньше видели ее и слышали, что зовут ее Асия.

Об Асии рассказывали историю, которая не могла не вызывать сожаления. Будто, когда Асия была еще девочкой и жила в деревне, ее семья задолжала помещику пшеницу. Помещик не захотел ждать нового урожая, пришел к отцу Асии в дом и увел с собой девочку. По обычаю он мог это сделать: семья Асии была у него в долгу. Вскоре помещик отвез девочку в Кабул и выдал ее замуж за своего брата, который был старше невесты лет на сорок. Так ли, нет ли, точно никто не знал. А сама Асия об этом никогда не говорила. Муж ее будто бы вскоре умер, и после его смерти ей кое-что досталось. А то откуда же она стала бы богатой?! Целых три дома имела! Один сдавала жильцам, в другом жила сама, а третий отдала государству — для школы.

Все знали, что вскоре после того, как Асия стала приходить в дом к мулле, она подарила ему отделанный кожей коран и серебряный перстень. Перстень мулла отдал пишиману², а коран снес в мечеть, чтобы все его видели.

¹ Афгани — денежная единица в Афганистане.

² Пишиман — главный мулла.

С этих подношений и началась дружба Асии с муллой. Она приходила к нему в дом, готовила, убирала. Жена муллы несколько лет назад умерла, а хозяйству нужен женский глаз. Добрая женщина! И Махмуд нравился Али и Фариду.

II.

Махмуд никогда не спрашивал у отца, почему ходит к ним в дом Асия, и отец ему ничего не объяснял. Асия улыбнулась Махмуду, отправилась за веником и принялась подметать пол. Махмуд молча наблюдал за ней.

Асия задела веником ковер. Махмуду это не понравилось. Ковер напоминал ему мать. Вечерами на этом ковре мать рассказывала маленькому Махмуду сказки. Она знала много сказок. Больше других нравилась Махмуду сказка про молодого эмира.

...Давным-давно жил в Афганистане молодой эмир. Любил он охотиться. И вот однажды встретил на охоте в горах красивую девушку, дочь ковроткача. Решил эмир на ней жениться. Но девушка поставила эмиру условие: она выйдет за него замуж только тогда, когда эмир подарит ей ковер, сотканный им самим. Созвал молодой эмир лучших ковроткачей, велел научить его ткать. Ткачи хорошо учили эмира, и через некоторое время он подарил невесте ковер своей работы. Девушка вышла за эмира замуж, и они жили счастливо.

Однажды на охоте эмир попал в руки разбойников. Те хотели его убить, но эмир попросил: если они оставят его живым, он будет ткать красивые ковры, за которые можно получать большие деньги. Разбойники согласились. Отвезли эмира в дальнюю пещеру, приказали приниматься за дело.

Тем временем жена эмира рассылала воинов во все концы страны, обещая большую награду тому, кто разыщет ее мужа. Но все было напрасно.

Как-то утром ей сказали, что на базаре продается ковер небывалой красоты. Она приказала привести купцов. Купцы пришли, развернули свой ковер, и жена эмира поразились тонкостью его узоров. Жена эмира была дочерью ткача. И в узорах ковра она сразу же различила искусно вытканную, едва заметную неопытному глазу строку, которая объясняла, где искать место заточения мужа. Вои-

ны, немедленно посланные туда, освободили эмира...

Махмуд так задумался, вспоминая сказку, которую ему рассказывала мать, что и не заметил, как ушла Асия. Когда мулла вернулся домой, Асии уже не было.

Мулла прошел в комнату сына, остановился у открытой двери. Махмуд читал, сидя на ковре. Увидев отца, он поднялся, посмотрел на старинные часы и торопливо принялся надевать пиджак.

— Сегодня опять поздно придешь? — с тревогой спросил отец.

— Не знаю, — коротко ответил Махмуд.

— Только на пользу людям потраченное время бесполезно... — заметил мулла и хотел еще что-то добавить, но Махмуд быстро сказал:

— Не беспокойся, отец, я времени зря не трачу.

На улице Махмуд снова увидел сидящих на корточках Али и Фарида. Похоже, мальчишкам совсем нечего было делать. Махмуд издали кивнул им и увидел, как они, быстро поднявшись, ответили ему поклоном.

Махмуд был секретарем районного комитета ДОМА¹. И он торопился к Анвару, секретарю райкома НДПА². Остановиться, чтобы поговорить с мальчишками, он уже не мог.

III.

Чрезвычайно уважаемый человек был в их районе Анвар. Да что там в районе! Его знал, пожалуй, весь Кабул. Анвар вступил в партию еще в 1965 году, в год ее образования.

Когда Махмуд вошел в кабинет Анвара, секретарь райкома партии поднялся ему навстречу и протянул руку:

— Салам, Махмуд.

— Салам алейкум.

Анвар пригласил Махмуда сесть:

— Как дела, Махмуд?

Махмуд пожал плечами:

— Да ничего...

— Ничего это мало, — сказал Анвар и внимательно посмотрел на Махмуда. — Как с проверкой дуканов?³

— Проверяем, товарищ Анвар.

Несколько дней назад Анвар поручил Махмуду и его молодежному комитету проверить дуканы, которые находятся в их районе. Объяснил, что в дуканах незнакомые люди появились. И совсем неясно, кто они и откуда? Прикидываются помощниками дуканщиков⁴, а на самом деле, может, совсем не те, за кого себя выдают.

Махмуд с ребятами принялся за дело. Действовать нужно было осторожно, чтобы не обидеть, если незнакомцы хорошие люди, и не спугнуть, если это враги народной власти.

— Вы уж постарайтесь, — попросил Анвар, закуривая сигарету. — Понимаю, что нужно время, но не затягивайте. Райком партии возлагает большие надежды на молодежные комитеты.

— Мы постараемся, — ответил Махмуд.

— Я тебя, знаешь, зачем пригласил? — обратился

Анвар к Махмуду и посмотрел на него совсем ласково, по-дружески.

Махмуд встал.

— Да ты сиди! Сиди! — остановил его секретарь. — Хашары скоро будем организовывать в районе. И без молодежи, сам понимаешь, нам не обойтись. Да что там не обойтись! — поправился он. — Твои ребята должны быть на хошарах застрельщиками!

Издrevле существовал у афганского народа прекрасный и мудрый обычай. Всем кишлаком строить кому-нибудь дом, всем миром помогать одному прорыть арык. Теперь, с приходом народной власти, хашары превратились в праздники безвозмездного коллективного труда людей.

— Что мы должны делать? — поспешно спросил Махмуд и пожалел о своей торопливости: «Никак не приучу себя сдерживаться. Надо было дослушать до конца старшего человека!»

— О, дел очень много! — тут же отозвался Анвар. — Мусор с улиц убирать надо, заборы и дороги чинить, дувалы красить. Революция — это прежде всего порядок, чистота, культура во всем...

И он стал рассказывать, как лучше устраивать хошары, как оповещать людей, доставать необходимый для работы инвентарь, организовывать работу...

— И лозунги надо бы написать! — предложил Махмуд. — Музыку включить на улице! Ведь праздник будет!

В кабинете Анвара все время звонил телефон. У секретаря райкома было много неотложных дел. Но и разговор с Махмудом, по всему было видно, не казался Анвару пустяком, раз он столько времени уделял ему. И Махмуд решился рассказать Анвару о Мирджане и его семье. О том, что эти люди недавно пришли в Кабул из кишлака, спасаясь от душманов, и поселились на его улице.

— Молодежный комитет решил отцу с работой помочь, — поделился с Анваром Махмуд, — а старшего сына, Али, на учебу определить...

— Это хорошо, — одобрил Махмуда Анвар. — А куда вы думаете устраивать на работу отца?

Махмуд растерялся. Это они с ребятами пока еще не продумали.

— Пока не знаем... — сказал он смущенно. — Все наши ребята обещали подумать...

И они попрощались.

Вернувшись на свою улицу, Махмуд снова увидел Али и Фарида, все так же сидящих на корточках у дувала, словно они приросли к этому месту.

Махмуд подошел к ним, улыбнулся, спросил:

— И долго вы будете так сидеть?

Братья переглянулись, почувствовали неловкость.

— Делом нужно вам заниматься, а не сидеть, — продолжал Махмуд.

— Каким делом? — спросил Фарид.

— Али должен учиться, — объяснил Махмуд.

— Как учиться? — Али тут же вспомнил, как в своем кишлаке пришел однажды учиться к мулле, а мулла жестоко наказал его, и он беспокойно посмотрел на Махмуда.

Махмуд снова улыбнулся Али, дружески похлопал по плечу:

— Да ты не волнуйся. Теперь все должны учиться. Так народная власть постановила.

Услышав это, Али захотел задать сразу тысячу вопросов, однако выбрал только один:

— А где учиться?

— Я отведу тебя, — пообещал Махмуд. — Только сначала скажем об этом твоему отцу.

¹ ДОМА — демократическая организация молодежи Афганистана.

² НДПА — Народно-демократическая партия Афганистана.

³ Дукаан — палатка, маленький магазинчик.

⁴ Дукащик — продавец.

На улице появилась сестренка Гульшод, прикрыла ладонью от солнца глаза и крикнула:

— Али! Фарид! Мама зовет!

IV.

Мирджан устал. Столько ходил он по Кабулу! И все напрасно!

Постоял сначала у бензоколонки. Посмотрел, как подъезжают и отъезжают машины. Понаблюдавал за ребятами, которые терпеливо стояли в очереди за бензином с разноцветными банками.

В Кабуле многие родители посылают своих детей за бензином для примусов и других приборов, на которых варят пищу.

— Нет ли у тебя какой работы? — решил Мирджан наконец подойти к хозяину бензоколонки.

— Нет, — буркнул тот и, осмотрев Мирджана с ног до головы, недоверчиво спросил: — Не здешний, что ли?

— Не здешний, — признался Мирджан.

— Нет! Нет у меня для тебя работы, — отказался от Мирджана хозяин. — Поищи в другом месте.

Смущенный Мирджан отошел в сторону. В который уже раз получал он сегодня отказ, настроение его становилось все более и более грустным.

Суетился Кабул. Сигналили машины, громыхали карачи¹. Люди куда-то торопились, обгоняя друг друга, а он шел неторопливо.

«Город такой большой, — грустно думал Мирджан, — а работы нет...»

И это, действительно, было так. Народная власть еще не всех могла обеспечить работой.

Увидев небольшой дуكان, у входа в который дымил на мангале шашлык, Мирджан направился туда:

— Нет ли работы, хозяин?

Здоровенный дукащик, которому больше подошло бы жарить быка, чем маленькие кусочки мяса, ответил:

— Нет, нет... Проходи...

И Мирджан снова пошел прочь.

¹ Карачи — двухколесная телега для перевозки грузов.

Дома мать сказала Али:

— Сходи к тете Асие за солью. Скажи, отдадим...

Али издала и увидел Асию на пороге ее дома.

— Мама велела попросить у тебя соли,— выпалил он, подойдя поближе.— Мы отдадим.

— Зачем отдавать? Хлебом и солью всегда нужно делиться,— ответила Асия и пошла за солью.

Мать была рада, когда Али принес пакетик соли:

— Вот, видите, какая добрая тетя Асия!

И попросила Али и Фарида:

— Завтра сходите на пустырь, поищите что-нибудь, чем топить можно...

Ужин в их семье был всегда самым важным событием дня. Так уж повелось в афганских семьях: хозяин уходит из дома рано. Завтракают без него, к обеду он тоже не возвращается, а вот на ужин приходит. Нет! Что там ни говори, а ужин совсем другое дело. На ужин и мясное бывает! Али помнил, как очень давно, когда они жили еще в кишлаке, мать готовила пачу¹. Ох, и вкусная же была эта пача!

¹ Пача — плов с отварными овечьими ножками.

— Али, принеси воды,— позвала мать, и Али, схватив ведро, помчался на улицу.

Вода из трубы текла медленно, и Али долго ждал, пока ведро наполнилось. Их дом стоял у подножия горы. В их дворе еще была водопроводная труба, а дальше в гору носили уже руками. И те, что жили повыше, им завидовали.

На улице стемнело. В домах зажегся свет. Из-за гор пришла долгожданная прохлада. Она продержится до рассвета, и можно немного передохнуть от жары.

В темноте Али любил разглядывать дома, вернее огоньки домов, которые поднимаются вверх по горе. Но на середине горы останавливаются, словно сил им не хватило добраться до вершины.

В их доме тоже зажгли свет. Наверное, свет поднял всем настроение, разгладил лица. Вот и его брат и сестра, Фарид и Гульшод, улыбаются. Но, может, вовсе и не из-за включенного света, а оттого, что скоро будет ужин?

Фарид подошел к матери, заглянул в котел: «Вкусно пахнет!» Гульшод принялась протирать пиалы. Из голубых пиал они пили чай каждый

день, из розовых — когда приходили гости, а золотые доставали только в фетр¹.

— Ну вот... — ни к кому специально не обращаюсь, произнесла мать. — Все готово.

Однако сестры ужинать не успели. В дверь постучали.

— Входите! — повернулся Мирджан.

В комнату вошел Махмуд.

Мать и Гульшод тут же скрылись за занавеской — таков порядок: в дом вошел мужчина.

— Салам алейкум! — произнес вошедший.

— Салам, сын почтенного муллы-саиба².

Мирджан вопросительно взглянул на Махмуда:

— Что привело тебя к нам?

— Учиться твоему Али надо, — сразу же перешел к делу Махмуд. — Вот и пришел я к тебе затем, чтобы ты с этим согласился.

Мирджан посмотрел на занавеску.

— Жена! Ты слышишь? Сын муллы-саиба пришел нашего Али учиться позвать.

— Зачем учиться? — откликнулась из-за занавески мать.

— Как зачем? — Махмуд стоял посреди комнаты, не зная, что и сказать.

Прошло несколько молчаливых секунд. Вопрос Мирджана его спас:

— А что ты так беспокоишься за нашего Али?

— Теперь все должны учиться. Так народная власть постановила, — произнес он фразу, которую уже слышал Али, и добавил: — И мы, члены организации молодежи, помогаем ребятам учиться.

— Ты, сын почтенного муллы-саиба, в организации молодежи состоишь? — немало удивился Мирджан. — Что же говорит тебе на это твой отец?

— Отец не запрещает мне. Наша организация только добра людям желает. А отец сам всю жизнь проповедовал добрые дела.

Махмуд остался доволен своим ответом. Это было видно по тому, как он поднял голову.

— Так-то оно так... — попытался отговориться Мирджан. — Но ведь твой отец — мулла, аллаху служит. За веру он должен стоять. И сына своего учить вере.

— Отец меня всегда учил только хорошему, — почтительно ответил Махмуд. — А в организацию я еще до революции записался.

— Как до революции?

— Да! До революции! — повторил Махмуд. — Еще когда в университете учился.

— Разве и тогда уже была ваша организация?

— Была! — Махмуд снова вскинул голову. — Только работали мы скрытно, потому что нас тогда притесняли, выслеживали, в тюрьму сажали. Жил у нас тут на улице Хаёт. Отец его генералом был, а Хаёта забрали и расстреляли.

— За что? — удивился Мирджан.

— Воззвания он писал против короля Захир-шаха, — коротко объяснил Махмуд. — Видишь: отец — генерал, королю служил, а его сын боролся за народную власть. А мой отец всю жизнь людям служил. Ну так как,пустишь своего Али учиться?

— Да уж не знаю, как и быть, — развел руками Мирджан. — В школу ходить — одеваться нужно чисто. А мы люди бедные. Одежды хорошей у Али нет. Боюсь, засмеют моего сына.

— Папа! — влез в разговор Фарид. — Пусти учиться Али! Я ему галоши отдам, которые ты мне купил. Они налезут ему! Вот увидишь!

Все рассмеялись.

Когда Махмуд ушел, сели ужинать и только допили чай, как где-то вдали послышалась автоматная очередь. В Кабуле душманы не давали людям жить спокойно.

V.

Али любил свою сестру Гульшод, и ему жаль было ее. Гульшод приходилось теперь стирать белье для богачки Хосьят и ее мужа, дуканщика Кудуса.

Али, сощурившись, посмотрел на палящее солнце и неторопливо направился к дому Кудуса и Хосьят, чтобы проведать Гульшод. Он подошел как раз в тот момент, когда вредная Хосьят подбросила Гульшод еще целую охапку грязного белья.

— Хорошо, хорошо стирай, — наставляла она сестру. — И мыла поменьше трать. С мылом стирать каждый сумеет...

Али захотелось сказать сестре что-то хорошее, похвалить ее и подбодрить, но он решил не отвлекать сестру, а то Хосьят увидит и станет на них кричать.

Хосьят как раз тут же вышла снова из дома, и с нею была Фатима, ее дочка. Фатима казалась старше Гульшод, выше ростом и упитаннее. «Свою дочь стирать не заставляют, Гульшод нанимают? — с досадой подумал Али. — Ишь, как придирчиво рассматривают выстиранное Гульшод белье».

Только эта противная Хосьят вместе со своей толстой Фатимой скрылись в доме, как со стены дувала кто-то позвал:

— Гульшод!

Девочка обернулась, обернулся и Али. Кричал Хаким.

— Уходи, уходи отсюда! — испуганно заговорила Гульшод, поглядывая в сторону дома хозяев. — А то тетя Хосьят заругается...

— А чего она заругается? — улыбнулся Хаким. — Я же ничего плохого не делаю — только сижу... Правда, Али?

Али ничего не ответил, но подумал, что сестра права. Хосьят отличалась строптивым нравом. Все знали, что она даже к мужу своему относилась без покорности, как к равному. В афганских семьях редко так бывает. Но Хосьят, видно, не упускала случая напомнить мужу, что ее семья, известная своим богатством, согласилась на брак с бедняком.

Али нервничал. Какое-то неведомое чувство подсказывало ему, что может случиться скандал. Так оно и вышло. Хосьят услышала Хакима, выскочила из дома и закричала:

— Не разговаривай с ней! Не мешай стирать! Убирайся отсюда!

Гульшод смутилась, еще ниже наклонилась над тазом, еще крепче схватила в руки белую тряпку. Однако Хаким и не собирался уходить. Перекинув через стену другую ногу, он произнес весело:

— А я ей и не мешаю. — И это было его ошибкой. Хосьят позвала Кудуса.

Кудус тут же выбежал на зов, хотел было схватить Хакима за ногу, но Хаким увернулся, спрыгнул со стены. А Кудус уже ему вслед крикнул, зло поджимая тонкие губы:

— Я тебе, советский проповедник...

Али это слышал. Но не стал ничего говорить Хакиму, когда они вместе пошли прочь от ненавистного дома. Только похвалился:

— А я сегодня учиться пойду. Махмуд придет за мной, и мы пойдем.

¹ Фетр — у мусульман праздник разговения после месячного поста рамазана.

² Мулла-саиб — господин мулла.

Хаким поддержал его, одобрил:
 — Учиться — это хорошо. Я тоже учусь. А как же не учиться? Без учебы сегодня нельзя.
 — Али! Али! — раздалось сзади.
 Али обернулся. К ним навстречу направлялся Зафар, племянник доброй тети Асии.
 — Отец твой дома? — спросил Зафар у Али.
 — Дома.
 — Тогда скорее води меня к нему. Есть для твоего отца хорошая работа!
 Али просиял. Столько времени отец не мог найти работу. И Мирджан, когда услышал сообщение Зафара, сначала не поверил.
 — Работа хорошая! — уверял Мирджана Зафар. — Будешь работать на дровяном складе-базаре, дрова разгружать.
 Мирджан от радости долго слова вымолвить не мог, а потом поклонился Зафару и сказал, очень волнуясь:
 — Как же мне благодарить вас, Зафар! И комнату вы мне с теткой дали, и на работу устраиваете. Век не забуду вас. — И он три раза по афганскому обычаю дотронулся своими щеками до щек Зафара.
 Зафар — Али уже знал это от Махмуда — был, как и Махмуд, членом Демократической организации молодежи Афганистана.

VI.

Курсы по ликвидации неграмотности, куда пришел Али вместе с Махмудом, располагались в том строении, которое Асия отдала народной власти. Было видно, что стены давно не крашены, а на потолке красуются дождевые подтеки. Но что же делать? И так все были благодарны Асии — с помещениями в Кабуле трудно. Ученики сидели на скамейках, а стол был только у учителя. И рядом со столом стояла доска. Али сразу же обратил внимание, что среди учеников много взрослых. «Странно, — подумал Али, — неужели они тоже пришли учиться?» Он хотел спросить об этом Махмуда, но Махмуд разговаривал уже с учителем.

— Ты когда-нибудь раньше учился? — ласково обратился к Али учитель.

— Учился, но только один день... — поспешил с ответом Али и пожалел, что так сказал: расспрашивать будет, что да как? А что отвечать? Что ел на уроке лепешку, а мулла так наказал его за это, что отбил всякую охоту к учению.

Но учитель ни о чем не спросил, только улыбнулся:

— Ну, один день учиться — это не так много. — И даже потрепал Али по голове.

Махмуд снова стал говорить с учителем, и Али услышал, как тот посоветовал учителю:

— Брал бы с собой пистолет, когда идешь на занятия. Мало ли что... Надо бы охранять...

— Учитель, — подошел к учителю босой подросток и привел за собою мальчика помладше: — А можно и брат мой будет у тебя учиться? Ему уже скоро шесть исполнится...

Али увидел, что Махмуд и учитель с интересом посмотрели на маленького мальчика.

— Правда, шесть лет... — повторил подросток, хотя ему еще не отказали и даже не возразили. — Мне не с кем оставлять его дома. А он так хочет учиться! Очень хочет...

— Ну, ладно, — согласился учитель. — Раз хочет, пусть учится. Только трудно, наверное, ему будет?

Али удивился. Тогда и Фарида можно привести в

школу. Фарида побольше этого мальчугана и очень даже сообразительный.

Тут еще один человек в чалме подошел к учителю, поздоровался:

— Салам алейкум, учитель! — И спросил: — Хочу вот, чтобы сын мой у тебя учился. Только интересует меня: будешь ли ты со своими учениками коран читать?

— Я буду своих учеников учить читать и писать, — спокойно ответил учитель. — А если они будут грамотными, то и коран читать смогут.

Ответ человека удовлетворил, и он одобрительно закивал головой.

— Доброе дело делаешь, учитель, — сказал он, — доброе...

Помещение быстро заполнялось. На скамейках уже не оставалось свободных мест, и Али испугался, что ему некуда будет сесть. Однако и ему место досталось. Да какое хорошее! На первом ряду! Учитель усадил его туда.

А Махмуд, прощаясь, шепнул Али на ухо:

— Тетрадь и карандаш я тебе куплю, а пока сиди и слушай все внимательно...

И Али стал слушать, боясь пропустить хотя бы одно слово.

— Чтобы читать, — объяснял учитель, — надо знать буквы.

Он взял в руки мел и написал на доске первую букву.

— Это буква «алеф». — Повторите, «алеф...».

Все хором повторили: «Алеф».

— С этой буквы начинается наш алфавит, — продолжал учитель. — А это буква «бэ»...

На доске появилась «бэ».

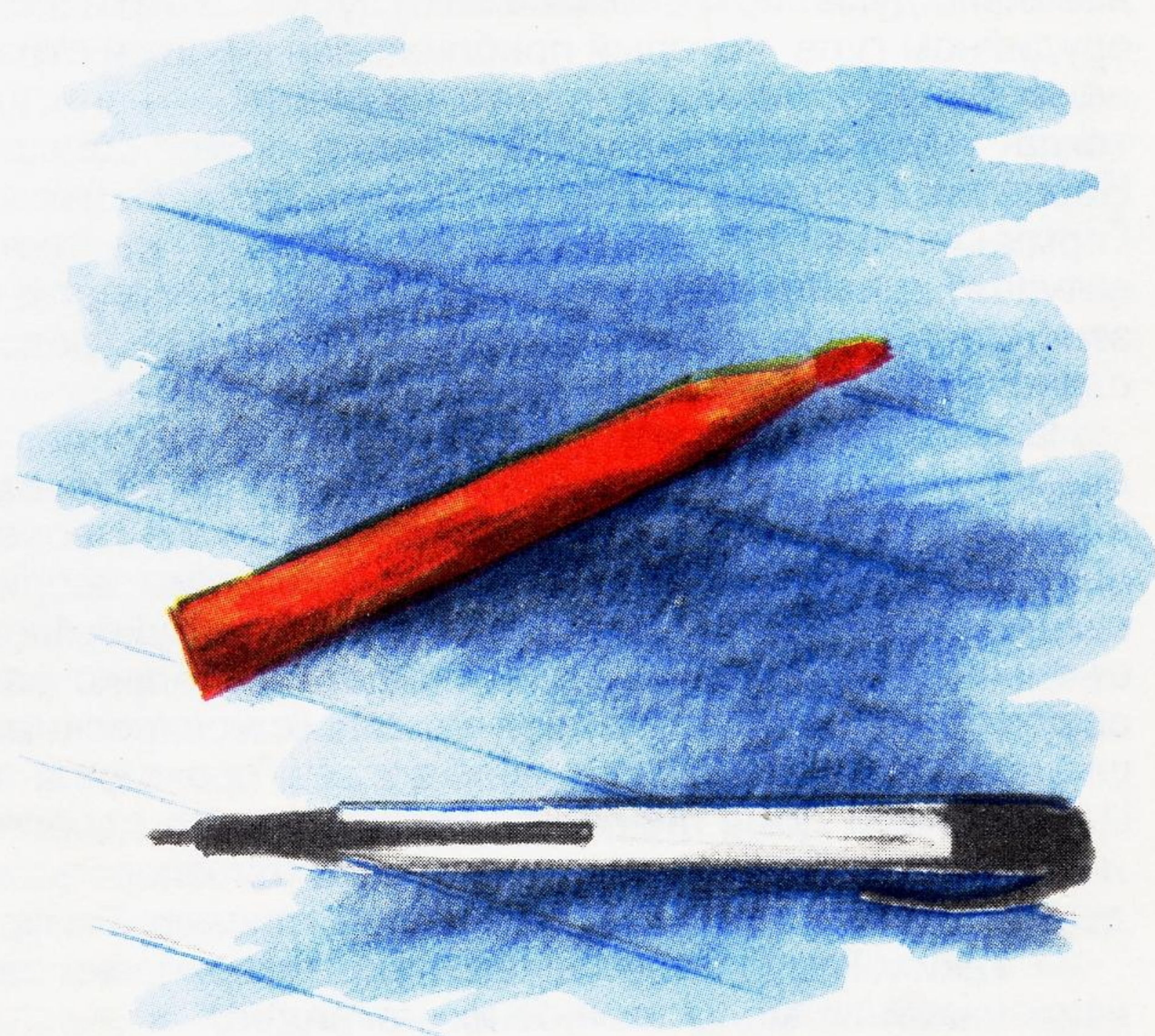
— Повторите...

Все повторили. И Али показалось, что на этот раз он произнес букву особенно громко.

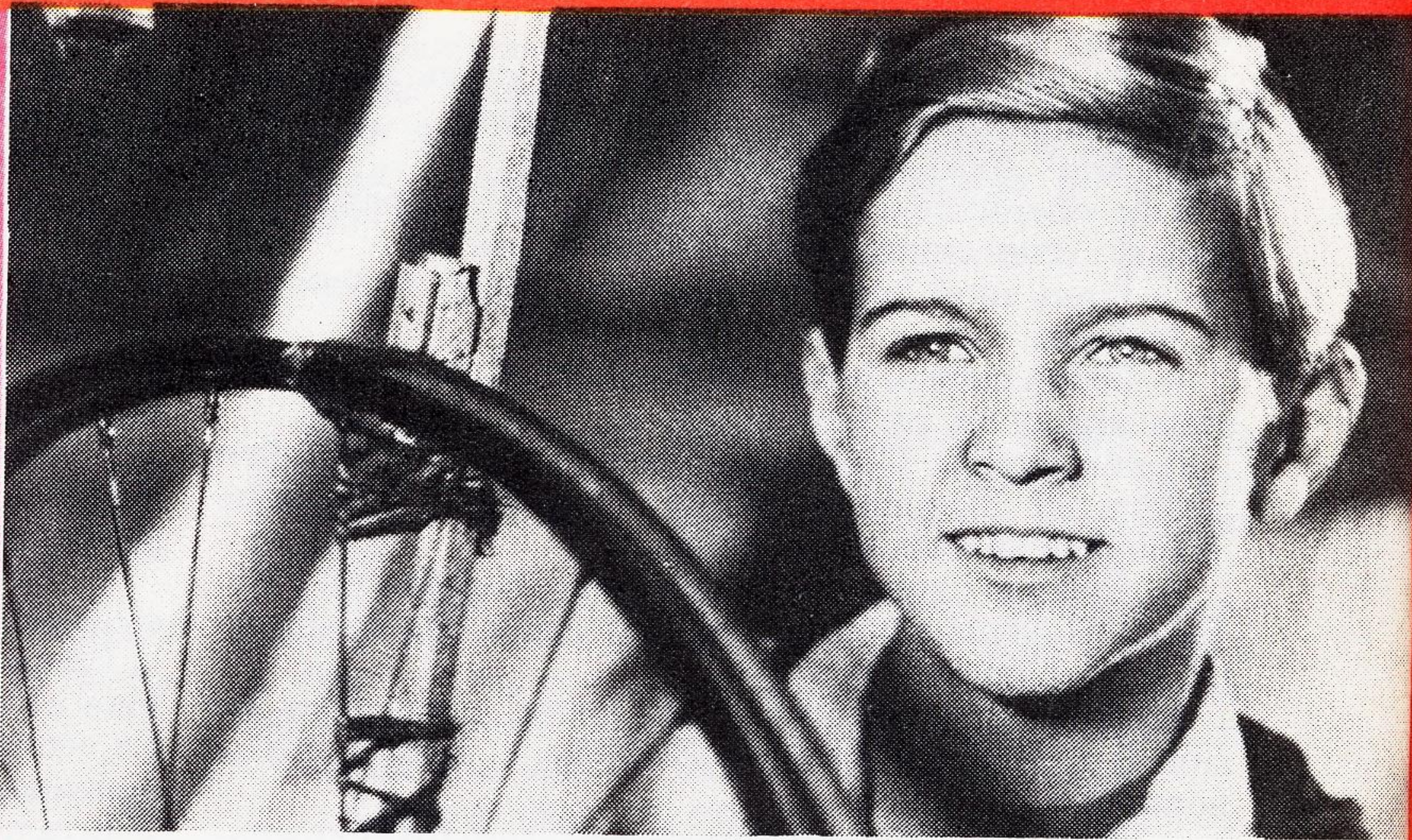
Потом учитель вызвал несколько человек к доске и велел им по очереди написать мелом «алеф» и «бэ». У некоторых это получилось очень смешно, зато другие написали довольно сносно. Однако учитель похвалил всех.

— Хорошо! Молодцы! — подбадривал он. — Но дома вы еще раз попробуйте написать «алеф» и «бэ». Вот так возьмите в руки карандаш и пишите. А у кого нет бумаги и карандаша, пишите на земле палочкой. Найдите палочку и пишите... Вот так...

И он снова начертил на доске еще одну букву.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Роль Тимура играл московский школьник Ливий Щипачев.

Владимир РАЗУМНЕВИЧ,
главный редактор Центральной киностудии
детских и юношеских фильмов имени М. Горького

Вскоре после первомайских торжеств в Куйбышевский обком комсомола позвонили из Москвы со студии «Союздетфильм» и сообщили, что в город выезжает большая группа артистов во главе с режиссером-постановщиком Александром Ефимовичем Разумным. Надо было встретить московских гостей и оказать им «товарищескую помощь в работе над полнометражной пионерской кинолентой по сценарию писателя-орденоносца Аркадия Гайдара».

Прошла неделя, другая, а москвичей все не было.

В Куйбышеве в тот предвоенный год в самый разгар мая, когда обычно во дворах и палисадниках буйно расцветала черемуха, неожиданно-негаданно ударили морозы. Возможно, эта «несъёмочная погода» и задержала артистов в Москве. Они приехали на Волгу, когда холода прекратились и как-то сразу, не дав разгуляться весне, наступило лето с короткими теплыми ливнями и гулкими раскатами грома.

Вслушиваясь в отдаленное громовое «эхо», люди невольно думали, тревожась за будущее, о страшном орудейном гуле, который приближался к нашей стране с Запада. «Война гремит на земле, — написал тогда в дневнике Аркадий Гайдар. — Нет больше Норвегии, Голландии, Дании, Люксембурга, Бельгии. Германцы наступают на Париж. Италия на днях вступает в войну». Спустя некоторое время рядом с этой тревожной записью появилась другая, радостная: «Разумный снимает картину на Волге»...

На волжском берегу только-только приступали к съемкам фильма о пионере Тимуре, еще не была написана книга о нем, а дети уже знали о существовании славного отважного мальчишки с таким непривычным именем. Задолго до выезда в Куйбышев съемочная группа и Аркадий Гайдар несколько раз обсуждали сценарий будущей картины с московскими школьниками. Одна из таких встреч проходила в Центральном Доме пионеров. Ребята горячо одобряли поступки Тимура. Но потом затеяли спор: каждый ли может стать таким, как он, пионер Тимур?

— Таких Тимуров не бывает! — категорически заявил какой-то мальчик. — Я их не видел.

Аркадий Петрович спокойно возразил:

— Может быть, и не бывает, многих не было, но они будут. Их будет больше, чем Квакиных. Мы должны смотреть, как должно быть, а не как есть... Здесь говорят, как это так Тимур завоевал авторитет, почему уважает его команда? Кто такой Квакин? Квакин лазит по чужим садам, огребает яблоки, курит, играет в карты. Вы слышали, чтобы с такими идеями шли на фронт? Можно с такой идеей создать сколоченную группу? Думаю, что нет. Тимур любит Красную Армию, для него красная звезда выше всего на свете. Он говорит слова команды, он слушает слова той команды, которую слушали в Красной Армии. То, что он мал, что он не дерется, — не беда. Странно думать, что силен тот, у кого сильнее кулаки. Это далеко не часто бывает. Возьмем командира Красной Армии. Он себе дорогу этим не пробьет. Он завоевал авторитет потому, что он безгранично предан одной идее, у него все устремлено к этому. Для этого не нужно быть «давай, жми, дави». Когда мне было пятнадцать лет, я командовал ротой. У меня в роте были люди с бородами, были люди плохого порядка, были люди, которые не хотели тебя слушать. Чем я мог их держать? Тем, что я твердо верил в то, что нужно было делать. И ценой этого я добивался того, что меня слушались. У Тимура одна идея — Красная Армия, и с этой идеей он ведет за собой других, и поэтому побеждает он, а не Квакин, так как воровать яблоки — это не идея и этим завлечь нельзя. Говорят о поступке, когда Тимур сбил замок, — это отрицательный факт, хотя он имеет свое оправдание, но Тимур не мог быть плохим, так как если у него было много недостатков, его не стали бы слушаться, так же и в Красной Армии слушаются того, кто держится образцом и примером для других. Я скажу только одно — идея Тимура ясна, она зовет вперед, и если Тимуров сейчас мало, то их будет много, а Квакины — если их много, то обязательно будет меньше.

Гайдар объяснил ребятам, что он для того и написал о Тимуре, чтобы таких пионеров стало больше.

К этому же стремился и режиссер Александр Разумный, работая над фильмом по гайдаровскому сценарию.

Писатель и режиссер были друзьями-едино-

На этой фотографии — вся съемочная группа фильма «Тимур и его команда».

мышленниками. Подружились они за два года до начала съемок «Тимура и его команды». Режиссер вспоминал: «Все началось с того, что для работы над сценарием ленинградского учителя Поташова «Личное дело» ... необходимо было привлечь квалифицированного литератора. Лев Кассиль, влюбленный в талант Гайдара, настоятельно рекомендовал его кандидатуру. Наша встреча с Гайдаром оказалась своего рода откровением. Этот упругий, лобастый человек в шинели словно излучал какие-то токи, вызывавшие у всех, особенно у детей, неодолимую симпатию к нему. Человек удивительно цельный, он был художником нежным и трепетным, обладавшим интуитивным провидением прекрасного».

После удачно снятого фильма режиссер снова обратился за помощью к Гайдару. Вот тогда-то и раскрыл писатель ему замысел своего нового сценария... То, что рассказал Аркадий Петрович, увлекло режиссера. И он настоял, чтобы писатель немедленно начал работать. Они вместе поехали в подмосковный дом отдыха «Болшево». Встречаясь с режиссером в часы вечерних прогулок, Гайдар пересказывал ему все то, что было написано за день, — он обладал удивительной способностью запоминать написанное слово в слово. Тщательно обсуждали каждый эпизод.

Долгое время никак не могли найти подходящего имени для главного персонажа. Называли то так, то эдак, но все это было не то. Однажды, устав от споров, Гайдар воскликнул:

— Назову-ка я его Тимуром! В честь моего сына...

Литературный сценарий, отправленный на студию «Союздетфильм», был назван «Тимур и его команда».

Предстояло подобрать для съемок подходящих ребят. В то время на роли подростков брали профессионалов. Режиссер А. Разумный не захотел приглашать на детские роли великовозрастных исполнителей: он считал, что детей должны играть дети.

Гайдаровские герои бескорыстно помогали людям, не боялись трудностей, всегда и во всем поступали по-пионерски. Значит (так считал не только режиссер, но и автор сценария Аркадий Гайдар), на роли Тимура и членов его команды следует позвать ребят по-настоящему инициативных, отличившихся в учении и пионерской работе.

— С вас двойной спрос, — внушал режиссер юным

исполнителям. — Отныне вы не просто пионеры-школьники. Вы еще и тимуровцы. На вас будут держать равнение другие. И жить вы теперь призваны одной дружной командой. Точно так, как живут тимуровцы в сценарии!

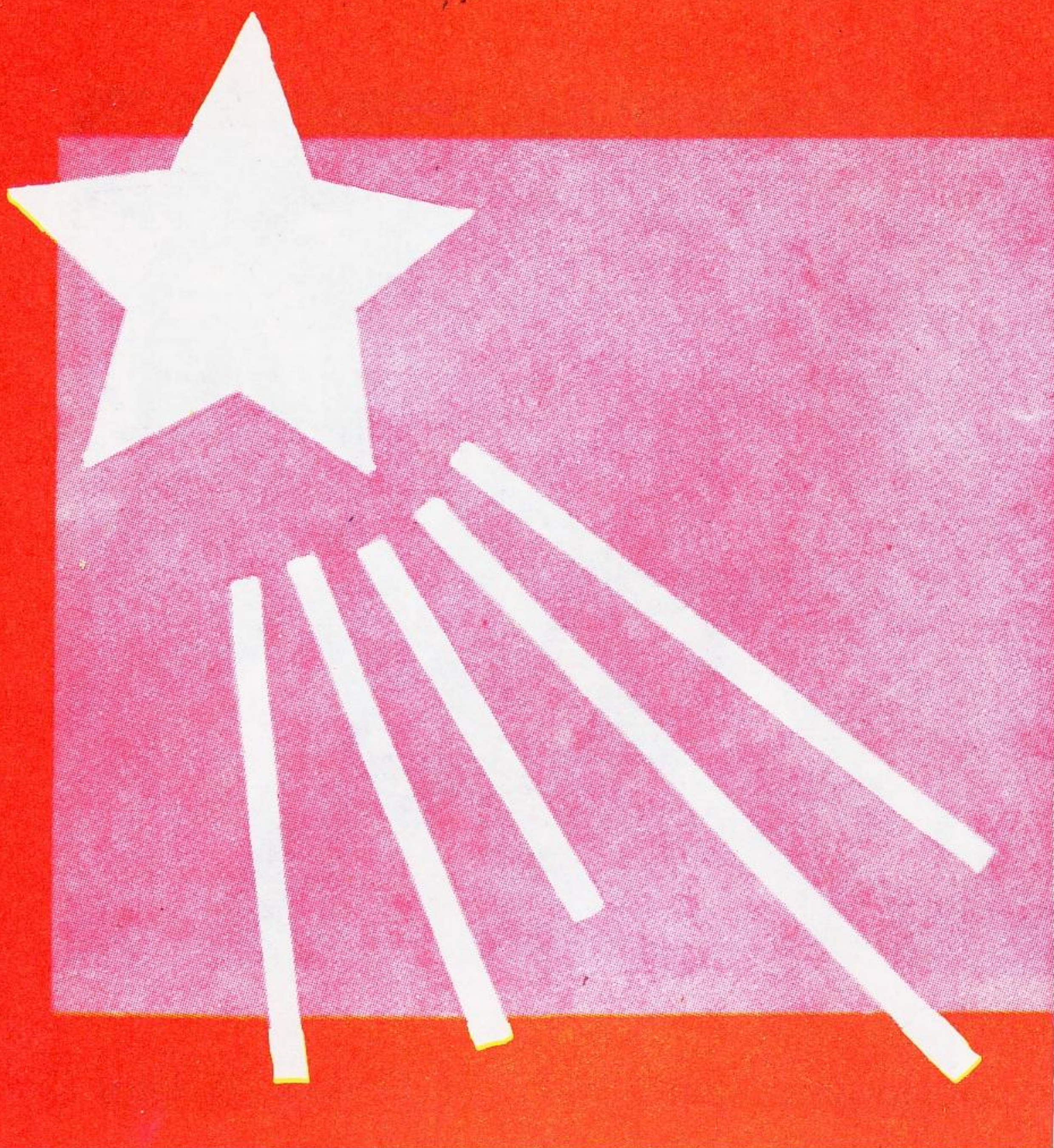
Когда из множества ребят были отобраны самые подходящие для съемок, Аркадий Гайдар захотел поговорить с ними в детской комнате «Союздетфильма». Дети расселись широким кругом прямо на полу, устланном коврами, и Гайдар сел вместе с ними. В центре круга по его совету устроили из березовых поленьев и алых лент что-то вроде пионерского костра — пусть ребята чувствуют себя легко и свободно, как на лужайке в лесу!

Аркадий Петрович улыбочиво смотрел на пионеров, а пионеры — все как один! — смотрели на него, своего любимого писателя. И тоже улыбались. Военная гимнастерка, сапоги, чуть запыленные в дороге, делали его похожим на боевого командира. Он им понравился с первого взгляда.

Режиссер произносил имена и фамилии каждого, кто пришел на «костер», и называл роль, которую предстояло тому сыграть. Ребята поднимались по очереди, один за другим. Писатель приветливо кивал и смотрел на ребят внимательно, с отеческой проницательностью.

Роль Тимура была поручена ясноглазому, русоволосому, застенчивому Ливию Щипачеву, сыну известного поэта. На роль тимуровца Гейки утвердили энергичного и рассудительного Колю Кутузова. Хулигана Квакина охотно согласился играть бесшабашный и смекалистый Боря Ясень. Все они еще ни разу не снимались в кино. А вот сестер Александровых, студентку Ольгу и школьницу Женьку, доверено было изображать на экране более опытными «актрисам» — ученицам средней школы Марине Ковалевой и Катюше Деревщицкой. Обе они с успехом снялись до этого на киностудии «Союздетфильм» — Марина у режиссера Якова Протазанова в фильме «Семиклассники», а Катюша — у Александра Разумного в его картине «Личное дело». Все им очень завидовали. Но девочки вели себя скромно.

Перед самым концом встречи у «костра» режиссер с писателем заговорили о том, где лучше всего снимать фильм. Гайдар посоветовал поехать в Поволжье, к Жигулям, — красивее и привольнее места

Катюша Деревщикова исполняла роль Жени Александровой.

не найти. Потом речь зашла о том, как должны выглядеть юные исполнители, во что их одеть и обуть. И тут Гайдар дал совет—исполнительницу роли Оли непременно обуть в сапожки на невысоких каблуках, а ее младшую сестру Женьку заставить ходить в обычных летних тапочках и с бантом в косичках. Режиссер согласился с писателем.

Когда актерская группа во главе с режиссером прибыла к месту своих основных натурных съемок, на волжском берегу был разбит настоящий пионерский лагерь. Юные члены съемочной бригады твердо решили: жить по законам тимуровской команды!

Четко распределили обязанности: кому когда дежурить, кому обед готовить, кому отвечать за дисциплину и порядок в лагере. Создали свою пионерскую агитбригаду. Не раз выезжали—по приглашению и без приглашения—в окрестные колхозы, выступали с концертами в сельских клубах и на полевых станах. Всюду ребят встречали аплодисментами.

Каждую неделю тимуровцы выпускали стенную газету. Писали обо всем хорошем, что случилось в экспедиции, клеймили неумех и нерадивых. Оформлял стенгазету Ливий. Художник он был что надо! Разумный нередко помогал ему. Случалось, они, режиссер и Ливий, вместе рисовали не только карикатуры в стенгазете, но и раскрашивали декорации, готовя их для съемок. Неутомимый Александр Ефимович всячески пытался расшевелить, воодушевить на доброе дело юного друга, который первое время держался несколько отчужденно, замкнуто и, казалось, стеснялся быть Тимуром, считал себя неподготовленным к столь ответственной роли.

Как-то, спускаясь по просеке к Волге, Александр Ефимович заметил нарисованную на калитке перед небольшим дачным участком алую звезду. От нее во все стороны разбегались лучи. Точно такую лучистую звезду Александр Ефимович видел на титульном листе рукописи, полученной из рук Гайдара. И вот еще одна звезда... Он осторожно притронулся к ней. На пальце остался след свежей масляной краски. Судя по всему, краска была та самая, которой вчера во время репетиции Ливий Щипачев рисовал на декорационной двери тимуровскую звезду.

Мимо проходил, размахивая портфелем, белобрысый парень. Александр Ефимович спросил, не знает ли он случаев, чья это дача. И тот ответил:

— Как не знать! Наша учительница здесь живет. Антонина Петровна. У нее муж недавно погиб на фронте. Белофинны убили. Слышал, ночью кто-то на огород к ней забрался и всю траву в огуречных грядках повыдергал. Прополол, значит. И вот что удивительно—ни одного огурца не тронул. Таинственная история.

— И не такое в жизни случается!—многозначительно улыбнулся парню Александр Ефимович. Уж он-то знал, чьи это «проделки».

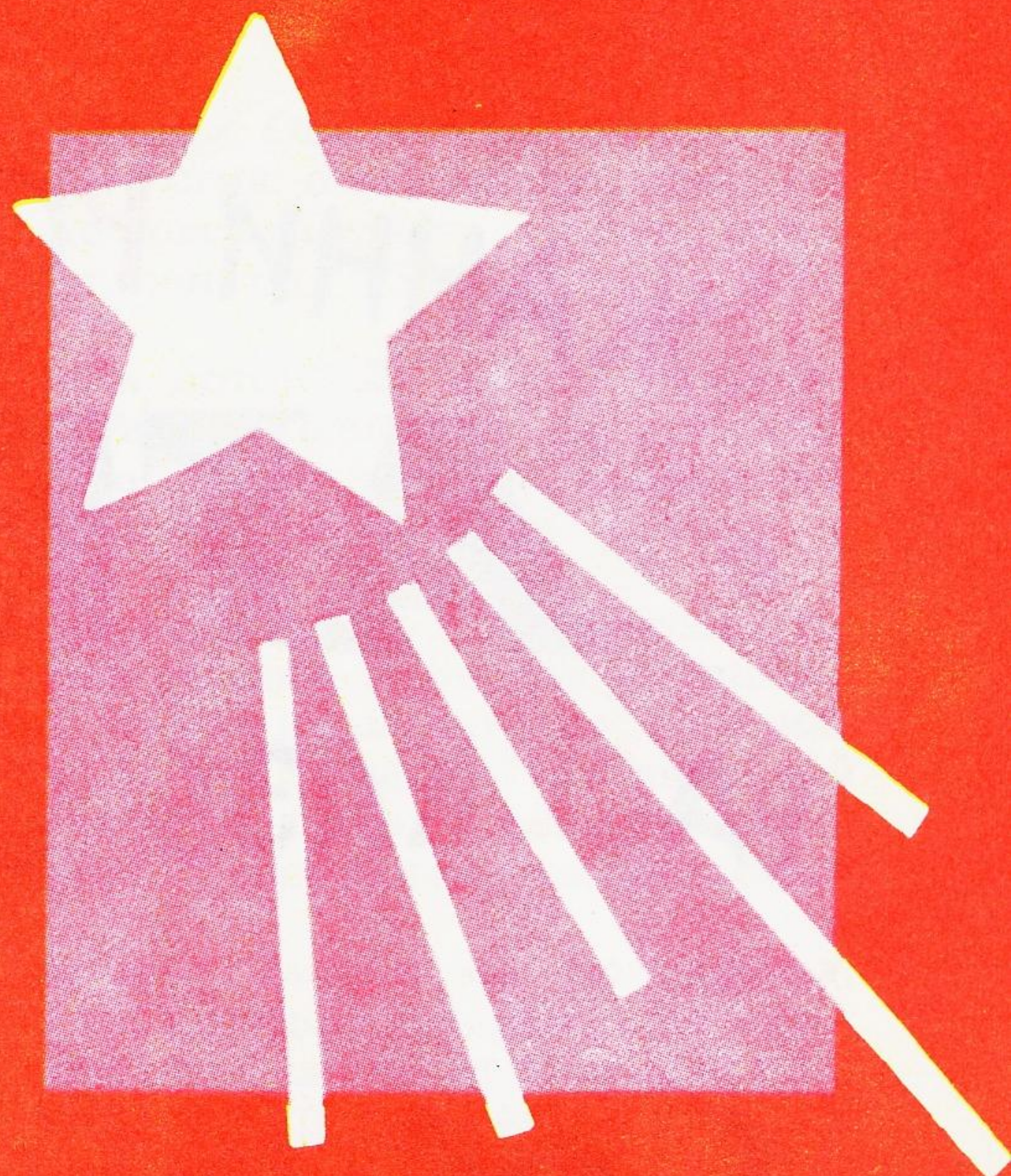
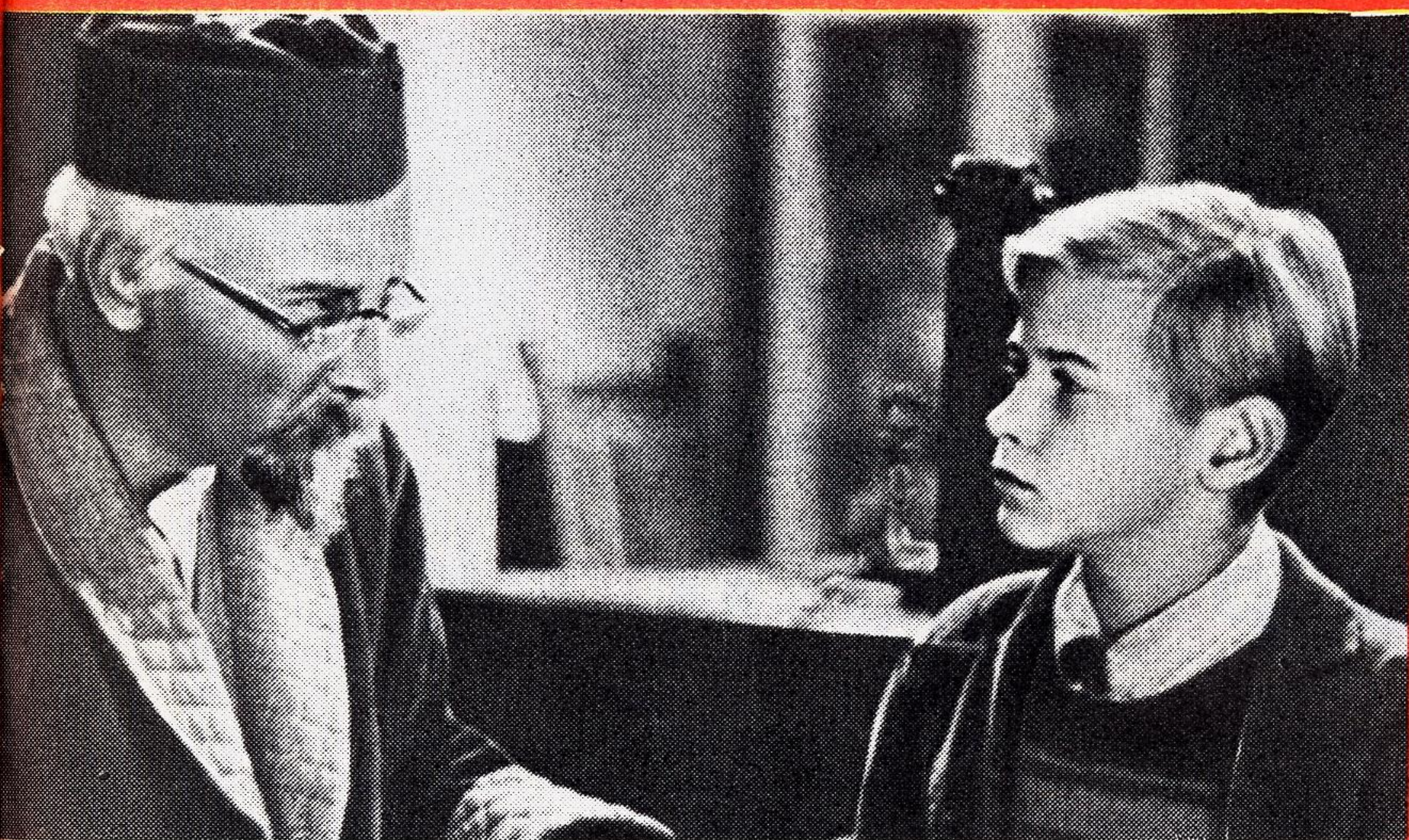
От дачи к себе на съемочную площадку режиссер возвращался в приподнятом настроении. Пожалуй, лишь только теперь он по-настоящему осознал, какое большое, благородное дело затеяли они с Гайдаром, и впервые поверил в успех этого дела, в успех будущего фильма...

Мальчишки из съемочной группы каким-то образом разузнали, что в детском доме на берегу Волги живут дети испанских республиканцев. Советский Союз первым протянул руку дружбы испанским революционерам. В интернациональных бригадах Испании отважно сражались и наши люди. Спасая испанских детей от голода и смерти, от произвола фашистской диктатуры, Страна Советов по-отечески приласкала малышей.

На здании детского дома на Волге появилась тимуровская звезда. Каждый вечер, как только кончались съемки, тимуровцы спешили к своим друзьям. Сколько было спето советских и испанских песен, сколько интересного рассказали ребята друг другу, сколько забавных игр и национальных танцев разучили! Затухала боль разлуки, развеивались печальные мысли...

Фильм снимался о команде ребят смелых и ловких. И режиссер добивался, чтобы и дети, игравшие тимуровцев, ни в чем не уступали гайдаровским героям.

Для Ливия Щипачева специально подобрали такую одежду и обувь, в которой он выглядел бы внушительней и солидней. Но разве в этом спасение?! Надо было серьезнее заняться его физическим воспитанием. И Александр Ефимович пригласил в съемочную группу опытного тренера... Тимур отменно водил мотоцикл—и Ливий добился получения права на вождение машины. Тимуров труд не составляло взобраться на высокое дерево, прыгнуть с чердака на

В кадре — Тимур и доктор Колокольчиков (артист Л. Потемкин).

землю — и Ливий вскоре безбоязненно проделывал все это. Тимур отменно нырял и плавал — и Ливий, не умевший прежде плавать, с помощью тренера научился. Не узнать стало Ливия — настоящий Тимур!

Еще месяц назад Марина Ковалева назвала его язвительно «маменькиным сынком», а насмешница Катюша Деревщикова то и дело подначивала: «Как дела, бледнолицый домашний мальчик?» А теперь его не узнать. Возмужал и повзрослел вожак пионерской команды. Ребята, не принимавшие его в первые дни съемок, изменили свое отношение к Ливию. У Катюши Деревщиковой язык не поворачивался дразнить его. А после того, как он однажды с ветерком прокатил ее на мотоцикле по лесной дороге, Катюша всем встречным-поперечным рассказывала, какой он умелый и ловкий парень. Вся съемочная группа его так и звала — «наш Тимур».

В конце лета москвичи погрузили в вагоны декорации и аппаратуру и отбыли в столицу, на родную свою киностудию «Союздетфильм». В Куйбышеве они оставили о себе самые добрые воспоминания.

«Отсняв натуру на Волге, — пишет режиссер Александр Разумный, — приступили к отбору материала. Аркадий Петрович сразу же включился в съемочную группу как друг, как равный среди равных. Кстати, это помогло сплотить исключительно дружный коллектив. Ребята его прямо-таки боготворили и бывали безумно рады, когда во время павильонных съемок рядом с ними был Гайдар. Если молодому «актеру» не удавался диалог, то Гайдар стремился подправить его на ходу. Если же изменения не считал возможными, то произносил диалог с партнером сам. Дальше ребята говорили по-гайдаровски, уловив и его интонации и предложенную им смысловую акцентировку».

Помогая киностудии точно в срок выпустить фильм на экран, Аркадий Гайдар не переставал увлеченно работать над повестью «Тимур и его команда». Основой повести стал сценарий, опубликованный на страницах журнала «Пионер» в то самое время, когда на Волге завершались съемки кинокартины.

Гайдар радовался выходу фильма. Значит, его любимого Тимура смогут увидеть миллионы юных зрителей. Посмотрев фильм, они захотят, вероятно, прочесть и книгу о Тимуре. Надо было спешить. Тем более что становилось, как отметил Гайдар в днев-

нике, «тревожно на земле, и добром дело, видать, не кончится».

В конце года в кинотеатрах состоялась премьера фильма «Тимур и его команда». Гайдар с волнением ждал, что скажет зритель, что напишут о фильме газетчики. Сразу же почти во всех столичных газетах появились отклики на гайдаровского «Тимура».

Лев Кассиль писал в «Правде»: «Писатель Аркадий Гайдар создал превосходный сценарий для кино. И, заметьте, — сценарий, а не переделку своей книги для кино (повесть «Тимур и его команда» была написана уже после на основе законченного сценария)... Это прелестная, романтическая история о мальчишке Тимуре, маленьком патриоте и пионере, который собрал вокруг себя таких же маленьких патриотов и организовал их в команду, берущую под свое покровительство семьи красноармейцев и командиров, уехавших на фронт. Так возникла прекрасная игра, полная таинственных благодеяний, секретных знаков и сигналов, рыцарского служения мальчишескому идеалу. «Тимур и его команда» — радостная удача Гайдара. За всем, что делают его маленькие герои, ощущается вдохновенная серьезность, благодаря которой в Тимуре, в его маленьких соратниках, в спорщице Жене обнаруживаются глубокие и ясные черты граждан нового советского общества».

Е. Журбина отмечала в газете «Известия»: «Ребята уже играют в «Тимура», придумывая новые и новые эпизоды, продолжая его приключения. Тимур наделен реальными чертами подростков своего времени. Но он заслуживает особого внимания. В нем нет ничего обыденного. Он такой, каким хочется быть им самим».

Как отнесся к рецензиям Аркадий Гайдар? В последний день 1940 года он оставил в дневнике радостную запись: «Москва. Все идет хорошо. Меня опять берут на военный учет. О «Тимуре» много хороших статей, в том числе и в «Правде»...»

Да, давно все это было. Сорок пять лет назад. За несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны. В лихую годину фашистского нашествия гайдаровский Тимур сошел с экрана в пионерскую жизнь, позвал за собой миллионы ребят помогать Красной Армии.

Тимур и ныне шагает в первом ряду пионерского строя.

ДЖАННИ РОДАРИ

АГЕНТ Х.99, или

РАССКАЗЫ СМОТРИТЕЛЯ МАЯКА

БОГ ОГНЯ

Правда ли, что во время одного из моих космических путешествий на одной из далеких, диких планет я выдал себя за бога огня? Нет, синьор журналист, не правда. Я не люблю обманывать людей, даже если речь идет об этих обезьянах с шестью конечностями. О моих исследованиях придумывают столько бредней. Я никогда не был приятелем Дона Паука по той простой причине, что никогда с ним не встречался, да и вообще вряд ли он существует. Я никогда не был Королем народа Кенгуру: кроме всего прочего, они бы этого никогда не потерпели, так как всегда были и остаются до сих пор стойкими республиканцами.

Вы хотели узнать об этом деле с огнем. Я удовлетворю ваше любопытство, но вы должны твердо мне обещать, что ничего не добавите от себя к моему рассказу, договорились?

Итак, в то время я был кем-то вроде смотрителя радиомаяка на астероиде Х.99, на этом скалистом шарике, на котором солнце вставало и заходило двадцать раз за двадцать четыре часа. Да, именно поэтому я известен как агент Х.99. От научного названия астероида. Как видите, ничего таинственного в этом нет. Как и в том, что я даже держал там свою козочку. Я очень люблю козье молоко, и тут уж ничего не поделаешь. Один раз в месяц мне вместе с необходимыми запасами присылали охапку свежей травы. До меня никто не соглашался жить отшельником на каком-то астероиде для обеспечения слаженной работы этого опорного пункта для Объединенной компании космических путешествий. Я поэтому мог, конечно, поставить свои условия. Но у меня было лишь одно: свежая трава для моей Ренаты.

Да, синьор, Ренаты — так зовут мою козочку. Вон она стоит забальзамированная посередине комнаты. Она и теперь разделяет мою компанию, теперь, когда я стар и больше не бываю на астероидах и планетах.

В тот раз я получил с Земли распоряжение отправиться на планету Миров, чтобы осмотреть какую-то автоматическую установку электромагнитного детектирования, которая была отправлена туда десять лет назад и начала барахлить. На Миров, как известно, обитали только обезьяны, однако они были отнюдь не миролюбивы и при этом страшно далеки от любой формы проявления человеческого разума. Но, как считали на Земле, для хорошо

тренированного и должным образом вооруженного космического агента они не представляли ровно никакой опасности. Но я не имел при себе оружия, дорогие мои синьоры. Я имел при себе лишь Ренату для того, чтобы приготовить себе любимое блюдо из козьего молока.

Я проверяю свой маленький разведывательный звездолет, совершаю перелет, осматриваю устройство, находящееся в горах на берегу озера с зеленоватой водой. Тем временем Рената обгладывает ветки и прыгает с места на место. Кажется, она вне себя от радости после стольких месяцев пребывания среди голых камней на Х.99. Она убегает от меня, но я не беспокоюсь. Но вот наступает время возвращения назад, а ее нигде нет. «Может, она зашла в тот лесок», — подумал я и отправился на поиски. Да разразит меня гром, я тут же увидел ее: неподалеку на лужайке она спокойно позволяет доить себя двум огромным обезьянам. Дюжина их сородичей наблюдает за ними. Заметив меня, они начинают суетиться, но не выказывают никаких признаков страха и, судя по всему, вовсе не намерены спасаться бегством.

А эти две особы как ни в чем не бывало пьют предназначенное для меня молоко! Такая картина настолько меня развлекает, что я даже не в силах дать волю своему гневу. Я отправляю в рот сигарету, достаю зажигалку и — чик! Да, это была зажигалка. Увидев язычок пламени, обезьяны, объятые невыразимым страхом, одна за другой повалились на землю. «Очевидно, — подумал я, — они приняли меня за бога огня». Но я тут же себя поправляю. Разве видел я когда-нибудь, чтобы обезьяны вели себя подобным образом? В их жестах поклонения уже явно просматривался переход от животного состояния к состоянию человеческому. Искорка разума уже загорелась в этих головах, которые ритмически раскачиваются из стороны в сторону, а из глоток между тем вырываются протяжные завывания, отдаленно напоминающие песню.

Я предаюсь долгим размышлениям о том, какое же сообщение обо всем увиденном я должен составить и отправить на Землю. Наконец, вспоминаю, что пора возвращаться, подзываю Ренату и направляюсь к своему звездолету. Обезьяны следуют за мной ползком, но не теряют меня из виду. И вот все они устраиваются на булыжниках на берегу озера и сидят, нахохлившись, как колдуны. Да, синьоры, я, конечно, мог бы еще позабавиться, если бы захотел. Но мне пришла в голову другая мысль. Я беру два камня и начинаю сильно ударять ими один о другой. Ко мне подходит обезьяна, я вкладываю ей в руки камни и заставляю повторить свой жест.

Делаю это вместе со всеми обезьянами. «Работайте, работайте!» — громко требую я. «Бейте сильнее!» Они стараются изо всех сил, хотя и понятия не имеют, для чего это им нужно. То там, то здесь из камней вылетают искры. Испуганные обезьяны бросают камни на землю, но я снова вкладываю их им в руки и заставляю ударять ими друг о друга. Наконец, в самой глубине группы я замечаю одну маленькую обезьянку, которая, кажется, ухватила идею. Она ударяет камень о камень (кажется, мне повезло, они поняли мои жесты), высекает искру и замирает в полном изумлении и не испытывает при этом никакого страха. Смотрит на меня. «Браво! — подбадриваю я ее. — Вот ты и научилась!» Обезьяны уже не просто ударяют камень о камень, но ударяют их с целью высечь из них искру. Теперь они все понимают. Вначале это поняли их руки и передали соответствующий сигнал мозгу. А мозг воспринял идею. Обезьяны становятся на ноги и бурно выражают свой восторг. Одна из них выходит вперед, поворачивается к своим товарищам, выбивает из камней каскад ярких искр и испускает

гордые, победные вопли. Она уже забыла про мою зажигалку, про бога огня, о поклонении огню, все то, что знала еще совсем недавно... Теперь она — изобретатель огня, понятно? «За работу! За работу!» — кричу я.

Что же сделал я потом? Да ничего. Я улетел прочь. Иногда достаточно одного урока. В остальном я полностью полагался на сигнальный поток, установившийся между их руками и мозгом.

Вот и все. Как видите, ничего таинственного. Но почему вы не хотите отведать этого замечательного жаркого из дичи? Оно не вызывает у вас доверия? Посмотрите, я только что извлек его из консервной банки. Это известные консервы с планеты Миро, которые по достоинству оценены во всех обитаемых мирах.

Кто их производит? Да они же, мои друзья, мирояне. Они на этом специализируются. За пятьдесят лет они совершили скачок от открытия огня до организации пищевой промышленности. Ведь с шестью руками, если уметь их правильно употре-

*Но мне пришла в голову другая мысль.
Я беру два камня и начинаю сильно ударять ими один о другой.*

бить, можно идти значительно быстрее, чем с двумя. Что вы говорите? Нельзя ходить руками? Ну тогда извините, вы очень мало поняли из всей этой истории.

ДЕРЕВЬЯ- -НЕ УБИЙЦЫ

Однажды меня направили на Парко — маленькую, таинственную, покрытую растительностью планету, открытую индийской экспедицией в первой половине двадцать первого века, — лишь только для того, чтобы забрать тело одного бразильско-

го исследователя, которого бросили товарищи, спасаясь оттуда бегством. Это они — как вы, возможно, об этом помните, так как именно ваша газета опубликовала всю эту историю, — распространили слухи, что на Парко обитают деревья-убийцы. От того астероида X.99, где, как вам уже известно, я жил в одиночестве со своей козочкой Ренатой в качестве смотрителя радиомаяка, эта планета находилась в двух неделях перелета. Такое задание для меня, конечно, было простым развлечением, если не принимать во внимание участь погибшего. А в деревья-убийцы я не верил.

Я должен, однако, признать, что не все в этих деревьях вызывало полное удовольствие у посетителя. Например, их движения. В тот день, когда я туда прибыл, не было ветра. Даже слабенького бриза. Воздух был свеж и недвижим. И все же их ветви качались. Одна ветка раскачивалась здесь, другая там, третья за моей спиной, причем с таким хрустом, что я поневоле все время оглядывался. Вы

Я прожестикнул руками такое послание: «Люди и деревья — друзья».

понимаете? Раскачивалась не вся крона деревьев, а лишь одна-две ветки, как будто их кто-то подталкивал. И таких раскачиваний и движений я замечал все больше и больше по мере того, как углублялся и направлялся к тому месту, где мне предстояло обнаружить труп несчастного исследователя, который, по словам его коллег по экспедиции, был убит... деревом. Ударами его ветвей по голове. То есть, можно сказать, оно поколотило его палками. Как будто какое-то свирепое существо вселилось в это дерево и размахивало его ветвями, словно дубинками.

Рената молча шла за мной, выражая некоторое беспокойство. Странно, но она не останавливалась, как обычно, то здесь, то там, чтобы пощипать травку нежно-зеленого цвета, все еще мокрую от росы, или сорвать один-другой листик с кустарника. Но еще более странные вещи начались потом. Когда вы бываете в лесу, можете ли вы противиться соблазну и не вырезать себе палку из первой попавшей под руку ветки? Я лично не могу, даже на планете Парко. Только я протянул руку к облюбованной мной ветке и хотел было сделать первый надрез, как Рената вдруг так толкнула меня, что я отлетел довольно далеко и сразу же почувствовал всю силу ее маленьких рожек.

— Ты это что! — протестующе воскликнул я. Рената, естественно, на мой вопрос не ответила.

Она что-то разглядывала. Это и оказался погибший исследователь. Мне ничего не оставалось, как поместить печальные останки в гигиенический мешок. Вся операция заняла несколько минут, во время которых я почувствовал над своей головой какое-то лихорадочное движение ветвей, какое-то шумное и необъяснимое волнение. Как я уже сказал, ветра не было.

На обратной дороге к звездолету я часто останавливался и снимал на киноплентку лес, который отличался редкой красотой. Да что там рассказывать. Вы в этом и сами можете убедиться. Вот катушка с пленкой. Садитесь на диван, оттуда лучше видно...

Ну, видели? Что же вы поняли из всего этого представления? Несомненно, есть что-то странное в этих движениях, но что именно, а? То же чувство смутения охватывало и меня десятки раз. Я часто прокручивал этот фильм и смотрел на все происходящее как замороженный. И ничего не мог понять. Любопытство мое росло с каждым разом, я испытывал какое-то странное возбуждение, какое-то необъяснимое беспокойство. Но так ничего и не мог понять.

Однажды на мой астероид прибыл профессор де Муаро. Да, тот самый замечательный лингвист. Я не знаю, летел ли он куда-нибудь или же возвращался на Землю, но у него что-то случилось с передатчиком и он, конечно, знал, что у меня можно получить необходимые запчасти. В то время, как механики занимались вышедшей из строя рацией, я показал профессору некоторые из моих фильмов, снятых во время космических странствий. Среди них случайно оказался и фильм о странных деревьях на Парко. Во время демонстрации он буквально подпрыгивал на стуле от возбуждения, можете мне поверить на слово. Он совершал прыжки под стать самой Ренате. Он потребовал прокрутить фильм десять раз подряд. А тем временем что-то лихорадочно записывал, нервно вносил в тетрадь какие-то замысловатые каракули, странно жестикулировал руками, что-то рисовал, стирал и снова принимался рисовать.

— Но вы сами-то понимаете, — наконец, закричал он, — какое вы сделали открытие?

— Я открыл нервные деревья, — попробовал я пошутить.

— Не нервные, а говорящие! — поправил меня профессор. — Говорящие деревья. Они изъясняются с помощью жестов, своими ветвями. Явление неречевого общения абсолютно экстраординарного характера... Смотрите и будьте как можно внимательнее. Ну-ка, прокрутите фильм сначала.

Я повиновался. И он — да разрази меня гром — каждый раз, когда ветка начинала раскачиваться... он начинал свой перевод.

— Они говорят, что вы — друг, так как забираете отсюда врага, что Рената — очень симпатичная козочка, так как не убивает траву... что враг убил ветку, чтобы вырезать из нее палку... что вы уйдете отсюда, не обидев деревья...

— Послушайте, — спросил я профессора, — а вы уверены, что это не ваша фантазия?

Мне, конечно, не следовало этого говорить. В результате он остался еще на три дня на астероиде и все это время заставлял меня изучать жесты этих деревьев с планеты Парко, двигал руками, размахивал ими, как будто они тоже были ветвями деревьев. В конце концов я изучил то, что, по его словам, было алфавитом планеты Парко. Моему терпению подошел конец. Техники звездолета, наблюдая за тем, как мы размахиваем руками, словно палками, с утра до позднего вечера, немало над нами посмеялись. Как я был счастлив, когда они улетели. Еще раз уже из-за иллюминатора профессор де Муаро обнял себя в знак прощания со мной. Я ограничился тем, что послал ему привет рукой по нашему старинному обычаю.

Знаете, вскоре профессор возглавил экспедицию на планету Парко и возвратился оттуда с целым словарем языка деревьев. Он не мог знать, как не мог знать никто другой, что первым человеком, который заговорил с деревьями планеты Парко, был я. Я об этом никому раньше не сообщал. Эту историю я никак не мог забыть. Она не давала мне спать по ночам. Однажды, когда я пролетал в непосредственной близости от планеты Парко, какой-то неукротимый импульс заставил меня сесть на этой планете. Я дошел до самой границы леса. Деревья были абсолютно неподвижными. Я быстро пробежал в памяти уроки профессора де Муаро, и, решившись освободиться от навязчивой мысли, руками прожестикулировал такое послание: «Люди и деревья — друзья».

Через мгновение ветви пришли в движение, и в их раскачивании я с удовольствием прочитал ответ: «И Рената — наш друг».

КОСМИЧЕСКИЕ ПАУКИ

Да, я хорошо помню тот год, когда всех охватил великий страх из-за пауков, так называемых космических пауков. Я это хорошо помню, так как именно в этот год моя козочка Рената стала давать зеленое молоко. Но это произошло не из-за пауков. Это — совсем другая история, и я расскажу ее вам как-нибудь в другой раз. Я говорю о том страхе, который охватил всю солнечную систему, когда вначале один, за ним другой, а потом и третий

И вдруг я замечаю: там за бортом какой-то предмет вроде бутылки... Записка?

звездолет исчезли без следа, не проделав и половины своего путешествия, исчезли, как по мановению волшебной палочки. Только что они находились в радиоконтакте с Землей, с Сатурном или с моим радиомаяком на астероиде X.99,—и вот, через мгновение, без всякого предупреждения, обрывается связь, корабль исчезает. Нет, это наблюдалось не на всех маршрутах — звездолеты исчезали только на пути к Альдебаран Дью. И пропадали, не сообщив ничего о причине, не уведомив об этом ни один вахтовый крейсер.

Какой шум по этому поводу подняли газеты на всех языках мира! Факты были более кричащими, чем сами заголовки. В те времена космические сообщения уже были достаточно надежными. По крайней мере люди уже пятьдесят лет путешествовали без всякого риска по всей зоне нашей Галактики. И вот вдруг — целая серия неожиданных катастроф...

Но настоящий, истинный страх охватил всех, когда известный профессор доказал, что астронавты попали в какую-то огромную магнитную ловушку. «Это что-то наподобие бескрайней паутины,— говорил он,— в двести или триста миллионов квадратных километров».

Всех поразило слово «паутина». Если существует «паутина», то должны быть, следовательно, и пауки. Что же это за космические пауки, которые за звездами ткнут свои сети, чтобы захватить в них наши гигантские и горделивые космические корабли? Стали появляться самые невероятные гипотезы. Один пожилой исследователь космических про-

странств припомнил, что во время своих полетов он слышал рассказ о мире, в котором обитали наделенные разумом пауки, славно мастерившие электронные сети. И что эти пауки достигли такого прогресса, что помышляли даже о завоевании космоса... Их вел вперед какой-то предводитель Млечного Пути, объявивший, что эра пауков должна прийти на смену эре людей...

В один прекрасный день пропавшие космические корабли вновь появились столь же неожиданно, как и исчезли, и как ни в чем ни бывало продолжили свой путь к месту назначения. Командиры не могли дать никакого вразумительного объяснения своего отсутствия. По их мнению, полет протекал, как всегда, нормально. Ничего страшного не произошло. «Но как же объяснить, что все эти дни от вас не было никаких известий?» «Какие такие дни?» — спрашивали они в недоумении. Стало ясно, что в их счете времени образовалась какая-то дыра, произошел какой-то разрыв. Возможно, они, не отдавая в том себе отчета, проскользнули в другую Галактику, в иное время.

Действительно, какой-то ребус. Профессор продолжал утверждать, что паутина все еще существует. Проходит двадцать четыре часа, и он вдруг объявляет, что ее больше нет. «Ее сняли,— объясняет он,— как снимают белье с веревки, когда оно уже высохло». Нет, просто голова идет кругом.

В любом случае, прежде чем вновь разрешить маршрут на Альдебаран Дью, кто-то должен отправиться туда и посмотреть, что же в действительности произошло. Этот жребий выпадает мне. И что,

думаете, я испугался? Не очень. После того, как кто-то, неведомо кто, возвратил корабли на прежний маршрут, думал я, вряд ли следует подозревать дурные намерения. Однако с неизвестностью не шутят. Некоторая стайка мурашек все же пробежала по моей спине.

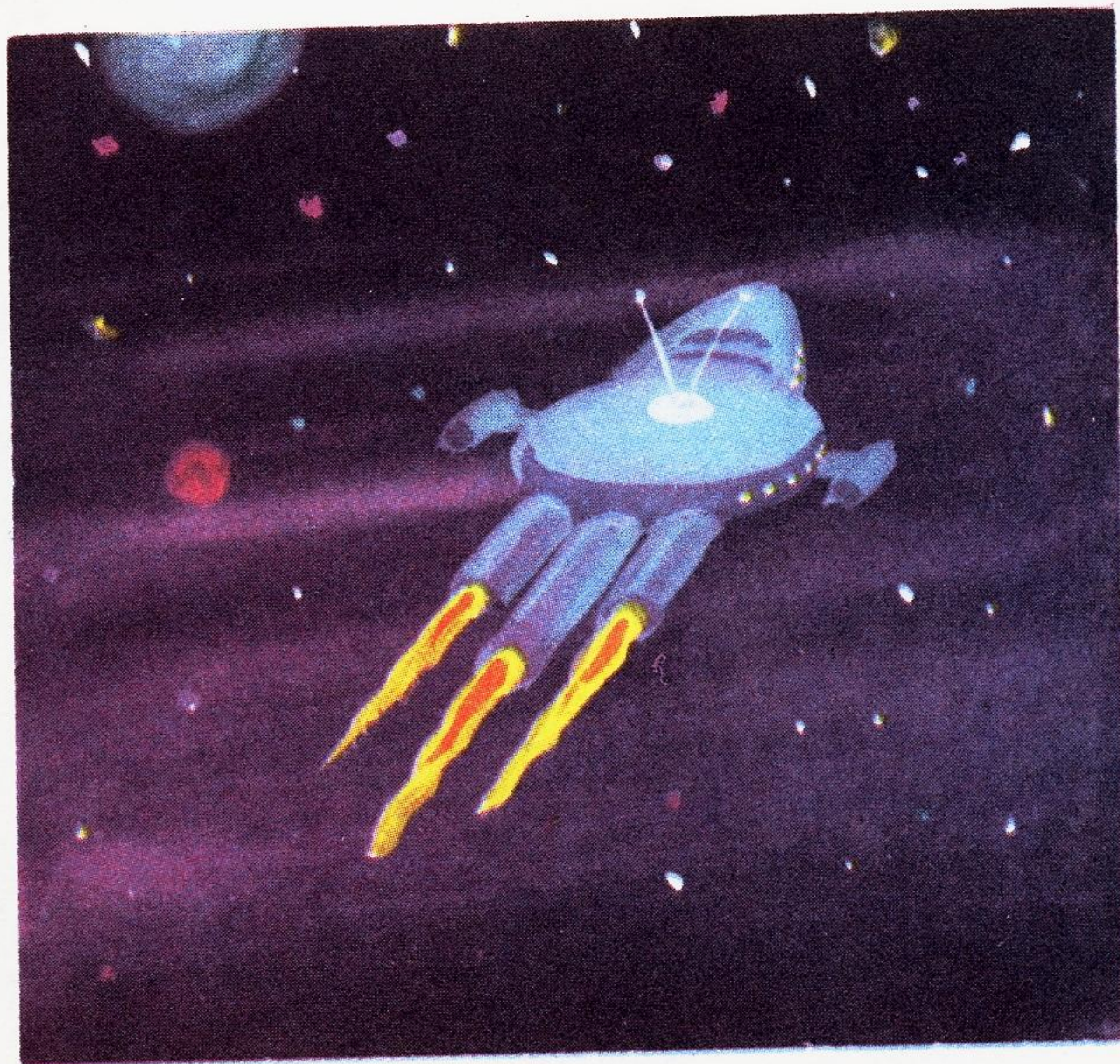
Отправляюсь в путь. Через пару недель появляюсь в зоне бывшей паутины, обследую ее вдоль и поперек. Кроме безграничного сияющего звездами пространства, смотреть буквально не на что. Передаю на Землю свои наблюдения, принимаю распоряжение возвращаться домой, и в этот момент что-то толкает мой корабль. Мягкий, настойчивый толчок. Как будто какой-то незнакомец стучит в дверь. И вдруг я замечаю: там, за бортом какой-то предмет вроде бутылки... Записка? Или кто-то пошутил? Или, может, ненужная посуда, которую выбросил неряшливый космонавт?

Стоит ли долго распространяться? Вам эта история хорошо известна. А записка, которую я нашел в бутылке, лежит вот здесь, на подоконнике, я сохранил ее на память. Но, по правде говоря, не знаю, на каком языке она написана. Однако ученые смогли ее расшифровать. Вот перед вами перевод: «Уважаемые галактияне, просим извинить за беспокойство. Мы, двое обитателей соседней Вселенной, ужасно любим игру под названием «морской бой». Не помышляя ни о чем дурном, мы избрали для игры зону вашего космического пространства, которое мы считали необитаемым, но через него, как оказалось, пролегли ваши космические маршруты. Некоторые наши попадания по кораблям заставили их отклониться от заданного курса в сторону нашей Галактики. Мы, узнав обо всем, постарались отправить их на прежнее место и разграфить на электронные клеточки другой космический мир. Синьор учитель сильно нас за это выругал и в наказание заставил сто раз написать в тетрадку фразу: «Нужно с уважением относиться к соседним Вселенным». Наше почтение». Подпись: «Юляй — восемь лет; Пьерай — семь лет».

Бутылка хранится в межгалактическом центре исследований. Вот уже на протяжении десятилетий ее изучают ученые, но держат в большом секрете, удалось ли им что-либо открыть.

Перевел с итальянского
Л. КАНЕВСКИЙ.

Рисунки В. ДУДКИНА.

В кают-компании
«Кораблика»

Тревога! Плагиат!

Боцман: Прошу внимания! Предлагаю взять на борт стихотворение мальчика из Воронежа. Уверен, даже капитан не будет возражать мне. Читайте, юнга.

Юнга: Чародейкою Зимою
Околдован лес стоит.

Боцман, я знаю это стихотворение...

Боцман: Вам часто кажется, что вы знаете слишком много. Но это не так, юнга. Пожалуйста, читайте дальше.

Юнга: И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

Капитан: Ваше предложение, боцман, категорически отклоняю и объявляю тревогу!

Боцман: Что случилось, уважаемый капитан? Мы идем ко дну?

Капитан: Почти, боцман. Вы предлагаете взять на борт стихотворение Тютчева, поэта XIX века.

Боцман: Вы ошибаетесь, капитан. Стихотворение нам прислал ученик шестого класса. Вот письмо.

Юнга: Да, капитан, подписано стихотворение другим именем.

Капитан: Это плагиат — литературное воровство!

Боцман: Не слишком ли тяжелое обвинение?

Капитан: Слово «плагиат» так и переводится с латинского — «похищаю».

Юнга: Вы хотите сказать, капитан, что стихотворение, которое так понравилось боцману, похищено у Тютчева?

Капитан: Именно так, юнга, стихотворение украдено.

Боцман: Никто не может помнить авторов всех стихов на свете.

Капитан: Не огорчайтесь, боцман, вы выбрали лучшее стихотворение из нашей почты. Отличить же хорошие стихи от плохих не так легко. Но члены нашей команды должны быть более бдительны.

Юнга: Конечно, легко узнать стихотворение Тютчева, но если бы мальчик похитил не очень известные стихи?

Боцман: Никто бы и не догадался, что это плагиат. Не все же такие знатоки поэзии, как наш капитан. А укравший стихотворение прославился бы.

Капитан: Книги, журналы печатают очень большим тиражом. Обязательно несколько тысяч людей прочтут их. И кто-нибудь всегда заметит обман. Все узнают, что он вор и обманщик.

Юнга: Помните, однажды наш «Кораблик» чуть не пошел ко дну? В январе мы взяли на борт плагиат, и сколько читателей заметили это. Прислали нам письма.

Капитан: Похитивший стихи «прославился», но, думаю, он не хотел такой славы...

Бортжурнал ведёт Н. ДАВЫДОВА.

Андрею КОРОВИНУ 13 лет.
Он живет в Туле. Стихи со-
чиняет давно, с семи лет.

Арктика

Стремятся на полюс народы,
Хоть нет там ни трав, ни цветов.
Холодные льды и морозы,
Тюлени и стаи песцов...
И многие там погибали
В холодных арктических льдах.
Бесстрашные, стойкие люди
На полюс пробились в санях!

«Учусь я в 8-м классе. А стихи
начал писать с девяти лет. ПАВ-
ЛОВ Валера». Живет Валера в
городе Пензе. «Кораблик» взял
на борт одно из его стихотво-
рений.

Начало зимы

Утром ранним я проснулся,
С наслаждением потянулся,
Подожел к окну — и вдруг! —
Первый снег летит вокруг!

Вот так чудо! Вот так сказка!
Вспомнил я свои салазки.
С гор катанье, крики, визги,
От снежков разбитых брызги...

Только стал снежок редеть,
Перестал совсем лететь,
На земле вконец увял,
Прослезился и... пропал.

«У НАС В ЯКУТИИ — ЗИМА». Лена СТАРШИНОВА, 7 лет.

«Здравствуй, «Кораблик»! Меня
зовут Катя УГРЮМОВА, я учусь
в школе № 4 города Северодо-
нецка. Мне скоро будет десять
лет. Я занимаюсь в студии
«Джерельце» («Родничок») вме-
сте со своими сестричками. И я
посылаю свои стихи».

Зайчишка

Грустный лес стоит притихший,
Все кругом белым-бело.
Вот видны следы зайчишки,
Их еще не замело.
Заяц нынче очень смелый,
Ведь его спасает мех.
Скачет всюду в шубке белой,
Белой, белой — словно снег.

Оксане СТАРОВОЙТОВОЙ
из Казани 13 лет. Она учит-
ся в школе № 121.

Радость для всех

Сегодня зимний день,
На улице светло.
Приятно светит солнышко
В замерзшее окно.
Вдали темнеет рощица,
Слегка искрится снег,
И мне ужасно хочется
Дать радость всем и смех.

«Я очень люблю животных, особенно кошек. Я думаю, что настанет время, когда человек перестанет убивать и калечить животных, потому что в этом отпадает необходимость. Мясо будет искусственным, теплая одежда — тоже, животные больше не смогут принести людям вреда, и человечество станет намного гуманнее». Из письма Кирилла АНКУДИНОВА. Кирилл живет в Майкопе, учится в 8-м классе.

Размышление

Человеку хотелось кушать.
Волку кушать тоже хотелось,
Волк обглодал овечку
И поплатился — за дело.
Расправа была короткой:
Поднял чабан двустволку...
Человеку хотелось кушать.
А волку?

Человеку взлететь хотелось.
Черной нефтью наполнив баллоны,
В спешке вылил он нефти в море
Только «капельку», этак полтонны.
И вот перед ним сидит птица,
Ей в небо не возвратиться.
Человеку взлететь хотелось.
А птице?

Люди хотят очень много.
Очень много хотят люди.
Говорят все слова добрейшие:
Мы, мол, природу любим.
И тут же ружьем орудут,
Капканом и смесью рвотной.
Жить человеку хочется.
А животным?!

«ЛУЧШЕ ВСЕХ!» Лена КУРИЛЕНКО, 7 лет.

Анжеле СТРАШНОЙ 12 лет. Ее мама — дрессировщица лошадей. Живет Анжела в Москве. Она очень любит писать рассказы. В «Кораблик» пишет уже не первый год, много работает над рассказами по советам его капитана.

Вот так трюк!

ЮМОРЕСКА

Конечно, нагрузки в школах теперь большие, но ученик такое существо, что все может преодолеть. Вот и я, пересмотрев свой дневной график, так ужал «окошки», что получил дополнительно для занятий девяносто минут... Однако прошло несколько дней, и я понял, что из цейтнота все-таки не вышел. Пришлось теперь в газетный киоск и в булочную каждое утро моего пса посылать, водолеза Ботмана. Еще девяносто минут в мою пользу! Но моя бабушка скептически (стоп, халтура!) — скептически — вот как надо писать, усмехнулась и заметила, что на мое утреннее одевание уходит столько же времени. Я тут же поклялся, что буду одеваться всего полминуты. Бабушка опять скепсис... стоп, халтура!.. скептически возразила:

— Подумаешь, какой Леонид Енгибаров нашелся!

Оказывается, был такой клоун до нашего с вами, ребята, рождения. Он на трость надевал шляпу и пиджак, несколько минут балансировал ею на лбу, ловко выбивал, шляпа и пиджак падали на него... сотые доли секунды — и шляпа покрывала голову клоуна, пиджак плотно облегал фигуру... Я тут же поклялся превзойти знаменитого артиста.

Во время подготовки трюка учебу в школе пришлось свернуть: учебники я подкладывал стопкой вместо козел под гладильную доску. Мне помогал пес Ботман — я научил его прыгать на доску со шкафа. Книжки в конце концов так истрепались и перемешались друг с другом, что на уроке никак нельзя было найти нужный лист. Настоящая история с географией!

Через десять месяцев, в конце учебного года, я показал бабушке трюк со своей рационализацией. Вместо трости я использовал громоздкую швабру. В те самые доли секунды, когда на меня сверху летели шляпка и пиджак, я успел сделать переднее сальто и попасть в брюки, развешенные сверху с вечера между двух стульев на ниточке, а достигнув пола, попал и в свои башмаки. Весь трюк занял 0,05 секунды.

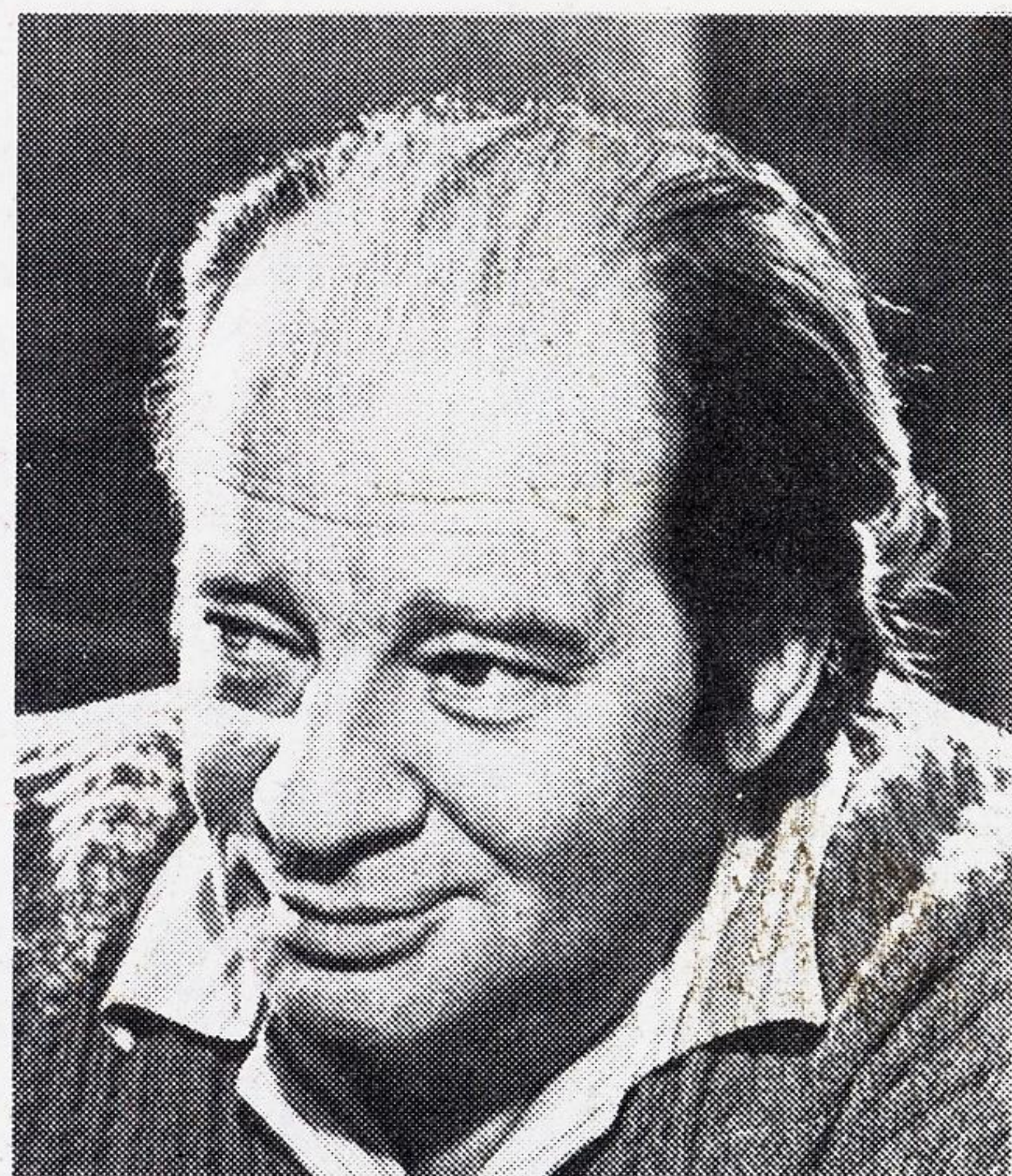
...На следующий день бабушку вызвали в школу и предупредили, что я могу остаться на второй год. И уже безо всякого скепсиса бабушка мне сказала:

— Наступает лето, и у тебя безо всяких трюков будет достаточно времени, чтобы подготовиться к переезду!

«Какой цветок расцветает весной первым? Когда люди приручили первого зверя? Много ли может съесть стрекоза? Сколько зубов у крокодила?» Кто точно ответит на эти вопросы? Ученые. А кто расскажет об этом ярко и захватывающе, кто сделает наше путешествие в мир природы увлекательнее любых приключений? Только писатель-натуралист.

Мы с вами знаем такого писателя. Он написал уже более семидесяти книг о растениях и животных, об ученых-зоологах и проблемах охраны природы. «Пароль «Пусть живет!», «Солнцеворот», «Путешествие на всю жизнь», «Необыкновенный охотник», «Календарь зеленых чисел», «Человек и животные», книги из серии «Соседи по планете»... Читали? Если нет, идите в библиотеку и просите любую книгу Юрия Дмитриева, не пожалеете!

«Пионер» давно дружит с замечательным писателем и человеком Юрием Дмитриевым. Как все люди, любящие и знающие природу, Юрий Дмитриевич очень добрый и милый товарищ и собеседник. В этом году у него юбилей — 60 лет. От имени всех читателей журнала мы сердечно поздравляем писателя с днем рождения и желаем новых творческих успехов и доброго здоровья!

Юрий ДМИТРИЕВ

ЕЖИКИ

Я шел по лесной тропинке, и вдруг прямо под ноги мне выкатился ежик. Ну, чудак, куда же ты? Ежик остановился, искоса посмотрел на меня и как-то бочком стал отступать. Отойдя немного, круто развернулся и бросился обратно, в траву. Вообще-то ежи — зверушки храбрые, отступать не привыкли. Конечно, случается им и убегать. Но, столкнувшись нос к носу с опасностью, еж, как правило, сворачивается в клубок. Правда, это не всегда его спасает — лисица, если поблизости есть какая-нибудь хорошая лужа, осторожно докатит колючий клубок до нее. А в воде еж обязательно развернется. И некоторые хищные птицы не боятся ежиных иголок — у них на лапах «варежки» из перьев. И все-таки еж очень верит в могущество своих колючек. Во всяком случае, сейчас, натолкнувшись на меня, он должен был бы свернуться клубком, а не удирать. Непонятно, что с ним. Да и вообще — что это за манера гулять днем, при солнечном свете? Ежи — животные ночные, им положено бродить в сумерках или в темноте. Весной, правда, бегают они и днем — изголодаются, бедняги, за зиму, похудеют, иголки на них прямо болтаются. Поест бы скорее досыта. А еды еще мало. Никак ежи не могут насытиться. Вот и бегают день и ночь в поисках пищи. Но то весной. А сейчас — лето. Что ему сейчас понадобилось бегать?

Посмотрел я в ту сторону, куда скрылся еж. Судя по шевелящейся траве, он уже далеко... Но странно: уж очень длинный он получается. Или какой-то хвост тянется за ним? Я пошел туда, где шевелилась трава, и увидал... маленького ежонка. А впереди — еще одного. А чуть дальше — третьего. И еще... Все они цепочкой бежали за мамашей. Вот почему она не свернулась клубком, увидав меня, — испугалась за своих

детишек. И вот почему издали она показалась очень длинной — это ежата бежали за ней.

Я взял в руки последнего. Он не сделал даже попытки защититься — лежал у меня на ладони совершенно неподвижно. Маленький и большеголовый: голова чуть ли не в половину туловища. А на голове — шапочка из еще не очень длинных и не очень острых иголок. Но больше всего меня удивили его глаза — огромные, продолговатые и грустные. Не испуганные, нет, испуга я в них не увидел. В них была именно грусть... О чем думало сейчас это существо? И думало ли оно вообще о чем-нибудь? Наверное, нет. Но почему же у него такие грустные глаза? А может быть, это мне только кажется, потому что ежонок то чуть косил на меня глазами, то его большой темный зрачок уплывал куда-то под лоб, а в нижней части глаза ярко сверкал снежный белок. А может быть, он все-таки грустил о чем-то? Может быть, решил, что вот и все — он уже больше никогда не увидит мать, братьев и сестер, не побежит по зеленой траве, не сунет нос в кучу валежника, не вытащит из земли личинку жука...

Умеют ли ежи грустить — я не знаю. Думаю, что нет. Но каждый раз, когда я вижу в лесу ежика, вспоминаю своего.

...Когда-то в детстве мне подарили ежа. Я был совершенно счастлив: раньше я видел ежей только на картинках. И вдруг живой, да еще собственный. Я поил его молоком, кормил яблоками, не спускал с него глаз, показывал всем ребятам.

Еж оказался непугливым, а может быть, он уже жил у кого-то и привык к людям — не знаю. Но, во всяком случае, он очень редко сворачивался клубком. Правда, днем он старался двигаться поменьше — залезал куда-нибудь под кро-

вать или под диван. Чтоб еж не убежал или не потерялся, я иногда сажал его в коробку из-под ботинок. Ночью еж начинал очень громко возиться в коробке, и я выпускал его. И тут начиналось. Он бегал по всем комнатам, громко топал, сердито фыркал и как-то по-особенному хрюкал. В темноте он обязательно на что-нибудь натыкался или что-нибудь переворачивал, а утром мы не могли найти своих ботинок,— бегая по квартире, еж их куда-то затакивал или затаскивал.

Потом началось совершенно непонятное...

Ежи—не верхолазы. Но моему почему-то понадобилось забраться на шкаф. И он придумал: залезал в щель между стеной и задней стенкой шкафа, упирался спиной в стену, а лапками в шкаф и поднимался вверх. Но то ли пол был немного неровный, и нижняя часть шкафа стояла ближе к стене, а верхняя чуть дальше, то ли у ежа не хватало сил, но он падал на пол. Я никогда не думал, что падение такого маленького существа может сопровождаться таким шумом.

Ежа не смущали неудачи: с необыкновенным мужеством и упорством он начинал штурм шкафа снова. Опять срывался и опять начинал подъем. Несколько ночей штурмовал еж шкаф. Неизвестно, сколько бы это продолжалось еще, но терпение моих родителей кончилось, и они потребовали, чтоб еж перестал им мешать спать по ночам. Потребовали не от ежа, а от меня. Но что я мог сделать? Объяснить ежу, чтоб он вел себя тихо? Я перестал выпускать его из коробки по ночам. Выпускал днем. Но днем он был скучный, вялый...

Однажды еж куда-то исчез. И все в доме облегченно вздохнули. Только мне было грустно. А потом кто-то сказал, что ежа нашли на улице, раздавленного машиной.

Я считал себя виновным в гибели ежа. И не

понимал, что он все равно рано или поздно погиб бы в городской квартире. Ежу в доме плохо, даже если его поят молоком и кормят яблоками: паркет не заменит траву и землю, кирпичные или бетонные стены не заменят деревья или кустарники. В коробке или в ящике он начинает чахнуть.

Припомнив все это, я осторожно опустил ежика на землю. Он секунду постоял и юркнул в траву— побежал разыскивать свою семью. Будь здоров, ежик! Пусть тебе повезет— пусть не встретится в лесу хитрая лиса, пусть не увидит хищная птица, пусть не найдет «добрый человек», который захочет поселить в своем доме!

Я не знаю, умеют ли ежи грустить. Но страдать, как и все животные, они умеют. В детстве я этого не понимал. Сейчас понимаю. И хочу, чтобы это понимали все люди.

Рисунок Н. ФЕДОРОВОЙ.

стихи Виталия Коржикова

ДРУЗЬЯ

НАРИСОВАЛ Анатолий БОРИСОВ

Ни для кого не тайна:
Прошли его года.
У старого комбайна
Беда.
Беда, беда!

Он был на главной роли —
Да и не мудрено:
Он собирал на поле
Отборное зерно.

Он шел, как мастер в цехе,
Он брал зерно на вес.
Сам спутник: «Как успехи?» —
Кричал ему с небес.

А рядом раздавались
Такие голоса! —
Им дружно любовались
И птицы, и леса!

А вот теперь отъездил,
Попал на ржавый двор —
Старей себе на месте —
Забор, кругом забор!

Вон тракторок с работы
Ползет, как добрый вол,
Пыхтит:
— Эй, братец, что ты,
На пенсию пошел?

И спутник, пролетая
Из края в новый край,
Вдруг спросит:
— Отдыхаешь?
Ну, ладно! Отдыхай!

Стоит он, обрастая
Травой со всех сторон,
Гуляет сверху стая
Заносчивых ворон.

И воробьи проворно
Толкуются:
— Старина!
Куда девались зерна?
Не сыщешь ни зерна!

И каждая корова,
Тропинку проложив,
Махнет хвостом:
— Здорово...
Ты жив или не жив?

Печальная забота
Ржаветь с такой бедой.

Но вот вернулся с флота
Комбайнер молодой.

Пришел к нему, как к брату,
Порвал бурьян-траву:
С комбайном он когда-то
Учился мастерству.

Он с ним мечтал о славе,
О подвигах в труде...
Так разве он оставит
Товарища в беде?

Рукой, привычной к стали,
К штурвалу и движку,
Он перебрал детали
Старинному дружку,

Окинул добрым глазом
И низ, и борт, и тыл,
Промыл, прочистил, смазал,
Проверил, привинтил.

Все горести забыты,
Когда дружок — мастак!
Все гаечки промыты,
Все шайбы — на местах!

И как-то в день весенний
Веселою порой
Друг вышел в воскресенье
К комбайну с детворой:

— Ну, братец, скоро лето,
Давай-ка, оживай!
Давай свои секреты
Ребятам открывай.

-Как
успехи?

Иди, по полю плавай,
Выруливай вперед,
Показывай, где правый,
Где левый поворот!

Ни для кого не тайна:
Пришла его пора...
Комбайнер — у комбайна,
В кабине — детвора.

Опять друзьям поется,
Шумится озорно,
И снова в бункер льется
Счастливое зерно.

И трактор с поворота
Гудит, отстав чуток:
— Что, вышел на работу?
— Работаю, браток!

И спутник из-за тучи,
Сбегая по лучу,
С улыбкой спросит:
— Учишь?
И он в ответ:
— Учю!

И лес, и дол, и стадо,
И солнышко, и рожь
Комбайну крикнуть рады:
— Да ты опять живешь!

Он башенкой качает,
Как будто на плаву,
И миру отвечает:
— Живу,
Живу, живу!

-ЗДОРОВО...
ТЫ ЖИВ или
НЕ ЖИВ?

Поздравляем новых лауреатов!

Более 10 лет тому назад на 11-й этаж здания «Правды», в редакцию «Пионера», пришел загорелый веселый человек, который только что вернулся из путешествия по большой реке. Это был Сергей Иванов. Он пришел и... остался работать в «Пионере». Он ездил в Новороссийск и к строителям БАМа, писал о рабочих Аэрофлота и ребятах, стоящих у Вечного огня Славы, а еще он писал увлекательные книжки о ваших сверстниках. Ребят он любит и хорошо знает их характер. В этом году вы прочитали повесть «Его среди нас нет...» (№№ 6, 7, 8, 9). За эту повесть **Сергею Анатольевичу Иванову** присужден диплом имени А. П. Гайдара.

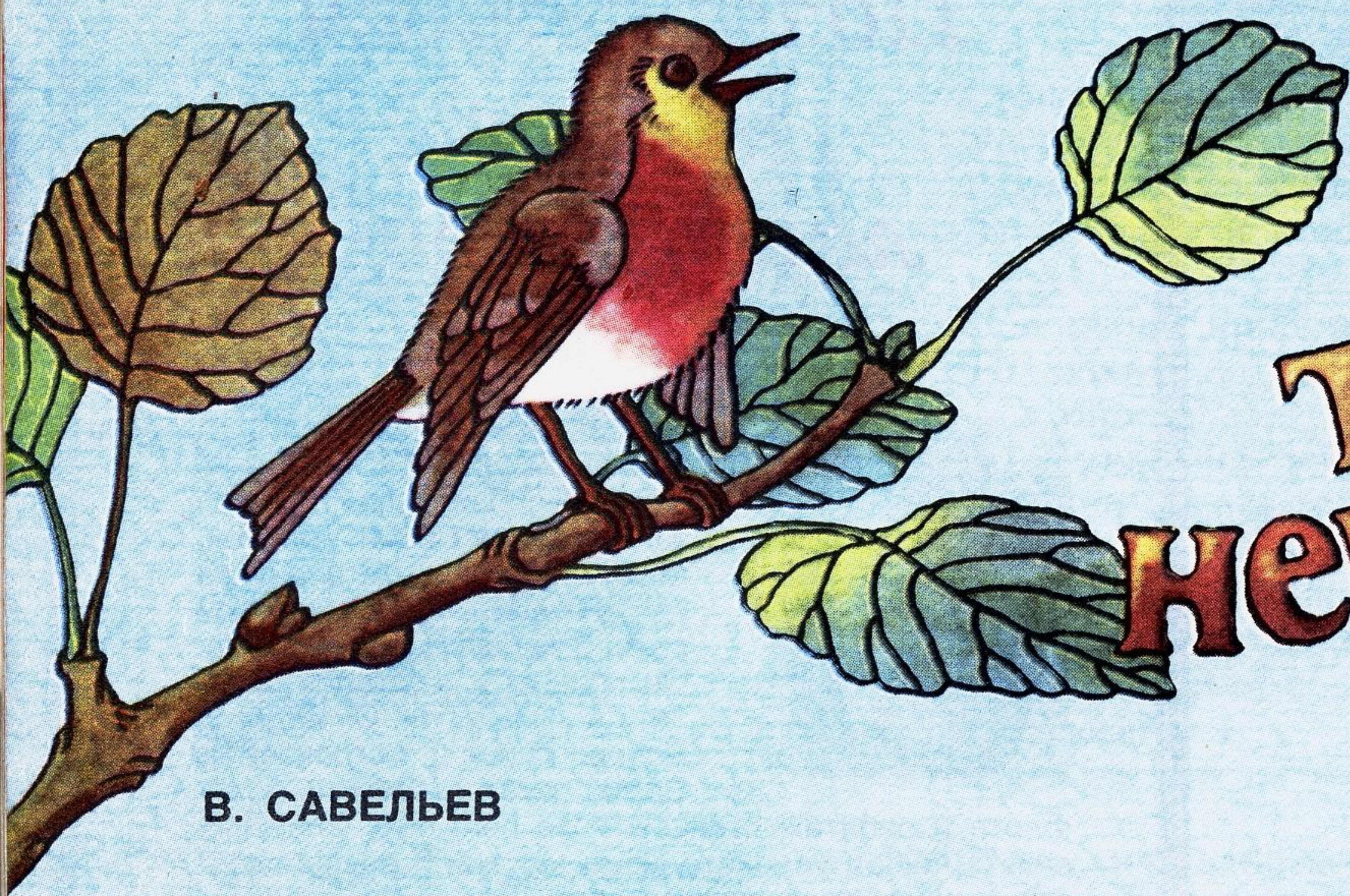

Вот уже много лет через номер журнал «Пионер» печатает специальный раздел под названием «На научной волне». О самом интересном, что происходило и происходит в науке и технике, в различных областях знаний, рассказывает этот раздел. И как отзываются сами ребята, рассказывает увлеченно и интересно. В самых отдаленных точках нашей страны, в научно-исследовательских институтах побывали **Никитина Вера Константиновна**, ведущая отдел, и член редколлегии нашего журнала, доктор физико-математических наук **Иванов Валерий Иванович**. Обо всем, что они увидели, с чем встретились, они поделились с читателями раздела «На научной волне». Им присуждены дипломы имени Льва Кассиля.

Два летних номера журнала «Пионер» в июле и августе посвящались XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Красочные обложки этих номеров выполнил художник Анатолий Борисов, вот уже 14 лет сотрудничающий с нашим журналом. Он оформлял материалы о Гайдаре и пионерских лагерях (сам когда-то был вожатым), придумывал интересные рисунки к международным викторинам, оформлял детские книжки в издательствах. Анатолий Борисов всегда куда-то спешит, но если есть срочное задание «Пионера», то можно быть уверенным, что рисунок будет сдан точно в срок. За рисунки обложек «Пионера», за постоянное сотрудничество с журналом **Анатолию Александровичу Борисову** присужден диплом имени Николая Жукова.

Сердечно поздравляем новых лауреатов «Пионера»!

Тьюшка- немогушка

В. САВЕЛЬЕВ

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Вывелись у Зарянки птенцы. Тью-тью! Ох, и забот с малышами! Все-то они вертятся, шалят, рты разевают: букашек на них не напасешься. Зато растут быстро. Не успели вылупиться, гляди, уже оперились, так и норовят из гнезда выпорхнуть. Не терпится самим все разузнать: как вкусные вещи добываются, как отличить съедобное от вредного, доброе от злого. Тью-тью?

И вот даже самый маленький сынок Зарянки, Тьюшка, подрос. Стал ремесло себе выбирать. Много на свете увлекательных занятий! Вот Дятел — первый в лесу лекарь. Деревья ловко выстукивает: выясняет, у кого что болит. И тут же лечит. Заболела старая сосна, он ей операцию сделает — отколупнет кусок подсохшей коры и давай вредителей потрошить... А на земле его помощники трудятся, вредных жучков подбирают. Дятел птица скромная, одевается небогато, а на голове шапочку профессорскую носит.

— Тью-тью, — сказал Тьюшка, — хочу такую же шапочку!

— Птенец желает стать лекарем? — спросил Дятел. — Похвально, что молодежь стремится к знаниям. Лечить друзей — что может быть благородней! Не будь леса, на земле нечем было бы дышать, и все мы: птицы, звери, люди — задохнулись бы без воздуха.

— Страшно! — пискнул сынок Зарянки. — Но ваша шапочка мне нравится. Хочу быть лесным доктором.

— Должен предупредить вас, юноша: чтобы по-настоящему охранять деревья от насекомых, вам придется трудиться от зари до зари, с небольшими перерывами на ученые беседы...

Недолго Тьюшка обучался у доктора Дятла. Голова у него быстро разболелась и аппетит пропал. Куда веселее погреться на солнышке, выкупаться в пыли со знакомыми воробьями, кузнечиком полакомиться или червяком.

Загляделся Тьюшка на Трясогузку: настоящая балерина! Танцует прямо на грядке и не ради похвалы или награды какой, а единственно оттого, что весело. Так у нее легко все получается, прямо играючи. Попробовал Тьюшка потанцевать, не вышло у него!

А Ласточка! Мошек ловит, детенышей кормит,

песни поет звонкие — и все на лету. Может, и ему попытать счастья?!

Оказалось, не так-то все просто. Много терпения требует любое искусство. Ленивым да сластенам и браться нечего — ничего у них не выйдет.

Хотели научить Тьюшку чему-нибудь путному, ну хоть по стволу вниз головой бегать, как дядька Поползень...

— Не могу! Не умею! Отстаньте! — пищал Тьюшка.

Летать в поднебесье, как стрижи, сил не хватало. Жаворонком петть тем более не вышло: сердце для этого особенное требуется — певучее, что ли?

Вырос Тьюшка неумелым, никчемным, а ничего — доволен даже. «Мне и на дороге не пыльно, — говорит, — а как солнышко пригреет, так лучше и не придумаешь. Червячка-простачка не хуже всякого сцапаю, а за шустрými пускай кому не лень гоняются».

Головка у Тьюшки махонькая, крылышки слабенские, ножки жиденькие. И только живот вместительный, как у лавочника.

Пшеница поспела: ешь — не хочу, не жизнь, а малина!

— Каждому свое, — хвастал Тьюшка-Немогушка, — а по мне лучшей жизни и не надо.

Пришла осень. Скосили пшеницу. Потемнели, нахмурились облака. Пошли дожди затяжные. Сорвал ветер с деревьев летнюю прическу, по ложбинкам и буеражкам разметал легкую пожелтевшую листву.

Опустел, осиротел осенний лес. Некоторые птицы снялись с насиженных мест и потянулись в южные страны, а тот, кто зимовать остался, тоже при деле — им не скучно.

Один только Тьюшка мокрый сидел, нахохлившийся. Ветер трепал его жиденькие перышки. Привычный легкий корм снегом запорошило. Неприютным сделался лес для Немогушки.

— Эх, кабы крылышки покрепче, или голос пошибче, или уж клюв посмекалистей... А тут сиди неумехой, немогушкой!

Морозу и конца не видать, так и позванивает заочневшими сучьями студеный ветер, а солнце чуть проглянет и скроется. Худо!

— Тью, не повезло!

Отдел ведет А. ПЛЕШАКОВ.

Научный консультант —
член-корреспондент АН СССР
А. В. ЯБЛОКОВ.

Познакомьтесь: соня

Вообще-то среди зверей немало любителей хорошо поспать. С осени до весны спят медведь и барсук, еж и сурок... Но зверьков, которые так и называются — соня, на земле семьдесят видов. Многие из них живут в нашей стране. Название «соня», конечно, не очень лестное, но, что поделаешь, оно справедливо.

По облику соня — нечто среднее между белкой и мышью. Это на редкость симпатичные зверьки — с круглыми ушками, большими глазами, пушистым хвостом.

Летом в лесах, где живут соня (а живут они в лесах широколиственных), бывает по ночам страшно: кто-то кашляет, посвистывает, ворчит. В прошлом думали, что это «нечистая сила» подает голос. Но ни при чем тут нечистая сила! Так переключаются соня.

Живут они на деревьях и образ жизни ведут ночной. Днем спят в своих уютных гнездах, а после захода солнца отправляются на поиски пропитания. Едят листья, орехи, желуди, ягоды... И к осени так отъедаются, что весят раза в два больше, чем летом. Необыкновенно толстеют и напоминают, как пишет один зоолог, «до отказа набитый меховой мешочек, из которого торчат лапки, толстенький хвостик и острая мордочка». Бывает, этот «мешочек» после очередной трапезы застревает при входе в свой домик и только после долгих-долгих усилий умудряется в него протиснуться.

Но никак нельзя соням «береечь фигуру». Не накопишь жира — не переживешь зиму. А зимой соня ничего не едят.

Спят они зимой в подземных убежищах, свернувшись в плотный шарик. Температура этого «шарика» лишь на один градус выше, чем температура окружающей среды, а сердце в нем бьется в пять раз реже, чем летом. Но зверек жив и здоров! Придет весна, растает снег, набухнут на деревьях почки, и соня проснется. И в ночном лесу снова будут раздаваться ворчание, кашель, свист и шуршание проворных лапок.

Птичка — невеличка

Конечно, их можно и не заметить, можно и не услышать... Но если присмотреться, прислушаться...

Вот перепорхнула с одного заснеженного дерева на другое стайка маленьких зеленоватых птичек. И донесся до наших ушей нежный, тихий посвист: «си-си-си-си»... А вот птичка-невеличка повисла у конца еловой ветки. И исчезла в зеленой кроне. Очень подвижны эти птицы, ни минуты не сидят на месте. Держатся всегда стайками, а в одиночку, наверное, не перенесли бы морозов, особенно ночных. Ночами садятся все вместе на ветку, плотно прижимаются друг к другу — так теплее.

Если ты еще не угадал, о какой птице идет речь, вот подсказка: эта птица — самая маленькая из всех птиц нашей страны!

Как же она называется?

И за что получила свое название?

Представьте себе!

У двух видов тропических муравьев обнаружено что-то вроде «пенных огнетушителей» необычайной мощности. Только не пожары они ими гасят, а воинственный пыл своих врагов — мелких, но задиристых муравьишек другого вида. Стоит тем напасть на бдительного неприятеля, как из его брюшка, из самого кончика, вырывается струя вязкой пены. Струя десятисантиметровой длины! Муравьишки-задиры начинают выбираться из облепившей их пены, чиститься... А довольные «пожарные» празднуют победу.

Сердце самых маленьких на земле птичек — колибри — бьется 1260 раз в минуту, а крылья их работают со скоростью 20—30, а нередко и 80—100 взмахов в секунду! Колибри умеют зависать в воздухе, как шмели, и даже... летать хвостом вперед!

Домашние свиньи очень любят грибы трюфели, растущие под землей. Уже с расстояния 20 метров чувствуют их запах, бегут к заветному месту и начинают рыть землю. Свиньи могут почувствовать лакомый запах даже в том случае, если трюфели закопать на глубину 3 метра!

ПРЫЖОК В ЧЕТЫРЕ ОБОРОТА

Александр Фадеев, чемпион мира по фигурному катанию, отвечает на вопросы читателей журнала «Пионер».

Маленькая девчушка старательно и непрерывно вычерчивает на льду поразительно правильной формы круги. Мне они напоминают олимпийские кольца. Олимпийский прицел к Калгари?

— Как знать,— улыбается заслуженный тренер СССР Станислав Алексеевич Жук.— Вон Саша Фадеев. Чемпион мира когда-то начинал так же.

В руках у меня ворох писем к Александру Фадееву.

— Саша, заканчивай тренировку! — кричит тренер.

Прямо на трибуне я передаю Саше Фадееву письма. Он читает их, серьезно спрашивает: «А времени хватит?» И начинает отвечать.

Кто вас устроил в фигурное катание? И как вы оказались в Москве? Это что, по формуле: «Гении рождаются в провинции, а расцветают в столице»?

Вот так вопрос! Но тем не менее отвечать надо, чтобы уберечь моего адресата от возможных ошибок. Откровенно: в модную секцию фигурного катания иногда можно «устроить» по знакомству. Но если у тебя нет ни призвания, ни способностей к этому? Успехи в спорте — это не снежный ком, пущенный с горы, сами по себе не нарастают. Они — сплав дарования, трудолюбия ученика с педагогическим мастерством тренера.

В фигурное катание я пришел, наверное, как и

тысячи моих сверстников. Мне было четыре года, когда родители подарили мне первые коньки. Начал кататься во дворе, а потом мама, видя, что я не на шутку увлекся, отвела меня в спортивную секцию. Кстати, о родителях. Мама — врач, отец — инженер, занимается вычислительной техникой.

Моим тренером десять лет был Геннадий Сергеевич Тарасов. Строгий, но доброжелательный наставник. Занимался я с удовольствием, считаю и сейчас, что ничего не надо делать через принуждение. Тарасову я обязан тем, что в 1980 году стал чемпионом мира среди юниоров.

Переезд в Москву совпал с окончанием десятилетки. Решил поступать в столичный институт физкультуры. И уж затем последовало приглашение в школу фигурного катания ЦСКА к Жуку. Это приглашение я принял. И попутно замечу: гением себя не считал и не считаю.

Как вы относитесь к тем спортсменам, которые часто переходят от тренера к тренеру. Что это? Движение по восходящей?

В спорте, как и на производстве, встречаются своего рода «летуны». Отношусь к ним отрицательно. Что зачастую служит причиной переходов от тренера к тренеру? Нежелание подчинять себя возросшим требованиям.

Представьте себе прыгуна в высоту. Он берет два

метра, его имя известно. Ему говорят: следующая высота для тебя, скажем, два метра двадцать сантиметров. Но для этого надо попотеть на тренировках, потрудиться. А у спортсмена голова от успехов закружилась, и совсем не хочется трудиться. Тогда он и ищет, а, к сожалению, иногда и находит, такой коллектив, где требования пониже, где соответственно и планка пониже. Ничего путного из этого не получается.

У меня, к счастью, все вышло иначе. Школа тренера Жука — школа высоких требований. Здесь растят чемпионов. И передо мной поставили сразу же высокую цель. И предупредили, что для достижения ее надо будет отказать себе во многих жизненных удовольствиях. Раньше у меня была одна тренировка в день, теперь их стало две, иногда и три. И еще учеба в институте. На все это я пошел сознательно.

Сколько у вас свободного времени и на что вы его тратите?

Займемся арифметикой. Из двадцати четырех часов исключим время на учебу, тренировки, дорогу и сон. Остается четыре часа. Но и они нужны на занятия любимым видом спорта. Что такое сегодня мужское одиночное катание? Это своего рода многоборье. Основа всему, фундамент — «школа». Сумма фигур, которые ты должен вычертить на льду безупречно. Затем обязательная программа. Каскад прыжков, «дорожки»... И, наконец, произвольная программа. Это полное слияние с близкой твоему сердцу музыкой, это всплеск души. Настроение, оптимизм, радость! И это надо передать вам, для которых и существует спортивное зрелище. Это под силу только человеку высокой культуры, развитому физически и богатому духовно.

К воспитанию такого себя и стремлюсь. Стараюсь бывать на концертах классической музыки; много слушаю в магнитофонной записи. Мой любимый театр — Театр сатиры. И читаю, читаю. Даже в автобусе. Четыре часа, если их считать не на минуты, а даже на секунды, увеличатся вдвое, втрое. Мой девиз: ни секунды праздности.

Создаете ли вы в своем выступлении какой-то образ?

Безусловно. Исполняемые на льду элементы, прыжки самой высокой сложности есть только средство выразить себя, передать свои мысли и чувства другим. Это слова, речь фигуриста. Но в словах должно быть большое содержание. Когда я выступаю, хочу создать образ советского молодого человека, передать его стремление ломать преграды силою воли, мужеством. Отсюда и сложность программы. Каждый элемент надо буквально преодолеть, преодолеть красиво, артистично. Конечно, с помощью музыки.

Меня иногда недоуменно спрашивают, почему мои наставники и я выбрали для одной из программ название «Эй, ухнем!». Современна ли, мол, это? Самая характерная черта нашего народа — огромное трудолюбие. И это наиболее ярко, на мой взгляд, проявилось в мелодии «Эй, ухнем!». Здесь мысль о том, что сообща народ все может. Так разве утратили ценность эти категории в наши дни?

Считают, что спорт ожесточает человеческую душу, поскольку надо одержать победу над соперником, вырвать победу. Согласны ли вы с таким мнением?

Категорически не согласен. Да, случается, за рубежом спортсмены идут и на всякого рода ухищрения, уловки, воздействия на соперника и грубостью, и силой, и недозволенными приемами. Это мы видим в телевизионных спортивных репортажах о футболе,

боксе... Советский спорт — спорт чести. В нем побеждает в честной спортивной борьбе сильнейший. Спорт формирует характер, волю. И не только для спортивной арены, но и для жизненных испытаний. Я чувствую, как спорт наполнил мою жизнь большим содержанием, укрепил мужские черты характера, столь необходимые в жизни. Я не только спортсмен. Я — военный служащий, младший лейтенант по званию. Советский офицер не может быть хлюпиком. В любую минуту от меня могут потребовать встать на защиту Родины. Я к этому готов!

Может ли быть зарубежный спортсмен примером для подражания, не зазорно ли это?

Смотря какой спортсмен... Какие он цели ставит и каким способом их добивается. Но даже в лучшем случае не следует никого копировать. Копия всегда хуже оригинала. Я бы поставил вопрос несколько иначе: какие яркие черты, свойственные видным атлетам, хотелось бы мне воспитать в себе? Многие годы передо мной был пример чемпиона мира Скотта Хэмилтона. Легок, изящен. Самые сложные элементы выполнял непринужденно, все как бы само собой у него получалось. Но сколько за этим труда! К тому же в детстве он был приговорен врачами чуть ли не к инвалидности. Для того чтобы «опротестовать» такой «приговор», необходимы воля, осознанность цели и много, много усилий. Ежедневных, изнурительных, малозаметных, но приближающих торжествующий итог. Такому спортсмену и человеку стоит подражать.

С вашим именем связывают первое исполнение в мировом фигурном катании прыжка в четыре оборота. Но на сараевской Олимпиаде это не принесло вам победу. Так стоило ли идти на такой риск и к тому же заслужить нелестную характеристику «технаря»?

Любой элемент надо выполнять чисто, без помарок. Мне помешало волнение. Теперь о «технаре». Моего наставника и меня нередко упрекают в приверженности к сложнейшим элементам в ущерб, дескать, другим качествам. Но как быть с другими видами спорта, где постоянно усложняются программы? С гимнастикой, скажем. Ослабим мы внимание к сложным техническим элементам в фигурном катании, нас тут же обойдут соперники. И еще, главное. Олимпийский девиз гласит: «Быстрее, выше, сильнее!». В стремлении усложнять свои программы мы видим верность этому благородному девизу. Да, на то, чтобы исполнить прыжок в четыре оборота, мне понадобилось четыре года. Это время не потеряно зря. Завтра планка может подняться еще выше. Это нельзя прозевать.

Есть ли у большого спортсмена «личная жизнь»?

Не такие уж мы аскеты. Конечно, спортивный режим суров. Он строго требует рационального расхода времени, несовместим с такими пагубными привычками, как, например, курение. Но мы остаемся вашими сверстниками, у нас те же думы и жизненные заботы. И озорство, и шалости. В зависимости от возраста, конечно. Теперь о «личной жизни». Мне двадцать один год, и я недавно женился...

...Саша Фадеев извинился, что не смог ответить на все письма, и попросил разрешения взять их с собой. И на память, и для того, чтобы подумать над вопросами. Я спросил Сашу, что бы он пожелал мальчишкам и девчонкам, приславшим ему письма в журнал «Пионер». Подумав, Саша ответил: «Ничего не бояться. Быть смелыми. Не сдаваться, если что-нибудь сразу не удастся сделать».

Беседу для вас провел
Станислав КОСТЕРИН.

Дмитрий ДИМОВ

Дворняжка РЕКС

Рисунок А. БОРИСОВА.

Конечно, такую кличку дворняжкам обычно не дают. Рекс—это же на латинском языке означает «император», «король». Так можно назвать громадного дога, мощного сенбернара или любую иную собаку крупной породы. Скажем, ньюфаундленда или мастифа. Все это красивые, породистые животные, настоящие короли собачьего мира.

Впрочем, как по-настоящему звали Рекса, никто не знает. Собака увязалась за нами в лесу, когда ходили по грибы. С пушистым хвостом, уши торчком, но морда не лисья, хитрая, а умная и словно в улыбке. Глаза тоже умные, добрые. На шее кожаный ошейник. Значит, не бродячая, а просто заблудилась, потеряла хозяина. Так у собак иногда бывает, особенно у молодых. Почует заячий след, возомнит себя опытной гончей да и понесется, не разбирая дороги! А куда дворняжке зайца поймать! Это и не всякой охотничьей собаке под силу. Так и теряются, бывает, в лесу иные псы. Задора много, а опыта нет.

Не стали мы гнать собаку: вдруг она из нашего дачного поселка, найдется хозяин. Впустили на участок, налили в миску молока, крошили хлеба, она с удовольствием все съела, миску вылизала: сильно проголодалась, видимо. Мои мальчишки бросились гладить пса, тормошить, за уши таскать. Младший, трехлетний Егор, даже попытался вскарабкаться на собаку. Пришлось поручить охрану дворняжки старшему, Сергею. Он уже четыре класса окончил, осенью в пятый пойдет. Такому уже можно доверить собаку.

— Пусть пока это будет твой пес! — сказал я сыну. — Только не позволяй Егорке его мучить!

А за детей мы с женой не боялись: собака, если только ее не испугать, никогда не укусит ребенка, не причинит ему зла. Недаром говорят: собака — лучший друг человека!

Хозяина приبلудной дворняжки так и не нашлось, осталась она жить у нас на даче. Даже охранять стала, усердно облаивала всякого, кто хоть близко подходил к забору. А когда окрест было спокойно, собака забиралась на скамью под кустом жасмина и, вытянув вперед лапы, гордо смотрела на всех, высоко подняв веселую морду.

— Ну просто как сфинкс располагается, — решила жена. — Дворняжка, а какой царственный вид!

Может быть, именно поэтому мы и называли пса Рексом, точно не помню.

Кончился август, надо было перебираться назад в город, Сергею скоро в школу. Да и мой отпуск подошел к концу. А как быть с Рексом?

Знаю, некоторые заводят на даче собак, кошек, а потом их там и бросают. Живи, мол, как хочешь. Конечно, не все домашние животные погибают, иные выживают. Становятся бродячими, полудикими, кормятся по помойкам или где придется. Птичьи гнезда разоряют, лягушек ловят.

Но разве это дело — бросить на произвол судьбы домашнее животное, друга человека?

И решил я взять Рекса с собой в Москву, показать там ветеринару, сделать необходимые прививки, и пусть живет, квартиру стережет.

Жена воспротивилась.

— Куда нам! — сказала она. — Квартира у нас небольшая, тесно, да и гулять с собакой надо два раза в день! Кто будет? Мы с тобой на работе, Егорка в детсаду, Сергей в школе!

— Хорошо, — сказал я. — Возьмем временно, не бросать же собаку одну на даче! Да и дети расстроятся! А в городе мы ее отдадим Ивану Степановичу, он геолог, возьмет Рекса с собой в экспедицию!

На том и порешили.

Когда приехали в город, оказалось, что наш сосед Иван Степанович еще не вернулся из отпуска. Через неделю, сказали, будет. Пришлось мне раньше на час вставать, перед работой гулять с Рексом. И вечером тоже гулять час после работы. Полезно, конечно, для здоровья, только знакомые удивлялись:

— Что это вы за собаку себе завели, неужели не смогли достать какую-нибудь породистую?

Я отвечал, что непородистые мне, дескать, больше нравятся. Недаром же в космос первой полетела дворняжка Чернушка. А за ней другие: Белка и Стрелка — и тоже все дворняжки. Потому что дворняжки выносливее и даже иногда умнее бывают, чем любые породистые собаки. Но все-таки обидно было. Не за себя, за Рекса. И тут произошло такое событие.

В воскресенье, накануне возвращения из отпуска Ивана Степановича, мы, как обычно, пошли с Сергеем в кино на детский сеанс — мультфильмы смотреть. А Егор с мамой дома остались обед готовить. Рекса, конечно, мы с собой тоже не взяли: собак в кино не пускают.

Мультфильмы были очень интересные. Вернулись мы домой довольные, чуть ли не бегом поднялись к себе на пятый этаж рассказать скорее маме про кино.

А дома что-то невероятное: Егор сидит на диване и ревет, мама тоже вся в слезах, держит на руках Рекса и целует его в морду. Что же произошло?

Оказалось, полчаса назад звонит нам в дверь соседка из дома напротив. Мама открывает дверь, а соседка ей и говорит:

— Спасайте скорее своего малыша! Он с балкона вылезает!

Мама бросилась в столовую, где дверь на балкон, и видит: Рекс тянет Егорку за рубашку с табуретки, всеми четырьмя лапами упирается. А Егорка вцепился руками в ограду балкона, еле держится на табуретке. Он, оказывается, пока у мамы что-то горело на кухонной плите, потихоньку затащил на балкон табуретку, залез на нее и решил, видимо, посмотреть, что там внизу, под балконом. Глупый мальчишка, маленький, еще не понимает, как легко равновесие потерять.

Этот Егоркин маневр заметила соседка в доме напротив и тут же побежала к нам.

Но тем временем Рекс, который был в столовой — ему на кухню входить не разрешалось, — почувствовал, что малышу грозит опасность. И вцепился Егору в рубашку, стал тянуть мальчишку назад. И даже когда мама подбежала, схватила Егорку на руки, не отпускал его рубаш-

ку, рычал: как это, мол, можно маленького ребенка без присмотра оставлять?!

Ну, тут мама поняла, что Рекс ее сыну жизнь спас. Шлепнула Егорку, чтобы впредь неповадно было, посадила на диван. А на руки Рекса схватила...

Потом мы записали Рекса в городской клуб собаководства в группу беспородных собак под названием «Дружок». В этой группе кто хочет, может с помощью опытных дрессировщиков обучать дворняжек, как породистых собак, разной собачьей науке: через барьеры прыгать, по буму ходить, преступников задерживать. Обученные дворняжки участвуют в соревнованиях и даже медали получают. За ум и выучку.

...Прошел год. Мы с Сергеем выводили Рекса на прогулку, словно заслуженную породистую собаку. На красивом красном ошейнике — мамин подарок — у него висели две золотые медали. А Иван Степанович так и отправился в свою экспедицию один, без собаки. Хотя и очень просил у нас Рекса.

— Замечательная собака! — сказал он. — Умница! Не все короли такими бывают!

100 советов Золушке

Когда приходит праздник

— Скажите, Фея,—Золушка весело кружилась по комнате с зеленой ленточкой-серпантинком,—почему праздники бывают так редко? Как все это замечательно: музыка, гости, новое платье, «Фанты» пей сколько хочешь. Ну нельзя ли почаще? Скажем...

— Новый год каждый месяц,—поддержала ее Фея.—Но первой, я думаю, отказалась бы твоя мама...

— Вообще-то да,—задумалась Золушка.—В прошлый раз она сказала: я так устала! Потому что понимаете, Фея,—стала объяснять Золушка,—у нее-то волшебной палочки нет, а надо все купить, приготовить, убрать до гостей, после гостей—и все сама...

— Очень разумно рассуждают золушки, все знают, все понимают,—тяжело вздохнула Фея.—Вот только непонятно: ты рассказываешь о заботах своей мамы, как будто это все происходит на другой планете, за которой ты наблюдаешь в телескоп, а сама принять участие в ее жизни никак не мо-

жешь. Как будто это вовсе не твоя мама, и веник, которым она подметает квартиру, не твой, и...

— Фея,—сказала Золушка, снимая серпантин,—на дворе праздник, а вы требуете от меня клятвы, что приму участие в уборке квартиры... Как-то это...

— Скучно?

— Не вовремя.

— Может быть, ты назначишь время, когда тебе будет удобно и приятно выслушать сообщение о том, что ты лентяйка и не помогаешь маме? Боюсь, ты его не найдешь. Малоприятные истины всегда не вовремя.

— Я не лентяйка,—сказала Золушка с достоинством.—Если посчитать, чем загружен день рядового школьника, и какие он носит тяжелые портфели, и сколько времени и сил он тратит, то мы увидим...

— А если рядом мы приведем сравнительную таблицу: сколько и чего носит Золушкина мама и чем загружен ее день да начнем считать и сравнивать, кому тяжелее и кто больше занят, то мы увидим, что отношения в семье испорчены! Когда близкие люди начинают подсчитывать, кому тяжелее, а кому легче и кого побольше загрузить, они от этого становятся не такими уж и близкими, скорее далекими.

— Правильней сказать: не далекими,—тихонько засмеялась Золушка.

— А твоя мама и так считает, что ты слишком загружена в школе, что ты еще маленькая. Дети в этом смысле гораздо наблюдательнее взрослых. «Я уже взрослая»,—думает Золушка, в то время как родители считают ее еще мальшом. Но как это узнать точно: бывает, что во вполне взрослой на вид и замечательно упакованной

оболочке помещаются душа и мозг несмышленьша. Бывает и наоборот: внешность детская, а обладатель таковой внешности—умница и взрослый. Я думаю, что приход взрослости—это вдруг обострившееся понимание другого человека, в первую очередь такого близкого, как мама... Близких-то понять не так-то просто—все время они под боком, такие, казалось бы, привычные. А надо понять, что мама—это не робот для подметания пола и доставания из кошелька нужных тебе денег, а человек, которому нужны время и возможность, чтобы отдыхать, думать, читать и выглядеть красивой. И от того, осуществляется это желание или нет, зависит, кстати, и наступление праздника...

— Как это?

— Вот обычная картинка. Новый год на дворе, стол ломится от наготовленных яств, дом блестит, но хозяйка мрачна

и раздражена. Пока она создавала все это великолепие, она устала. Поэтому, если ты хочешь, чтобы в доме был праздник, в первую очередь позаботься о том, чтоб в хорошем настроении была твоя мама. Надо дать ей такую возможность.

— Фея, вы думаете: как только я появлюсь на кухне, она придет в восторг? Вы заблуждаетесь! Вот что будет.— Золушка воздела руки над головой и очень похоже на свою маму воскликнула:— Только ради бога оставьте меня в покое, не отвлекайте. Мне надо сделать еще то-то и то-то... Далее следует перечень дел из тридцати двух пунктов... А вы (вы—это я, папа, кот Аидас...) только и делаете, что мешаетесь у меня под ногами. А мы не мешаемся,— закончила Золушка.— Например, однажды я испекла под праздник торт, да... Сколько раз я пыталась...

— Золушка,— спокойно сказала Фея,— не пой, как глухарь, ты уже говоришь не ради дела, а потому, что тебе приятно слушать самое себя. Встанем на противоположную точку зрения. Видишь ли, когда некоторая мама, здорово подустав, приходит с работы и застаёт на кухне перемазанные тестом ложки и плошки, белый от муки пол и противни, к которым прикипело намертво что-то черное и сгоревшее (у детей это называется сделать сюрприз. У взрослых: «О ужас!»), не всякая мама, скажем прямо, сумеет при этом взять себя в руки, улыбнуться и сказать: «Как я рада, что ты хотела мне помочь». Простим ей этот недостаток силы воли. Лучше поговорим о тебе. Прежде чем браться помогать, надо хорошенько обдумать, что из этой помощи может выйти. То есть браться надо за дело, которое тебе по плечу. Помощь, от которой маме лишние хлопоты, не помощь. Если ты решила появиться у плиты однажды в год с грандиозным намерением испечь торт «Наполеон», а в остальное время года не привыкла даже мыть за собой посуду, то ничего из этих «наполеоновских» планов не выйдет.

— Но как ей помогать?

— В первую очередь возьми на себя заботы о самой себе. Именно они, как ни странно, доставляют маме наибольшие хлопоты. Ну, самое простое:

чтобы твое школьное платье было почищено и выглажено, твои вещи выстираны, зашиты, после еды не оставалась грязная посуда, чтобы твои школьные дела не ошеломляли своей безрадостностью... Это, конечно, загадка родительской души, но почему-то плохие оценки доставляют родителям гораздо больше неприятных ощущений, чем детям, которые их получают. Когда ты получаешь двойку, ты, ну, что ли, несколько мрачнее; умножь эту мрачность на три—это будет настроение твоей мамы, когда она узнает о той же самой двойке. А ругает она тебя, потому что ей самой плохо.

Начни помогать маме не за два дня до Нового года, а хотя бы недельки за три и каждый день. И увидишь, мама без всяких предупреждений почув-

ствует наступление праздника. А то, знаешь, золушки иногда ломают голову, как устроить праздник в школе, в отряде, в компании, где угодно, но совсем забывают, что праздник начинается всегда с дома.

Какая бы веселая и нарядная ты ни вернулась в дом, где невесело, праздник тут же улетучится. И тогда Золушка думает: ах, как дома плохо, а там, не дома, так весело. И начинает искать радости где угодно, но только не в своей семье, а это неправильно. Из этого проистекают всякие печальные последствия.

— Но чем-то поразить маму на праздник все-таки надо, Фея,— умоляюще сказала Золушка.— А то все подметать да убирать...

— Хорошо. Давай поразим,— согласилась Фея.

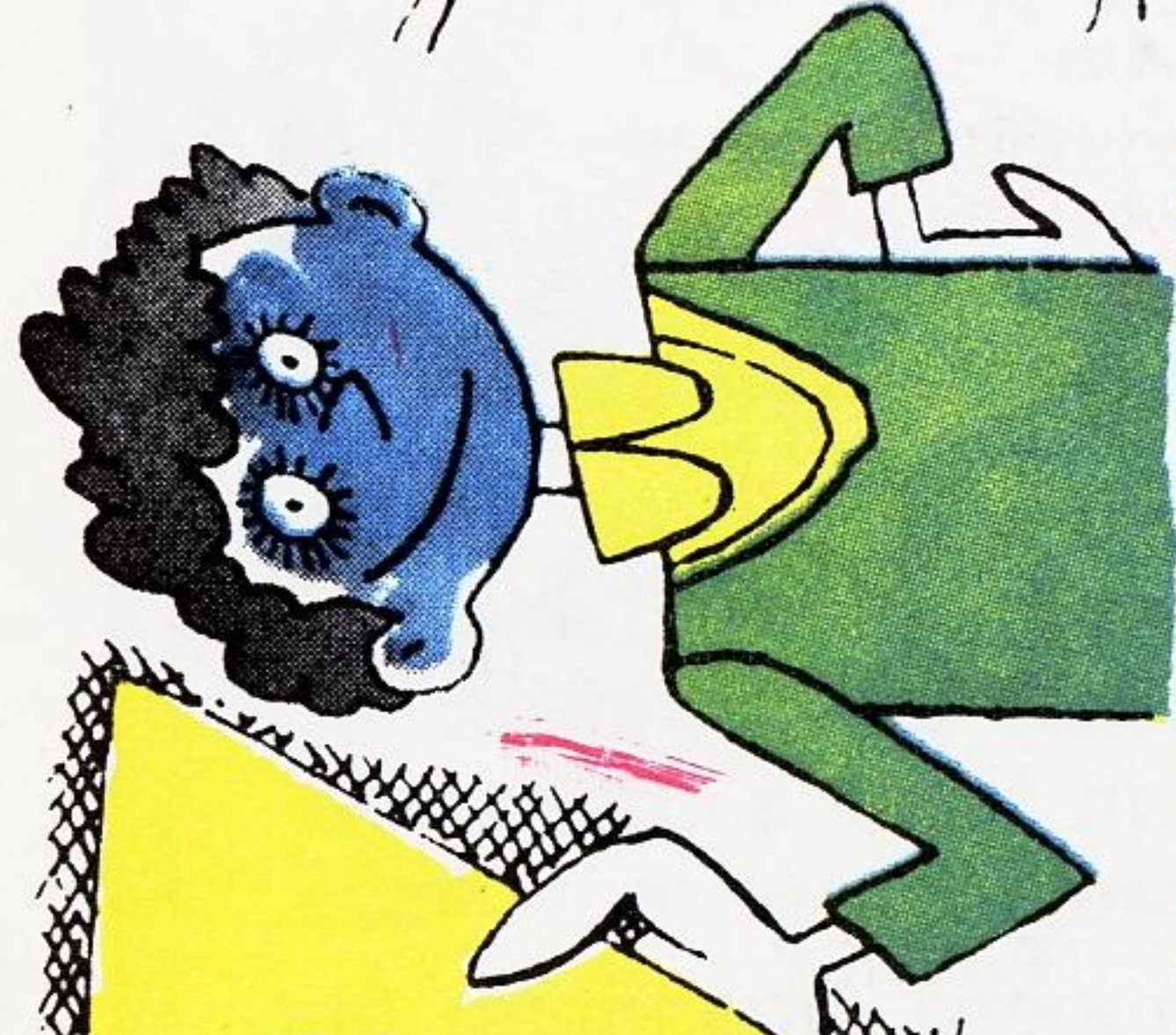

Очень просто, довольно быстро. И довольно неожиданно. Нужно немного орехов, апельсин и... мороженое. Скажем, большая пачка пломбира. Или две. Зависит от того, на сколько человек рассчитано угощение.

Апельсины чисто моем, обрезаем верхушки и разрезаем пополам. Содержимое осторожно извлекаем, вынимаем косточки, измельчаем, смешиваем с растолченными орехами и пломбиром. Полученной массой наполняем оранжевые чашечки и замораживаем их в морозилке. Можно поражать.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель: Перескажи своими
словами содержание рассказа!
Ученик: Капитан Ахунбаев
держал за пазухой минометную
батарейку...

Марат Фатыхов,
г. Казань.

Учитель: Составь предложе-
ние со словом «грабли»!

Ученик: «Мы пошли грабить
грядки».

Лена Юдина,
Архангельская обл.

Учитель: Подбери синоним к
слову «думать»!

Ученик: Шевелить мозгами!
Нина Ерофеева,
г. Чита.

НА УРОКАХ ЗООЛОГИИ

Учитель: Чем питаются
цапли?

Ученик: Длинным клювом!
Геннадий Прошин,
г. Семипалатинск.

Учитель: Какие виды собак
ты знаешь?

Ученик: Собаки бывают глад-
кошерстные и... пушечные!
Таня Газарян,
Армянская ССР.

Из школьных сочинений

«Спасаясь от мошек, корова была хвостом по спине и жалобно рычала...»

«Когда он очнулся, то заметил, что его руки были связаны по рукам и ногам...»

«Медведь спал в берлоге и сосал ногу».

«Соседский сад находился по соседству...»

«Юра, сгорбившись задумчивым лицом, писал сочинение».

За серьезное и несерьезное поведение
детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЕНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Содержание журнала «Пионер» за 1985 год

Михаил Сергеевич Горбачев. Биографическая справка.— № 4.

Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии СССР.— № 4.

ПОВЕСТИ

На Гран-рю. — М. Прилежаева. — №№ 1—4.

Кумир двенадцатого года. — А. Барков.— № 1.

Тайна пирамиды. — Вл. Крапивин. — №№ 2—4.

Среди войны. — Л. Симонова. — №№ 4—5.

Внуки мои, внуки... Главы из повести.— А. Бруштейн.— № 5.

Его среди нас нет... — С. Иванов. — №№ 6—9.

Голубая рапсодия. Главы из книги.— А. Маркуша.— №№ 6—8.

Полынные сказки. — Ю. Коваль. — №№ 7—10.

Книги.— А. Яковлев.— №№ 10—12.

Открыватели. Главы из книги.— Л. Разгон.— №№ 10, 11.

Возьмите в руки карандаш! Отрывок из книги.— Л. Николаев.— № 12.

РАССКАЗЫ, СКАЗКИ

Вокруг света в три часа. Фантастический рассказ.— К. Булычев.— № 1.

Тревога. Рогалик. — С. Алексеев.— № 2.

Ключик-замочек. — Л. Кузьмин.— № 3.

Шар. — М. Москвина.— № 5.

Осколки синей чашки.— Р. Баблюян.— № 5.

Сказка о том, как девочка Маша работала геологом в геологической экспедиции.— Э. Успенский.— № 6.

Чертов котел. — С. Романовский.— № 9.

Собака и соловей. Киргизская народная сказка.— Пересказал Д. Брудный.— № 9.

Фиолетовый цвет.— А. Глебов.— № 11.

Агент Х.99, или Рассказы зрителя маяка.— Дж. Родари. Перевел с итальянского Л. Каневский.— № 12.

Тыюшка-Немогушка. — В. Савельев. — № 12.

Дворняжка Рекс.— Д. Димов.— № 12.

СТИХИ

Баллада о Никарагуа.— Б. Чалый. Перевела с украинского Л. Титова.— № 1.

Звезда.— Ю. Кушак.— № 1.

И вновь на памяти былое. 9 мая 1945.— И. Мазнин.— № 2.

Обелиск.— И. Гамазкова.— № 2.

Мальчишка.— Хо Хыу; Хочет земля объяснить на словах.— Чан Данг Кхоа. Перевел с вьетнамского А. Чернов.— № 2.

Где зимует жара.— Суан Куинь. Перевела с вьетнамского И. Токмакова.— № 2.

Образованная мышь. Цена князя. Басни.— М. Корюн.— № 2.

Слово о матери. Отрывки из поэмы.— А. Костецкий.— № 3.

Дежурный.— Е. Флорентьева.— № 3.

Советский солдат. Имя. Флажок над кормой.— С. Погореловский.— № 4.

Народ-победитель. — Л. Мартынов. — № 5.

Защитники Сталинграда.— А. Сурков.— № 5.

Сороковые...— Д. Самойлов.— № 5.

Мужество.— А. Ахматова.— № 5.

«Его зарыли в шар земной...».— С. Орлов.— № 5.

Отцы.— Е. Винокуров.— № 5.

Баллада о мире.— Е. Благинина.— № 6.

Скажем лету. Лес. Полдень у реки. Бабушка вяжет.— Вл. Приходько.— № 6.

Дети всей Земли. Отрывки из поэмы.— Р. Фархади.— № 7.

Прощание с «Орленком».— Т. Котенева.— № 7.

Утренних зорь часовой.— В. Степанов.— № 7.

Язык дружбы. — Ю. Луцкевич.— № 8.

Шел по городу отряд. Звездный ветер. Как ожила речка Тихоня.— В. Аушов.— № 8.

Лось. — Ф. Харитонов.— № 9.

Как ты. — А. Кондратьев.— № 9.

Беседа. Перед зеркалом. Попался! Эй, стойте! — Д. Телевицкая.— № 9.

Впервые в библиотеке. Знаки препинания. Субботник. На уборке листьев. Таит первый снег. Яблоко. Зимние скворечники.— Л. Фадеева.— № 10.

Зима идет. — В. Войцеховский.— № 11.

Сбор рябины. — А. Сымонович.— № 11.

Зимняя сказка. — М. Алечкович. Перевел с сербохорватского Ю. Вронский.— № 11.

Друзья. — В. Коржилов.— № 12.

Новоселье. Прививка. «Говорят: «Прносятся детства дни веселые...». «О, взрослые! О, бабушки и тети!..». «Одиссея» в детстве. «Как я люблю рождение огня...». Первый снег. — В. Берестов.— № 12.

«КОРАБЛИК» — №№ 1—12.

ПЕСНИ

Моя страна. — Музыка Н. Пескова. Стихи М. Пляцковского.— № 3.

Пионерский марш. — Музыка М. Мишунова. Стихи В. Кайданова.— № 5.

Что такое Артек.— Музыка Ю. Чичкова. Стихи М. Пляцковского.— № 6.

Эта планета — одна у людей.— Музыка Ю. Чичкова. Стихи М. Пляцковского.— № 7.

Рисунки на асфальте. — Музыка Ю. Чичкова. Стихи М. Пляцковского.— № 8.

Трубачи Первой конной. — Музыка Г. Крылова. Стихи П. Синявского.— № 10.

ПИОНЕРСКАЯ И ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕСОЮЗНЫЙ МАРШ ЮНЫХ ЛЕНИНЦЕВ

Знаменосцы, горнисты, барабанщики.— И. Христова.— № 2.

Верность. — М. Матвеева.— № 3.

Как пишется слово «Ленин».— В. Бурлаков; На груди красный галстук.— И. Денисов; Я твердо решил стать пионером.— Г. Глущенко.— № 5.

Голубое небо, ласковое солнце, прекрасный «Артек»...— № 6.

Созвездие «Артек». — О. Ремез.— № 6.

Об «Артеке» и артековцах.— № 6.

Вдруг прозвучит тревога.— М. Матвеева.— № 6.

«Орленок» набирает высоту.— С. Фурин.— № 7.

МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Артек.— № 1.

Радиогазета.— № 2.

Пионерская правда.— № 3.

Неделя революционной славы.— № 4.

Библиотечка пионера-активиста.— № 4.

Вахта памяти.— № 5.

Базар солидарности.— № 7.

День знаний.— № 9.

Ленинское задание.— № 11.

ОТРЯД ГОВОРIT С ОТРЯДОМ

С чего начинается дружба. Кого считать активистом? Дело, которым можно гордиться.— № 1.

Всесоюзный пионерский сбор-поиск «Верность красному галстуку». Дело, которым можно гордиться. Стоит ли ссориться.— № 2.

Пионерское поручение. Разговор со взрослыми.— № 3.

Обмениваемся опытом. Учение — это жизнь. Учителя и ученики. Как бороться с кличками? — № 4.

Всесоюзный пионерский сбор-поиск «Верность красному галстуку». Поход бережливых. Поступок. Как нам быть? — № 5.

Все страны в гости будут к нам.— № 6.

Воспитать себя в труде.— № 7.

Обмениваемся опытом. А у нас во дворе... Нам жить на этой земле! — № 8.

Учителя и ученики.— № 9.

Имя, которое носит отряд. Активная жизненная позиция.— № 10.

Пионерское поручение.— № 11.

С чего начинается дружба? — № 12.

ТЫ И РЕФОРМА

Если не сам, то кто же? — Ю. А. Косыгин. Литературная запись Т. Шароновой.— № 4.

Билет в XXI век.— Е. Плетнева.— № 10.

О способностях и сильной воле.— Л. Подкорытова и М. Матвеева.— № 12.

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ЗА И ПРОТИВ»

Перевод со школьного...— Н. Давыдова.— № 9.

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Чтобы шли за тобой.— А. Мясникова.— № 1.

Кто спасет от одиночества.— Н. Давыдова.— № 3.

Если в руках гитара.— А. Мясникова.— № 8.

Здравствуй, отряд! — №№ 9—11.

После «Тихой Люды». Беседу с В. Е. Чертихиным ведет И. Андрианова.— № 11.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

Тимуровская операция «Сад Мира» продолжается.— № 2.

История одного разговора.— И. Андрианова.— № 4.

Мира тебе, «Сад Мира»! — Т. Шаронова.— № 5.

БОЕВОЙ ЛИСТОК №№ 2, 3.

МОЙ КОНЕК

Мой младший брат Петричек.— Е. Плетнева.— № 2.

Сентябрьская охота на раков.— И. Андрианова.— № 9.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

...И услышишь ты трубы победы.— А. Воробьев.— № 2.
Праздник юности, праздник детства.— Т. Андросенко; Доброго пути, фестиваль!— Ш. Молнари; Белая птица в чистом небе.— И. Алексеева.— № 5.
Сувенир, который может летать. Слушайте «Голос пионера». Праздник равных дощечек.— В. Рыбин.— № 7.
Ндугу—музыкант. Рисунок едет в Москву. Фестивальная эмблема.— В. Рыбин.— № 8.

СПОРТ

Прыжок в четыре оборота. Беседу с А. Фадеевым записал Ст. Костерин.— № 12.

В СТРАНЕ ШАХА—ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ. Ведет М. Юдович.— №№ 1—12.

ЖИЗНЬ СТРАНЫ СОВЕТОВ

Костюм для богатырей.— К. Каневский.— № 2.
Есть за Камчаткой острова.— В. Иванов.— № 6.
Стены древнего Кремля.— О. Тихомиров.— № 7.
Стахановцы.— Е. Велтистов.— №№ 8, 9.
Канал в пустыне.— Ю. Крутогоров.— № 10.
Если хочешь быть счастливым...— А. Масс.— № 11.

ПЯТИЛЕТКА, В КОТОРОЙ РАБОТАТЬ ТЕБЕ

Наш друг — лес. Беседа юнкоры Московского Дворца пионеров с А. И. Зверевым. Записал Ю. Крутогоров.— № 2.

ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

На самом острие.— В. Киселев.— № 5.

ПРОФЕССИЯ—РЕВОЛЮЦИОНЕР

Первое сражение.— И. Стрелкова.— № 2.
«Лишь бы светила яркая звезда нашего идеала».— А. Некрасов, Е. Селезнева.— № 12.

ГОРОДА-ГЕРОИ

Ведет Е. Селезнева.

Брестская крепость-герой.— № 1.
Одесса.— № 2.
Минск.— № 4.
Москва.— № 5.
Мурманск.— № 9.
Смоленск.— № 12.

ТОЧКА НА КАРТЕ

У Запорожья—трудоу характер.— А. Масс.— № 3.
Вниз по Енисею.— В. Мочалов.— № 4.
Заповедник для... камней.— В. Коробельников.— № 8.

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Ведет В. Никитина.

Приборы-гулливеры.— А. Семенов; И ломтик сыра на сдачу.— Н. Пипко; Человек, взвесивший землю.— П. Савко; Чем мы хуже пауков.— В. Иноходцев.— № 1.
Осязание у молекул.— В. Иванов, В. Черникова; Гляди—в тени болотные огни.— Н. Пипко; Лампа, не имевшая проводов.— В. Иноходцев; Я знаю—ты знаешь—не знает никто.— П. Савко.— № 3.
Великан-атомоход.— Г. Воронов, В. Черникова; Мазь, спасавшая красноармейцев.— П. Савко; Легендарное оружие.— Н. Пипко; Свет летит от Тынды до Москвы.— А. Дмитриев.— № 5.
Клякса-гадалка.— М. Батарцев; Кошачий глаз.— Н. Пипко; Фотография на кленовом листе.— Л. Викторова; Каникулы до ноября.— П. Савко.— № 8.
Твой друг—компьютер.— А. Семенов; Долететь до далекой звезды.— В. Черникова, В. Иноходцев.— № 9.
Тайядавуку из рода Красной куртки.— А. Андреев; Крылатый богатырь.— Н. Пипко.— № 10.
Выросла капуста в море.— В. Иванов, В. Черникова; Пусть всегда будет Солнце!— В. Добряков; Башня на Шаболовке.— В. Иноходцев; Циклоны в пробирке.— М. Батарцев.— № 11.

ТЕБЕ, БУДУЩИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Мерзлотная разведка.— Р. Баландин.— № 1.
Машины учатся ходить.— М. Кривич.— № 5.
Какие новости у соседей?— Л. Мухин.— № 7.
Лучше увидеть землю.— В. Козлов.— № 7.
Лес охраняется с высоты.— В. Сухих.— № 7.
Космический спасатель.— А. Белосусов.— № 7.

ПРО ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

Ведет А. Плешаков.

Надо спасти слонов; Жаворонок; Звезды на морском дне.— № 3.
Где зимуют ласточки? Дракон на зеленом листе; Сурик-труженик.— № 9.
Познакомьтесь: сони; Птичка-невеличка; Представьте себе!— № 12.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Дело всех и каждого. Круглый стол.— Подготовил А. Полехин.— № 1.
Много воды утекло в Эльбе.— А. Яковлев.— № 2.
Главный дар человека.— Т. Григорьев.— № 4.
Горькие плоды «инфитаха».— В. Михайлов.— № 4.
Сколько стоит школьный ранец.— С. Беденко.— № 4.
Кто повинен в голоде.— В. Михайлов.— № 9.
Куда ушло детство.— И. Моничев.— № 9.
Борьба до победы.— С. Рухович.— № 9.
Терроризм: Сделано в США. Круглый стол «Пионера».— № 10.
Под звездами балканскими.— О. Тихомиров.— № 11.

НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ

От фестиваля к фестивалю.— №№ 2, 4, 6.
Фестивальные дороги.— С. Фурин.— № 4.
Пионерский салют фестивалю!— № 7.
Пожелания делегатам XII Всемирного.

го.— Вл. Крапивин, А. Пахмутова, И. Петрянов-Соколов.— № 7.
Счет №700140.— № 7.
Костюм для делегата.— В. Северьянова.— № 7.
На марках—фестиваль.— № 7.
Сувенир делегату фестиваля.— С. Телятникова.— № 6.
Обращение участников слета юных борцов за мир к делегатам XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.— № 11.

В МИР ПРЕКРАСНОГО

Разговор со зрителем.— В. Журавлев.— № 1.
В Царстве Снежной Королевы, или Чудеса искусственного льда.— Г. Смирнова.— № 2.
Как хорошо уметь читать!..— С. Богатырева.— № 5.
«Машал»—значит «Факел».— С. Богатырева.— № 8.
Матрешек пестрый хоровод.— Н. Давыдова.— № 8.
Человек-художник.— З. Корогодский.— № 9.
Дерево-виноград.— Л. Яхнин.— № 10.
Подросток—дитя на подрасте.— З. Корогодский.— № 10.
Талантливый зритель.— З. Корогодский.— № 11.
Первые звезды Тимура.— В. Разумневич.— № 12.
Мчится, мчится потешная колесница.— Н. Давыдова.— № 12.

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

Такое детское дело. К 200-летию Я. Гримма.— Е. Великанова.— № 1.
Ваш будущий друг. К 80-летию М. Шолохова.— Ю. Лукин.— № 5.
«Мой друг, весь день я с ними...».— В. Порудоминский.— № 6.
Смешной мечтатель. К 180-летию Х. К. Андерсена.— Н. Соломко.— № 6.
Небесная «Швамбрия». К 80-летию Л. Кассиля.— М. Москвина.— № 8.
День рождения. К 50-летию А. Лиханова.— И. Стрелкова.— № 9.
Возраст отважных, выносливых, терпеливых. К 60-летию Р. Погодина.— Н. Соломко.— № 9.
С добрым утром, хороший человек! К 60-летию В. Железникова.— В. Разумневич.— № 10.
Марк Твен сел однажды за письменный стол... К 150-летию М. Твена.— Е. Великанова.— № 11.
К 60-летию Ю. Дмитриева.— № 12.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА

В Мелихове, у Чехова.— С. Богатырева.— № 4.

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

Детство счастливое, детство героическое. О книге В. Крючкова «Барабан бьет тревогу».— В. Король.— № 2.
Помни их имена. О книге «Помни их имена».— С. Беденко.— № 2.
Когда не могу не писать. Беседу с Б. Васильевым вели Е. Великанова и Ю. Пясковский.— № 5.
Моя любимая собака. О книге Г. Тропольского «Белый Бим черное ухо».— Е. Плетнева.— № 6.
Неприступная крепость. О книге А. Новикова «Неприступная крепость».— С. Телятникова.— № 9.
Про мир и дом, где мы живем.— № 10.
Семена добра. О книге Вл. Шаповалова «Медвяный звон».— В. Пальваль.— № 11.

В КАЮТ-КОМПАНИИ «КОРАБЛИКА»

Ведет Н. Давыдова.

«Я сочинил стихотворение...» — № 1.
Двойник поэта. — № 2.
Стихи и рифма. — № 4.
Волшебная сила ритма. — № 9.
«Пишу в момент очарования». — № 10.
Тревога! Плагиат! — № 12.

100 СОВЕТОВ ЗОЛУШКЕ — №№ 1—12.

ВИКТОРИНЫ. КОНКУРСЫ. ЗАДАНИЯ.

Итоги смотра эмблем и девизов КИДов. — № 2.
Итоги Всесоюзного конкурса юных филателистов «Навстречу фестивалю». — № 6.
Итоги Всероссийского конкурса на лучшее художественное произведение для детей, посвященное 40-летию Победы. — № 7.
Итоги конкурса «Созвездие Пса — за полчаса!» — № 10.

ЮМОР

«ПЕРЕМЕНКА»

Ведет В. Алёнин.

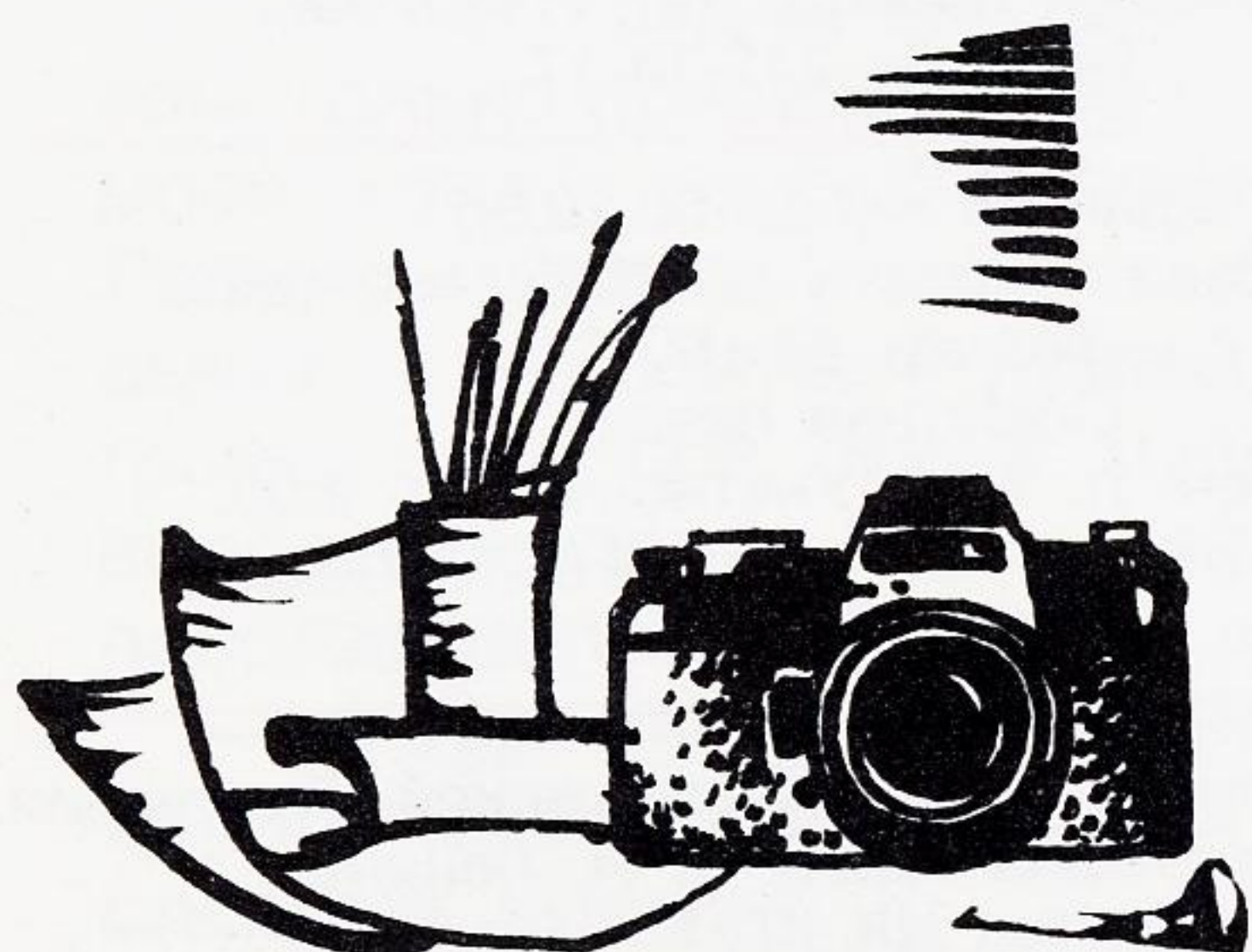
Невыдуманные диалоги. — №№ 1—12.
Веселый «Ералаш». — С. Адамов. — № 1.
Интервью с И. Кио и Ю. Аверьино. — М. Потоцкая. — № 2.
Шумите на здоровье. — М. Потоцкая. — № 3.
Интервью с Т. Гвердцители. — М. Потоцкая. — № 5.
Подсмотрелинки. — № 6.
Интервью с Г. Рогинской. — М. Потоцкая. — № 7.
Поговорим о лебединых шеях, или Грустная почта «Переменки». — Л. Яковлева. — № 8.
Переходящий приз. Юмореска. — О. Назаров. — № 10.
Интервью с Ю. Куклачевым. — М. Потоцкая. — № 12.

В оформлении журнала участвовали художники:

А. Борисов, Д. Барабаш, А. Вовикова,
А. Гришин, Н. Доброхотова, А. Дугин,
В. Дудкин, Н. Ермолаев, А. Ивашенцева,
Ю. Карпова, Д. Крылов, Б. Кыштымов,
М. Лисогорский, Е. Медведев, А. Мелик-Саркисян, В. Мочалов, С. Остров, М. Петров, С. Соколов, Е. Стерлигова, С. Трофимов, В. Федоров, Н. Федорова, Л. Хайлов, Л. Хачатрян, Е. Шабельник.

Фотокорреспонденты:

В. Арсирый, М. Выегжанин, Д. Герман,
И. Гневашев, А. Гращенков, В. Гусев, С. Гурарий, А. Кондратьев, В. Корабельников,
Н. Кочнев, Н. Рахманов, С. Сафонова,
С. Старшинов, А. Черных, А. Шпикалов.

Анкета «Пионера»-85

Дорогой друг!

Ты получил 12-ю книжку «Пионера». И сейчас, когда мы встречаем новый, 1986 год, редакция обращается к тебе, самому близкому нашему другу-читателю, с традиционной просьбой: поделиться своим мнением о 12 номерах прошедшего года. Давайте вместе полистаем страницу за страницей все 12 номеров. Там были повести и рассказы, кругосветные путешествия и новые разделы, стихи и «Переменка»... Чтобы еще интереснее сделать журнал, мы просим тебя, наш читатель, ответить на несколько вопросов.

1. Что больше всего тебе понравилось в «Пионере», а что не понравилось и почему?

2. Назови, на твой взгляд, лучшую повесть, рассказ, стихотворение, сказку, песню.

3. Какую тему для разговора ты предложил бы для раздела «Отряд говорит с отрядом».

4. Вопрос только для девочек. Что тебе понравилось в разделе «100 советов Золушке»? О чем ты хотела бы прочитать еще в этом разделе.

5. Вопрос только для мальчиков. Нужен ли специальный раздел для мальчиков? Если да, то почему, и о чем бы ты хотел прочитать в нем, какое бы название раздела ты предложил?

6. С кем из знатных людей страны (героем труда и войны, ученым, космонавтом, писателем, художником, артистом, певцом, спортсменом...) ты бы хотел встретиться на страницах журнала? Какой вопрос хотел бы задать ему?

7. «Пионер» проводил много различных конкурсов. Какой бы конкурс ты хотел предложить «Пионеру» в наступающем году, на какую тему?

Мы просим тебя ответить на эти вопросы «Анкету», написать свои имя и фамилию, в каком классе ты учишься, где живешь. Мы заранее говорим всем нашим читателям «спасибо» за участие в нашей традиционной анкете.

Место для ответа на анкету.

СОДЕРЖАНИЕ

Мчится, мчится потешная колесница.— Н. Давыдова.....	II обл.
Книги.— Повесть А. Яковлева. Окончание	3
Отряд говорит с отрядом.— Рисунки А. Вовиковой.....	14
О способностях и сильной воле.— Л. Подковытова, М. Матвеева.....	16
Новоселье. Прививка. «Одиссея» в детстве. Первый снег.— Стихи В. Берестова. Рисунок Ю. Карповой	21
Города-герои	22
Лишь бы светила яркая заря нашего идеала.— А. Некрасов, Е. Селезнева.....	24
Возьмите в руки карандаш! — Л. Николаев ...	29
Первые звезды Тимура.— В. Разумневич. Рисунки Л. Хачатряна.....	36
Агент X.99, или Рассказы зрителя маяка.— Дж. Родари.....	40
В кают-компании «Кораблика»	45
«Кораблик».....	46
Ежики.— Ю. Дмитриев. Фотография Н. Кочнева.....	48
Друзья.— Стихи В. Коржикова	50
Поздравляем новых лауреатов!.....	51
Тыюшка-Немогушка.— В. Савельев	52
Про птиц и зверей.— Рисунок Н. Доброхотовой.....	53
Прыжок в четыре оборота.— Интервью взял С. Костерин	54
Дворняжка Рекс.— Д. Димов	56
100 советов Золушке	58
Переменка	60, III обл.
Содержание журнала «Пионер» за 1985 год	61
Анкета «Пионера»-85	63

На обложке:

Новогодний карнавал.— Рисунок С. Соколова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, И. Н. НИКИТИН, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1985.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.10.85.

Подписано к печати 17.10.85. А 04647.

Формат 84×60¹/₈.

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.

Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 650 000 экз.

Изд. № 2704. Заказ № 1658.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

Сегодня у нас в гостях лауреат премии Ленинского комсомола клоун Юрий КУКЛАЧЕВ. Он не просто клоун, а клоун-дрессировщик! «Кошачий папа» — так назвал его кто-то из маленьких зрителей. С Юрием Куклачевым беседует наш корреспондент Марина Потоцкая.

...На столе в гримерной Куклачева стоит резиновая кукла — веселый рыжеволосый клоун с кошкой на руках.

— Юрий Дмитриевич, как эта кукла на вас похожа!

— А это я и есть! Эту куклу мне подарили во время гастролей нашего цирка в Японии.

— А что за кошка у резинового клоуна?

— Это моя самая первая кошка, Стрелка... Кстати, она и сейчас выступает на арене. Уже вполне могла бы попроситься «на пенсию», но до сих пор отлично работает!

— Вы не выступали в Москве несколько лет и вот наконец приехали в цирк на Ленинских горах. Что в вашем багаже?

— Двадцать кошек! Есть среди них «звезды», есть и скромные статисты... Всех их вы можете увидеть на выставке кошек, которую я устраиваю на дневном представлении.

— А кто это у вас мяукает за ширмой? Можно посмотреть?

— Пожалуйста! И познакомиться можно — это наша новенькая, начинающая артистка Чуня. Приехала из Парижа, а вообще-то ее родина — Голландия...

— Какая смешная — курносая, глазастая, шерсть торчит во все стороны... А актерские данные у Чуни есть?

— Пока трудно сказать. Она еще только привыкает ко мне, к моей жене и первой помощнице Лене, к нашим ассистентам. Привыкает не бояться людей, их громких голосов, смеха, музыки, аплодисментов... Это тоже непростое дело!

— А где ваша четвероногая труппа гастролировала в последнее время?

— Мы много ездили по нашей

стране, были за границей — в Латинской Америке, в Японии, во Франции...

— И как ваши кошки себя показали в поездках?

— С самой лучшей стороны! Были прилежны и талантливы, нравились зрителям, и те часто после представления приглашали нас к себе в гости. Однажды вечером в Буэнос-Айресе, в Аргентине, мы поехали в гости к... пожарным. Там в пригороде есть целый поселок, где живут пожарные. Подъезжаем мы и видим — впереди огонь полыхает! Неужели, думаем, это у пожарных горит? Неужели пожарные сами у себя пожар потушить не могут?! Подъехали поближе, смотрим — а это все пожарные, вместе со своими женами и детьми, выстроились вдоль дороги, по которой мы ехали, и держат в руках горящие факелы. Необыкновенно красиво и торжественно! Но когда мы вернулись в Москву и рассказали об этом своим детям, то, конечно, объяснили, что зажигать такие факелы разрешается только пожарным!

— Интересно, как ваши Юра, Катя и Вова относятся к тому, что их папа и мама работают в цирке, с животными?

— Цирк они, конечно, очень любят. А вот что касается животных... Понимаете, моя дочка Катя мне как-то говорит: «Папа, у всех детей дома есть кошка или собака, рыбки или хомячок...

А у нас — никого! Ну пускай хоть Паштет дома живет!» А Паштет — это наш пес, партнер наших кошек. Пришлось Кате объяснить, что не могут у нас звери жить дома, как у всех. Они у нас в цирке «на работе»!

— Да, работают они у вас очень здорово! И удивительно, как это получается?..

— Мне один мальчик из города Сочи в письме попросил прислать ему то, от чего кошки становятся дрессированными! Он прямо так и пишет: «Вышлите ЭТО бандеролью, а если ЭТОГО нужно много, то вышлите посылкой!»

— И что же вы этому мальчику ответите?

— Отвечу, что ЭТО ни в какую посылку не поместится! Потому что ЭТО — наша любовь к животным, к любым животным — породистым и беспородным, красивым и не очень... ЭТО — наше терпение, доброта, чуткость... И вообще — совершенно не обязательно дрессировать кошек или собак! Можно просто о них заботиться и никогда не обижать! Тогда животное будет отвечать вам взаимностью. А это так приятно, так радостно. Вы мне поверьте, я животных хорошо знаю!

6677

Стихи о новогодней елке и о первом дне зимних каникул сочинила
Надя АВЕРКИНА, пятиклассница
московской школы № 669.

ISSN 0130—8009

Мы наряжаем елку

Вот рыбка золотая
Плывет по мишуре,
Вот ягодка простая
Повисла на шнурке.
Початок кукурузы,
Собачка и конек,
И шарики-арбузы,
И свечки огонек.
Веселый попугайчик
И матовая шишка,
Снегирь, котенок, зайчик
И косолапый мишка.
Стоит под елкой белый,
Усатый Дед Мороз.
А рядом — персик спелый,
Повыше — абрикос.
Вот сахарная ветка:
Огромный апельсин,
Прозрачная конфетка
И сладкий мандарин.
Забавная игрушка,
Волшебный петушок.
Но лучше всех хлопушка,
Орешек и флажок!
К матрешке в сарафане
Повесил мяч Илья.
Две звездочки — в кармане,
А их повешу я!

Каникулы

Идем торжественно во двор,
Где мы бывали до сих пор,
Но он теперь волшебный, сказочный,
Морозный,
Светлый,
Чудный,
Красочный!

Цена 30 коп.

Индекс 70694.

